

Психологическая лаборатория АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ

Проведение научных исследований по заказам органов власти, государственных и негосударственных структур и организаций. Помощь в планировании, организации и проведении научных исследований, весь спектр математических методов обработки данных и интерпретации результатов.

Консультации по всем вопросам оформления и подготовки научных работ. Индивидуальная психологическая помощь и сопровождение частных лиц. Психотерапия и психокоррекция. Тренинг личностного роста. Оказание практической помощи в работе с персоналом. Социально-психологический тренинг делового и личностного общения. Проведение судебно-психологической экспертизы.

**Индивидуальный подход и конфиденциальность.
Телефон в Рязани: 8 903 839 65 94**

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ

лиц. 166816 от 19.10.2006,
государственная аккредитация 0402 от 01.12.2006
Год основания 1993.

ПРОВОДИТ НАБОР ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ПСИХОЛОГИЯ»

Первое высшее образование – 6 лет
Второе высшее образование – 3 года

Специализации: психологическое консультирование,
психология менеджмента

Краткосрочные курсы повышения квалификации по психологическому
консультированию и психотерапии

От 72 часов:

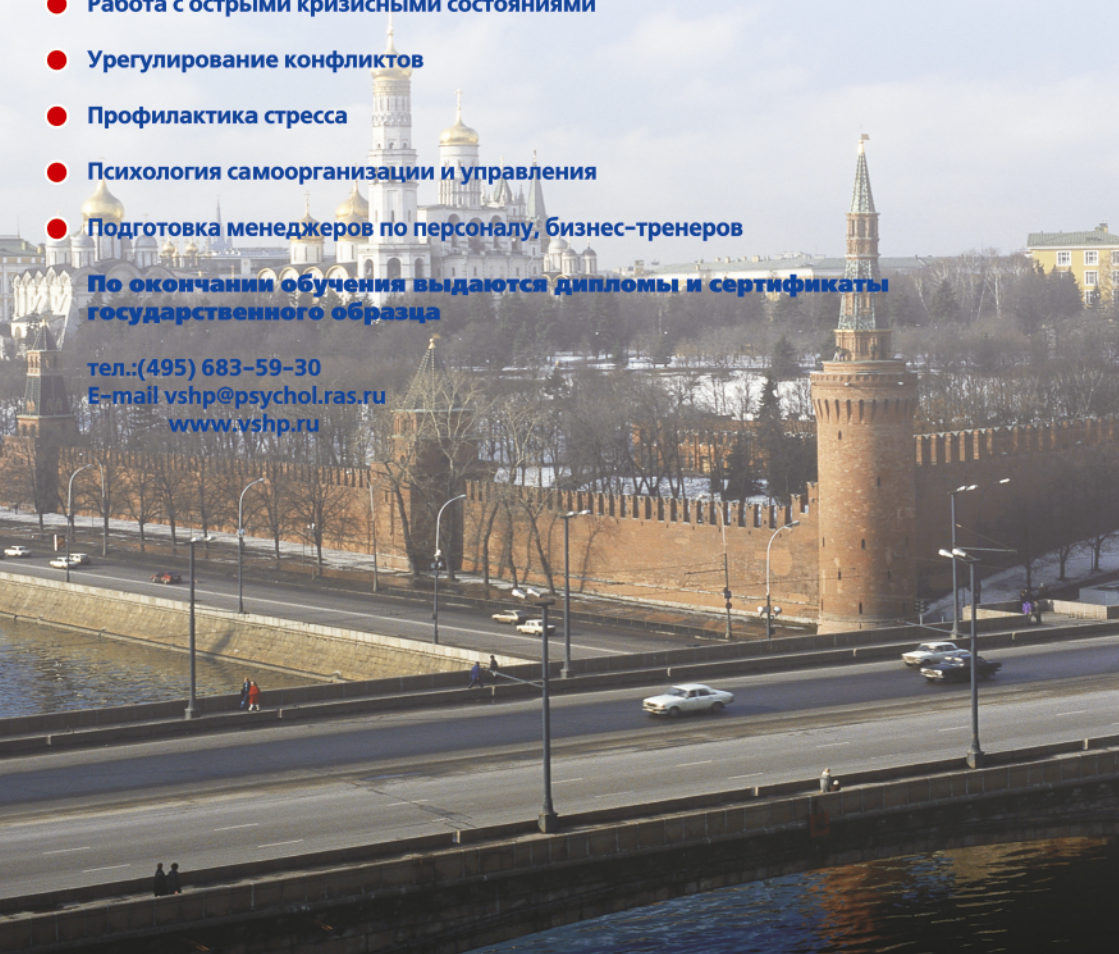
- **Экспресс-диагностика черт личности и острых эмоциональных состояний (в том числе суицид)**
- **Работа с острыми кризисными состояниями**
- **Урегулирование конфликтов**
- **Профилактика стресса**
- **Психология самоорганизации и управления**
- **Подготовка менеджеров по персоналу, бизнес-тренеров**

По окончании обучения выдаются дипломы и сертификаты государственного образца

тел.:(495) 683-59-30

E-mail vsnp@psychol.ras.ru

www.vsnp.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор –

Д. В. Сочивко,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Зам. главного редактора –

Т. Н. Савченко,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –

И. В. Блинникова,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

Зам. главного редактора –

Е. Н. Богданов,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Ответственный секретарь –

Е. А. Щелкушкина,
кандидат психологических наук,
Рязань

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

С. К. Бондырева, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Р. М. Воронин, доктор медицинских
наук, Рязань

А. Л. Журавлев, член-корреспондент
РАН, доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. В. Датий, доктор медицинских наук,
Рязань

М. Г. Дебольский,
кандидат психологических наук,
доцент, Москва

А. А. Крымов, кандидат юридических
наук, доцент, Рязань

М. И. Марьин, доктор психологических
наук, профессор, Москва

А. В. Молоствов,
кандидат психологических наук,
Липецк

Н. Н. Нечаев, академик РАО,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

А. Н. Пастушеня,
доктор психологических наук,
профессор, Республика Беларусь

А. В. Пищелко,
доктор педагогических наук,
профессор, Москва

В. М. Поздняков,
доктор психологических наук,
профессор, Москва

Н. А. Полянин,
кандидат психологических наук,
Рязань

В. Ю. Рыбников,
доктор медицинских наук,
доктор психологических наук,
профессор, Санкт-Петербург

А. И. Ушатиков,
доктор психологических наук,
профессор, Рязань

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

ТЕМА НОМЕРА:

профессионализм и нравственность

профессионализм

профессионально- нравственное общение

криминальная субкультура

Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Тематика статей этого номера посвящена в основном различным аспектам исследования профессиональной определенности личности специалиста в правовом поле. Разными авторами затрагиваются самые различные стороны деятельности специалистов уголовно исполнительной системы, в частности в исправительных учреждениях, педагогов и руководителей.

Важным моментом является представленная в ряде статей эмпирическая база, позволяющая работающему специалисту (а также и молодому ученому исследователю) корректировать свою деятельность, шире применять на практике знания, опирающиеся на факты, полученные современной наукой — юридической, общей и социальной психологией, и в различных областях междисциплинарных исследований.

**методология
и теория
юридической
психологии**

**прикладные
и экспериментальные
исследования**

**психология
социальных явлений
и качество жизни**

психопрактики

**В ПОМОЩЬ
руководителю**

**В ПОМОЩЬ
молодому ученому-
исследователю**

dura lex sed lex

Однако характерным моментом большинства публикаций этого номера является повышенное внимание авторов к гуманистическим и нравственным аспектам работы специалиста в правовом поле. Это с одной стороны. С другой стороны можно проследить явную тенденцию повышения внимания исследователей к интрапсихическим связям нравственных моментов (в виде каких-то показателей или связей) с поведенческими и личностными характеристиками обследуемого контингента испытуемых.

Нам представляется, что такой ракурс исследовательского внимания не случаен. Речь, видимо, идет как о современном социальном заказе, так и об общекультурных и научно-парадигмальных основаниях современных психологических исследований в области юридической психологии.

*Главный редактор,
доктор психологических наук, профессор
Д. В. Сочивко*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Методология и теория юридической психологии

- Идеи полипрофессионализма в психолого-акмеологических исследованиях.
Богданов Е. Н., Посохова А. В. 10
- Столкновение молодежных и криминальной субкультур
в среде несовершеннолетних осужденных в воспитательных колониях.
Поздняков В. М. 17
- Особенности нравственного самоопределения студенческой молодежи.
Зобков А. В., Малова Е. Н. 24
- Гендерные аспекты организационной культуры уголовно-исполнительной системы.
Киселева Р. Н., Тоболевич О. А. 34

Прикладные и экспериментальные исследования

- Об особенностях применения метода контент-анализа
в судебно-психологической экспертизе различной предметной направленности.
Енгальчев В. Ф., Моисеева И. Г., Моисеев А. В. 39
- К вопросу о социально-психологической адаптации осужденных.
Чернышева Е. В. 46
- Некоторые криминологические и индивидуально-психологические
характеристики лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления
в состоянии алкогольного опьянения. **Красненкова С. А., Щелкушкина Е. А.** 57
- Характеристики криминальной субкультуры лиц, осужденных и отбывающих
наказание за преступления экстремистской направленности.
Казберов П. Н. 66
- Мотивационная сфера личности бывших сотрудников
уголовно-исполнительной системы, совершивших преступления
коррупционного характера. **Гаврина Е. Е., Хаванова И. С.** 74

Психология социальных явлений и качество жизни

- Степень закрытости системы как фактор восприятия качества жизни.
Головина Г. М., Савченко Т. Н., Сочивко Д. В. 82
- Исследование культурных особенностей опосредствованного запоминания
с помощью методики пиктограмм. **Арестова О. Н.** 91
- Развитие толерантности социальных педагогов в системе
«вуз — дополнительное профобразование». **Толстикова С. Н., Никитина Н. И.** 95
- К вопросу о формировании гуманистических основ пенитенциарной педагогики.
Васильева С. А. 106

Психопрактики

Пути решения проблемы адаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы к применению научно-технических средств в правоохранительной деятельности. **Епифанов С. С.**

112

Маркеры эмоционального выгорания в семантическом пространстве личности. **Болдырев А. В., Болдырева Т. А., Тхоржевская Л. В.**

118

В помощь руководителю

Основные пробелы в осуществлении взаимодействия между отделами безопасности с другими службами по обеспечению режима и надзора в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и пути их решения на практике.

Горбач Д. В.

127

Концептуально-методические основания развития антикризисной переговорной компетентности сотрудников органов внутренних дел.

Вахнина В. В.

130

В помощь молодому ученому-исследователю

Особенности социально-психологической адаптации студентов разных курсов обучения. **Шарок В. В.**

135

Влияние специфики служебной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы на состояние их психического здоровья.

Самойлов Н. Г., Алёшичева А. В.

145

Dura lex sed lex

Содержание психолингвистического исследования при производстве экспертиз по уголовным делам экстремистской направленности.

Поминов А. В.

152

Некоторые проблемные вопросы исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него.

Горбач Д. В., Строилов С. В.

159

Охрана в системе средств обеспечения безопасности в исправительных учреждениях. **Шефер В. В.**

163

CONTENTS

Topic: professionalism and ethics

Methodology and theory of legal psychology

- Ideas of multiprofessionalism in psychological and acmeological researches.
Bogdanov E. N., Posokhova A. V. 170
- Conflict of youth and criminal subcultures in reformatories for underage convicts.
Pozdnyakov V. M. 171
- Peculiarities of moral self-determination of students' youth.
Zobkov A. V., Malova E. N. 174
- Gender aspects of organizational culture in penitentiary system.
Kiseleva R. N., Tobolevich O. A. 175

Applied and experimental researches

- Some features of application of the content analysis method in forensic psychological examination of various subjects.
Engalychev V. F., Moiseeva I. G., Moiseev A. V. 177
- To the question of socio-psychological adaptation of convicts.
Chernysheva E. V. 179
- Some criminological and psychological characteristics of persons committed traffic accident under the influence of alcohol.
Krasnenkova S. A., Shhelkushkina E. A. 180
- Characteristics of criminal subculture of persons convicted and serving sentences for crimes of an extremist nature. **Kazberov P. N.** 182
- Motivation sphere of penitentiary system ex-employees who committed corruption crime. **Gavrina E. E., Khavanova I. S.** 184

Psychology of social phenomena and life quality

- The level of system's closeness as a factor of life quality experiencing.
Golovina G. M., Savchenko T. N., Sochivko D. V. 185
- Research of cultural peculiarities in mediated memory organization by pictogram method. **Arestova O. N.** 187
- Development of tolerance of social pedagogues in the system "university — additional vocational education". **Tolstikova S. N., Nikitina N. I.** 188
- On the formation of the humanistic foundations of the penitentiary pedagogy.
Vasilieva S. A. 190

Psychopractices

Solution to the problem of penitentiary system personnel's adaptation to application of scientific and technological tools in law enforcement.

Epifanov S. S.

191

Markers of emotional burnout in the semantic space of personality.

Boldyrev A. V., Boldyreva T. A., Thorzhevskaya L. V.

193

Assistance to administrators

Some gaps in interaction between security departments and other security administrations in penitentiary system of Russian Federation and the ways of its optimization. **Gorbach D. V.**

195

Conceptual grounds for development of crisis negotiation competence of employees of Internal Affairs bodies. **Vakhnina V. V.**

196

Assistance to young scientists

Features of socio-psychological adaptation of students from different course years.

Sharok V. V.

197

The influence of specific character of penitentiary system's staff activity on their mental health. **Samojlov N. G., Aljoshicheva A. V.**

198

Dura lex sed lex

The content of psycholinguistic research in criminal cases of extremist orientation expertizing. **Pominov A. V.**

200

Some problem issues of execution in the form of lifelong imprisonment and parole.

Gorbach D. V., Stroilov S. V.

203

Guard in security system of correctional facilities. **Shefer V. V.**

204

ИДЕИ ПОЛИПРОФЕССИОНАЛИЗМА В ПСИХОЛОГО-АКМЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Е. Н. Богданов, А. В. Посохова

Аннотация: авторы статьи отмечают заметную в настоящее время тенденцию к усложнению многих видов профессиональной деятельности, которые требуют не какой-то одной профессиональной компетенции, а разных по своему содержанию профессиональных компетенций. При этом сложные виды профессиональной деятельности имеют профессиональный статус деятельности так называемого полипрофессионального профиля и требуют формирования пространства компетентностей, которое называется полипрофессиональной компетентностью. К таким видам сложной деятельности относят управленческую и предпринимательскую деятельность, полипрофессиональная компетентность которых состоит из следующих видов компетентности: собственно профессиональной, управленческой, экономической, правовой, кадроведческой, психологической, акмеологической компетентности в сфере PR-взаимодействий и др.

В сложных видах деятельности полипрофессионального профиля важны и так называемые полипрофессиональные качества и умения, связанные с главными направлениями или функциями сложной деятельности а также соответствующими компетентностями.

Авторы обращают внимание на то, что поликомпетентностное содержание сложных видов профессиональной деятельности заставляет по-новому решать проблему профессионализма субъек-

тов этой деятельности. Становится очевидным, что акмеологическая идеология монопрофессионализма нуждается в существенном уточнении и развитии для формирования и развития профессионализма субъектов сложных поликомпетентных видов деятельности.

Исследования рассматриваемой проблемы позволили высказать предположение о том, что полипрофессионализм как личностно-профессиональное свойство не сводится лишь к совокупности знаний, умений и навыков в разных профессиональных сферах, имеющих высокий уровень развития, а представляет собой функциональную систему различных видов профессионализма, необходимую для эффективного выполнения сложной деятельности, где каждый вид профессионализма является подсистемой общей системы полипрофессионализма.

Исходя из современного понимания категории «профессионализм», можно утверждать, что это понятие следует рассматривать в единстве его главных составляющих — полипрофессионализма деятельности и полипрофессионализма личности, составляющих единую систему.

Проведенные психолого-акмеологические исследования позволили обобщить важнейшие понятия проблемы полипрофессионализма. В частности, полипрофессионализм деятельности следует понимать как обобщенное личностно-профессиональное свойство

субъекта деятельности, проявляющееся в следующем:

- высокий уровень полипрофессиональной компетентности и полипрофессиональной квалификации;
- разнообразие эффективных профессиональных навыков и умений, в том числе основанных на творческих решениях, соответствующих полипрофессиональной компетентности;
- совершенное владение современными алгоритмами и способами решения разнообразных профессиональных задач, соответствующих компетенциям;
- высокая стабильная результативность деятельности;
- устойчивая тенденция повышения результативности.

Отмеченные свойства подлежат дальнейшему развитию.

Авторы статьи предлагают рассматривать полипрофессионализм личности как обобщенное личностно-профессиональное свойство субъекта деятельности, проявляющееся:

- в высоком уровне развития профессионально важных и личностно-деловых качеств, соответствующих полипрофессиональной компетентности;
- высоком уровне развития акмеологических инвариантов профессионализма;
- креативности личности и деятельности;
- высоком осознанном уровне профессиональных и личностных притязаний;
- характеристиках мотивационной сферы, личностных смыслов и ценностных ориентаций, направляющих на прогрессивное личностное и профессиональное развитие;
- высоком уровне нормативности

регуляции деятельности и отношений.

Отмеченные свойства также подлежат дальнейшему развитию.

В акмеологическом понимании полипрофессионализм — это не только углубление профессионализма, развитие «вглубь» (повышение уровня специальной компетентности, специальных навыков и умений, развития важнейших личностно-профессиональных качеств, креативности и пр.), но главным образом расширение пространства профессионализма. Это расширение связано в первую очередь с освоением новых компетенций и совершенствованием в них, а также интегрированием их в единую систему поликомпетентности, которая является важной составной частью полипрофессионализма.

В силу своей актуальности и соответствия нынешним реалиям идеи полипрофессионализма должны найти свое отражение и в практике подготовки специалистов в высших учебных заведениях. Сейчас необходимо готовить не просто компетентных специалистов, а полипрофессионалов в любой сфере.

Ключевые слова: акмеология, профессионализм, полипрофессионализм, полипрофессиональная компетентность, сложные многофункциональные виды деятельности, полипрофессиональный профиль.

В публикациях, связанных с анализом социально-экономической ситуации в нашей стране, в выступлениях руководителей государства часто можно встретить суждения о том, что сейчас в управлении, предпринимательстве, здравоохранении, образовании и других сферах особенно остро ощущается недостаток настоящих профи-

оналов. Это справедливые утверждения, однако надо заметить, что у нас в стране отношение к профессионализму и профессионалам всегда было двойственным: с одной стороны, постоянно декларировалась большая потребность в них, а с другой — отсутствовал внятный и реальный запрос на профессионализм. Особенно наглядно это проявлялось в кадровой политике, когда на высокие должности назначались лица лишь по критерию принадлежности к команде или семье, и предпринимательстве, где немалая действует доля серых схем и теневых операций, на которые настоящие профессионалы не пойдут в силу высокой нормативности их поведения и деятельности.

Доминирование непрофессионализма наносит стране огромный ущерб, поэтому важно, чтобы профессионализм стал главным критерием при решении кадровых вопросов во всех сферах жизнедеятельности страны. Для этого необходимо соответствующее научное обеспечение, потому что проблема профессионализма весьма сложная, недостаточно разработанная и требующая глубокого изучения.

В науке интерес к проблеме профессионализма всегда был большим. В настоящее время она разрабатывается в социологии, экономике, философии и психологии (В.К. Белолипецкий, В.Г. Игнатов, А.В. Понеделков, В.А. Сулимов, А.И. Турчинов и др.). Однако наиболее результативными следует признать психолого-акмеологические исследования, в которых именно профессионализм является важнейшей базовой категорией (А.А. Деркач, В.Г. Зазыккин, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан и др.). В этих исследованиях было раскрыто

психолого-акмеологическое содержание феномена профессионализма, обоснован его понятийный аппарат, разработаны критерии оценки профессионализма, пути и методы его развития, было показано, что профессионализм имеет системную организацию и состоит из нескольких подсистем (профессионализма личности и деятельности, нормативной регуляции, образных представлений). Были разработаны психолого-акмеологические модели профессионализма, частные акмеологические концепции профессионализма и его развития (А.А. Деркач, В.Г. Зазыккин, А.К. Маркова и др.). Проблема профессионализма активно разрабатывается в прикладных направлениях акмеологии, особенно в акмеологии управления [2, 4, 5].

В психолого-акмеологических исследованиях профессионализма всегда подчеркивалась важная роль такого личностно-профессионального свойства, как профессиональная компетентность. Она, по сути, является центральным звеном, главной составной частью профессионализма, ведь без высокого уровня компетентности невозможно стать профессионалом. В акмеологии и психологии профессиональная компетентность позиционируется прежде всего как сложное личностно-профессиональное свойство субъекта деятельности, не сводимое только к профессиональной эрудиции или квалификации, а проявляющееся прежде всего в сфере признанного и авторитетного профессионального ведения. Понятие «ведение» близко по содержанию к понятию «компетенция» как сфере приложения общей системы соответствующих профессиональных зна-

ний, умений, профессионального статуса в области их проявления. Иными словами, сущностью компетенции является общепризнанная сфера авторитетного профессионального ведения, имеющая определенные границы [7].

Полученные в научных исследованиях результаты, безусловно, являются значимыми для разработки проблемы профессионализма. В то же время их можно рассматривать как ее первый срез, ибо профессиональные реалии свидетельствуют о том, что необходимо более глубокое изучение, в том числе основанное современных профессиональных феноменах и направлениях их изменения. Эта необходимость обусловливается, в первую очередь, тенденцией, связанной с возрастанием роли и доминированием так называемых сложных полипрофессиональных видов деятельности. Полипрофессиональными называются виды деятельности, выполнение которых осуществляется в разных сферах компетенций и соответственно требует разных по своему содержанию и научному обеспечению видов компетентности. Полипрофессиональные виды деятельности существовали всегда. Примером может служить деятельность земских врачей, которые были и терапевтами, и хирургами, и невропатологами и т. д. К полипрофессиональной можно отнести деятельность руководителей так называемых системообразующих (головных) предприятий, выпускающих высокотехнологическую продукцию, содержащую разные компоненты, и имеющих большое количество «смежников».

Заметим, сейчас рыночная экономика диктует такие условия и требования, которые приводят к тому, что по-

липрофессиональных видов деятельности становится существенно больше. И эта тенденция будет сохраняться в обозримом будущем, так как она обусловлена как экономическими причинами (такие специалисты могут работать, что называется, за троих), так и снижением влияния технократичности управления, при доминировании которого управление человеческими ресурсами стояло чуть ли не последнем месте. Вследствие этого в таких традиционных полипрофессиональных видах деятельности, как управленческая, значительно повысилась роль психологической и акмеологической компетентности, позволяющей вести работу по восполнению и преумножению человеческих ресурсов.

Естественно, полипрофессиональная деятельность требует от ее субъекта не просто профессиональной компетентности, а компетентности в различных сферах. В этом случае речь идет о пространстве компетентностей, или поликомпетентности, или полипрофессиональной компетентности.

Наиболее наглядно роль полипрофессиональной компетентности проявляется в предпринимательской деятельности. Профессиографический анализ предпринимательской деятельности позволил описать важнейшие ее направления, среди которых: управление, организация взаимодействия, экономическая деятельность, прогностическая деятельность, оценочная деятельность, правовая деятельность, рекламная деятельность и другие ее составляющие, которые связаны единой целью — получением прибыли. Значимость этих компонентов сопоставима. Для успешной предпринимательской

деятельности необходимо обладать соответствующими данным направлениям компетентностями — управленческой, психологической, кадроведческой, экономической, правовой, собственно профессиональной, компетентностью в сфере рекламных коммуникаций и PR-взаимодействия и многими другими. Они требуют различных знаний и умений, в том числе не связанных между собой.

Иными словами, компетентность в предпринимательстве представляет собой пространство из названных компетентностей, которое в совокупности образует единую систему. Системные связи определяются общей целью предпринимательской деятельности и целями ее направлений, то есть речь должна идти не о компетентности, а о поликомпетентности.

Проблема полипрофессиональной компетентности была поставлена относительно недавно и разрабатывалась преимущественно в связи с необходимостью подготовки в педагогических вузах специалистов полипрофессионального профиля (Н.В. Кузьмина, Н.Н. Пачина, Н.П. Фетискин и др.). Ее психологическое и акмеологическое содержание наиболее полно разработано в трудах Н.Н. Пачиной [9]. В частности, в ее изложении полипрофессиональная компетентность представляла собой структурно-динамическое интегративное новообразование, направленное на решение внутрипрофессиональных и межпрофессиональных задач, то есть систему внутрипрофессиональных и межпрофессиональных компетентностей. Было установлено, что при профессиональной подготовке специалистов в русле идеи полипрофесси-

ональной компетентности необходимо выделить «акмеологическое ядро» ее развития, включающее в себя следующие виды компетентности: профессионалогическую, аутопсихологическую, акмеологическую и интегративную. Каждая из них состоит из мотивационного, когнитивного, регулятивного и рефлексивного компонентов.

Разработка проблемы полипрофессиональной компетентности у субъектов, занимающихся сложной многофункциональной деятельностью, обусловила выход на более масштабные уровни. Так была сформулирована проблема полипрофессионализма. Действительно, если деятельность полипрофессиональная, а ее направления и компетенции являются равнозначимыми, то правильнее было бы говорить не о профессионализме субъекта, а о его полипрофессионализме.

Первые работы в русле идеологии полипрофессионализма проводились в рамках педагогической психологии и акмеологии (И.А. Валеева, Д.М. Вечедов, Н.Е. Казакова, Н.В. Кузьмина, Л.Ф. Лунева, О.Г. Носкова и др.). В дальнейшем исследования стали осуществляться в собственно акмеологическом русле, то есть стали направляться на изучение полипрофессионализма как системы профессионализма различной направленности, имеющей разный научный базис — управление, право, психологию, педагогику, акмеологию и пр.

Дальнейшая разработка проблемы позволила исследователям высказать предположение о том, что полипрофессионализм как личностно-профессиональное свойство не сводится к совокупности знаний, умений и навыков в разных профессиональ-

ных сферах, имеющих высокий уровень развития, а представляет собой единую функциональную систему различных видов профессионализма, необходимую для эффективного выполнения сложной профессиональной деятельности, в которой каждый вид профессионализма является подсистемой.

В данном понимании полипрофессионализм, безусловно, можно позиционировать как «метапрофессионализм», «интегративный профессионализм» и прочее, терминологический аппарат проблемы полипрофессионализма в настоящее время обосновывается и уточняется. Главное, что в сложных полипрофессиональных видах деятельности признано существование единой системы различных видов профессионализма (по направлениям деятельности или выполняемым функциям), которая сейчас называется полипрофессионализмом.

Исходя из современного понимания категории профессионализм (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Н.В. Кузьмина и др.) можно утверждать, что полипрофессионализм следует также рассматривать в единстве его составляющих:

- полипрофессионализма деятельности;
- полипрофессионализма личности.

В соответствии с данным подходом и с опорой на акмеологические исследования профессионализма были обоснованы следующие определения.

Полипрофессионализм деятельности — качественная характеристика субъекта труда, проявляющаяся в следующих свойствах:

- высокий уровень полипрофессиональной компетентности и полипро-

фессиональной квалификации;

- разнообразие эффективных профессиональных навыков и умений, соответствующих полипрофессиональной компетентности, в том числе основанных на творческих решениях;

- совершенное владение современными алгоритмами и способами решения разнообразных профессиональных задач, соответствующих разным компетенциям;

- высокая стабильная результативность деятельности;

- устойчивая тенденция повышения результативности.

С акмеологической точки зрения, отмеченные свойства могут развиваться в широком диапазоне и быть составляющими профессионального «акме».

Полипрофессионализм личности — это качественная характеристика субъекта труда, проявляющаяся в следующих свойствах:

- высокий уровень развития профессионально важных и личностно-деловых качеств, соответствующих полипрофессиональной компетентности;

- высокий уровень развития акмеологических инвариантов профессионализма;

- креативность личности и деятельности;

- высокий осознанный уровень профессиональных и личностных притязаний;

- характеристики мотивационной сферы и ценностных ориентаций, направленные на прогрессивное личностное и профессиональное развитие;

- высокий уровень нормативности регуляции деятельности и отношений.

Отмеченные свойства подлежат дальнейшему развитию, которое про-

исходит у тех, кто направлен на достижение профессионализма и профессионального «акме».

Таким образом, полипрофессионализм в акмеологическом понимании — это не только развитие профессионализма «вглубь» (повышение уровня специальной компетентности, специальных навыков и умений, развития важнейших личностно-профессиональных качеств, креативности и пр.), но и расширение пространства профессионализма. Это расширение связано в первую очередь с освоением новых компетенций и совершенствованием в них, а также их интегрированием в единую систему поликомпетентности, которая является важной составной частью полипрофессионализма. Такое расширение пространства сходно с акмеологическим феноменом развития субъектности, проявляющимся прежде всего именно в расширении субъектного пространства.

Идея полипрофессионализма в психологии и акмеологии пока завоевывает научные позиции, доказывает свою значимость и перспективность. В то же время очевидно, что полипрофессиональная подготовка специалистов существенно повысит их конкурентоспособность на рынке труда, даст новые, более высокие эталоны и стандарты профессионализма.

Для дальнейшей углубленной разработки проблемы полипрофессионализма необходимы координированные масштабные исследования в пространствах сложных видов профессиональной деятельности.

Литература

1. Держач А.А., Зазыкин В.Г. Акмеология. СПб.: Питер, 2003.
2. Держач А.А., Зазыкин В.Г. Акмеология управления. Казань: ЦИТ, 2008.
3. Держач А.А., Зазыкин В.Г. От подготовки специалиста к подготовке профессионалов // Профессиональное образование. 2013. № 11. С. 10–12.
4. Держач А.А., Зазыкин В.Г. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях. М.: РАГС, 2004.
5. Зазыкин В.Г. Основы акмеологической теории профессионализма в управлении. М.: МААН, 2004.
6. Зазыкин В.Г. Особенности изучения акмеологического объекта // Акмеология. 2012. № 3. С. 20–26.
7. Зазыкин В.Г., Карпенко А.С. Психологическая компетентность руководителя. М.: ИПК ГС, 2008.
8. Пачина Н.Н. Полипрофессиональная компетентность: акмеологический ракурс рассмотрения // Парадигмальные основания психологии компетентности: материалы I Всерос. симпозиума (Кострома, 3 февр. 2012 г.). Кострома, 2012. С. 69–74.
9. Пачина Н.Н. Акмеология развития полипрофессиональной компетентности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Кострома, 2013.
10. Пачина Н.Н. Развитие полипрофессиональной компетентности субъекта высшей школы // Акмеология. 2012. № 2. С. 49–54.

СТОЛКНОВЕНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ И КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУР В СРЕДЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ

В. М. Поздняков

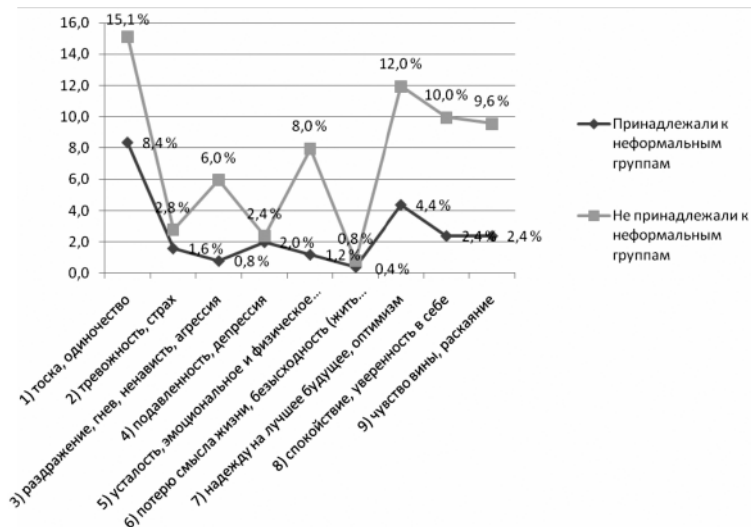
Аннотация: в статье представлены материалы эмпирического исследования субкультурной ориентированности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии, и ее влияния (в зависимости от наличия опыта нахождения или его отсутствия до осуждения в неформальных молодежных объединениях) на адаптацию в исправительном учреждении и построение отношений с окружающими. Выявлено, что конфликтность отношений среди воспитанников, и прежде всего мужского пола, обусловлена различиями в ценностно-смысловых субкультурных ориентациях. Обоснована дифференциация несовершеннолетних осужденных в аспекте пенитенциарного риска (по уровню субкультурной субъектности и направленности активности) на четыре специфичных типа: 1) субкультурно-агрессивный; 2) ситуативно-манипулятивный; 3) демонстративно-виктимный; 4) конформно-зависимый. В отношении каждого из указанных типов определены конкретные меры профилактики.

Ключевые слова: адаптация осужденных, асертивное поведение, атрибуты криминальной субкультуры, вина и иные переживания осужденных, неформальные молодежные объединения, нарушения осужденными дисциплины, пенитенциарная преступность и ее прогноз, пенитенциарный моббинг, субкультурная идентичность, типологизация осужденных, профилактическая

и психокоррекционная работа с осужденными.

Проведенное осенью 2014 г. под нашим руководством сотрудниками НИИ ФСИН России исследование в 27 мужских и 2 женских воспитательных колониях (далее — ВК) по теме «Криминально-субкультурные проявления несовершеннолетних осужденных и их профилактика» имело целью выявить причины растущего числа дисциплинарных нарушений и преступлений среди воспитанников данных учреждений, а также научного обоснования ориентиров пенитенциарной превенции. В последние годы пенитенциарная преступность в ВК в расчете на 1000 чел. выросла в 2 раза (2010 г. — 1,6; 2013 г. — 3,2). Кроме того, особую обеспокоенность руководства ФСИН России вызывает тот факт, что в ВК в 2011–2013 гг. зарегистрировано по 3 преступления по ст. 321 УК РФ «Деорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества». Указанный тренд преступных деяний в ВК согласно прогнозу, сделанному в диссертационном исследовании юриста С.Н. Сухарева (2014), будет сохраняться и в будущем [23].

На основе анкетирования несовершеннолетних осужденных (488 респондентов из мужских и 60 из женских колоний), а также экспертного опроса 529 сотрудников ВК выявлено, что сегодня в среде воспитанников наблюдается,

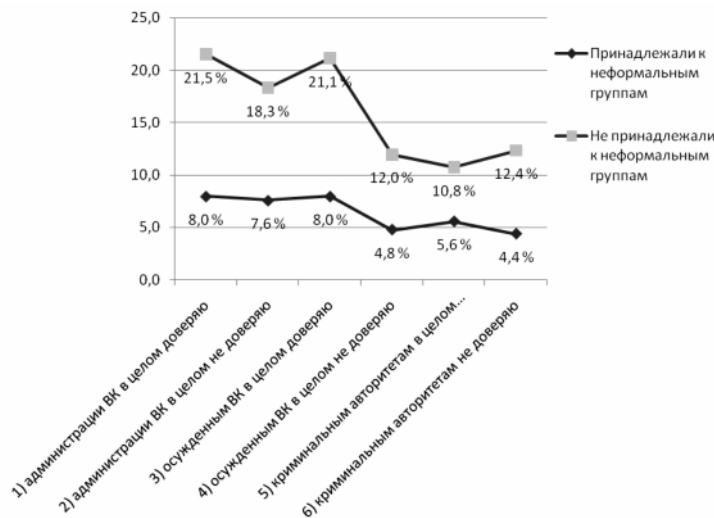
Рис. 1. Эмоциональные переживания в ВК у осужденных юношей из контрастных групп

с одной стороны, тенденция к уменьшению влияния атрибутов криминальной субкультуры, а с другой — рост конфликтного противостояния между несовершеннолетними осужденными, до попадания в места лишения свободы входившими в неформальные молодежные объединения (далее — НМО) и не состоявшими в них.

Первая тенденция, связанная с уменьшением влияния на спецконтингент атрибутов криминальной субкультуры, проявилась в следующем: по данным исследования, лишь 28% респондентов мужского пола считают важным постоянно обращаться друг к другу по криминальным кличкам; 21% — ориентироваться на итоги «прописки» в СИЗО, 20% — на существующую стратификацию в ВК; 16% — на использование криминального жаргона; 14% — на нанесение татуировок, отражающих криминальный статус). Среди опрошен-

ных несовершеннолетних осужденных женского пола лишь 8% считают, что в ВК распространены «законы, нормы и традиции зоны», причем, по мнению трех четвертей респондентов (76%), их поддерживают только криминально характеризующиеся лица. Тенденция снижения ориентированности современных несовершеннолетних на атрибуты криминальной субкультуры обнаружена и в ряде других современных исследований [3].

В рамках исследования установлено, что представители контрастных групп несовершеннолетних мужского и женского пола, до осуждения входивших в неформальные молодежные объединения и не состоявших в них, имеют различия по особенностям адаптации в ВК, им присущи специфические по виду и уровню переживания, они иначе строят свои отношения с окружающими людьми в ВК (рис. 1–4).

Рис. 2. Степень доверия несовершеннолетних осужденных юношей из контрастных групп к окружающим людям в ВК

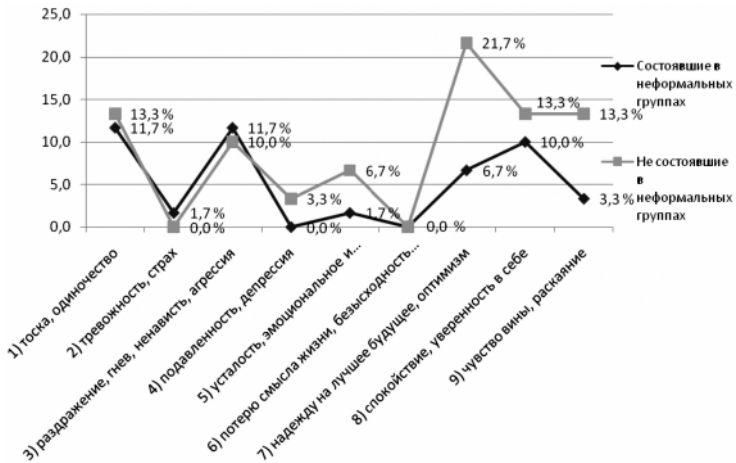
На рисунке 1 видно, что у осужденных, ранее входивших в НМО (далее — группа 1), меньше чувство вины и раскаяния, а также выраженность астенических переживаний, обусловленных тюремным стрессом в ВК, чем у несовершеннолетних, до осуждения не принадлежавших к НМО (далее — группа 2). В то же время среди представителей группы 2 значительно больше лиц, по сравнению с респондентами группы 1, которые испытывают в ВК «надежду на лучшее будущее, оптимизм» и проявляют «спокойствие, уверенность в себе». Подобная парадоксальность переживаний у представителей группы 2, когда им в большей мере присущи астенические переживания (тоска, раздражение, гнев и др.) и одновременно жизнестойкость в условиях ВК, может быть объяснена через наличие у них определенной компетентности по пенитенциарным реалиям, так как среди их род-

ственников и членов референтной группы многие уже отбывали наказания в виде лишения свободы.

У несовершеннолетних мужского пола, которые до осуждения являлись членами НМО, полученный субкультурный опыт своеобразно влияет на особенности доверия к окружающим их людям в ВК (рис. 2).

На рисунке 2 видно, что несовершеннолетние осужденные мужского пола, ранее принадлежавшие к НМО, демонстрируют большее доверие к администрации учреждения, но меньше доверяют криминальным «авторитетам» и иным осужденным. Это приводит, как свидетельствует анализ дисциплинарной практики ВК, к росту конфликтного противостояния среди спецконтингента.

Анализ данных проведенного исследования в гендерном аспекте свидетельствует о том, что по контрастным

Рис. 3. Эмоциональные переживания в ВК у осужденных девушек из контрастных групп

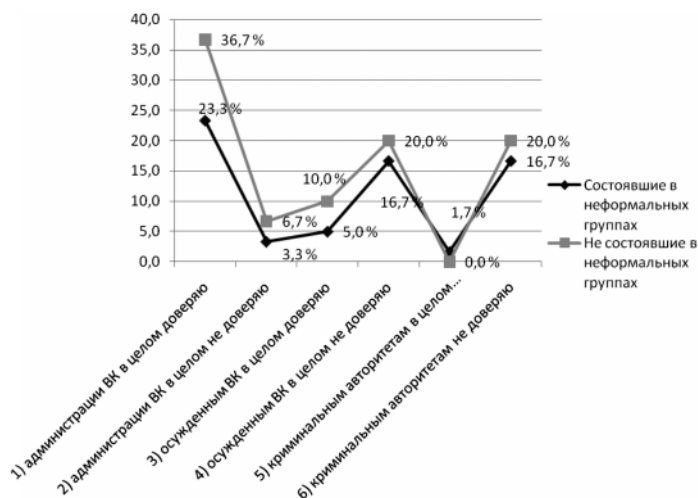
выборкам несовершеннолетних осужденных — лиц, входивших или не входивших до осуждения в НМО, — профиль эмоциональных переживаний у девушек является более сложным, чем у юношей (сравним рис. 3 и рис. 1).

У представителей контрастных групп несовершеннолетних осужденных женского пола в отличие от юношей наблюдается большее сходство в профилях эмоциональных переживаний, обусловленных «тюремным стрессом». В то же время осужденные девушки из группы 1 по сравнению с юношами из той же группы демонстрируют большее чувство вины, раскаяния и одновременно уверенности в себе, надежду на лучшее будущее, оптимизм. Из-за различий в субкультурном опыте осужденных девушек наблюдается и специфика в проявлении доверия к окружающим их в ВК людям (рис. 4).

На рисунке 4 видно, что большее доверие к администрации учреждения и к окружающим их осужденным (кроме

криминальных «авторитетов»), испытывают осужденные девушки, которые ранее не принадлежали к неформальным молодежным объединениям. Совпадение у представителей контрастных групп на крайне низком уровне по показателю «криминальным авторитетам в целом доверяю», вероятно, связано с тем, что лидерство в среде женской колонии преимущественно идет через утверждение конкретными делами для общности осужденных, в том числе на производстве, в школе, ПУ и т. д.

Итак, указанные и иные контрасты, выявленные в опросе и по поведенческим проявлениям представительниц женской и мужской выборки несовершеннолетних осужденных, дифференцированных по признаку наличия или отсутствия до попадания в колонию опыта членства в НМО, свидетельствуют о том, что в их среде конфликтность отношений обусловлена прежде всего различиями в ценностно-смысловых ориентациях и субкультурной дефор-

Рис. 4. Степень доверия несовершеннолетних осужденных девушек из контрастных групп к окружающим людям в ВК

мированности личности. Полученные нами данные корреспондируют с данными в ранее проведенных исследованиях, в частности содержащимися в докторской диссертации социолога А.Т. Хагурова (2007). Автором выявлено, что в постсоветской России дисфункции процесса социализации и возникновение правового нигилизма среди несовершеннолетних во многом связаны с утратой воспитательной роли семьи и школы и одновременно массивным насаждением через СМИ и Интернет идеологии потребительства, индивидуализма и вседозволенности. Кроме того, наши данные близки к выводу, содержащемуся в диссертационном исследовании социального философа С.В. Шпака (2012): современная молодежная субкультура базируется на сочетании ценностей и иных атрибутов криминальной субкультуры взрослых с нормами и символами мировосприятия и протестного поведения неформаль-

ных молодежных групп.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что сегодня в отечественных ВК «тюремная субкультура мутирует, так как несовершеннолетние осужденные, недостаточно зная и соблюдая традиции и обычаи тюремного мира, могут под влиянием неформальных лидеров их своеобразно регенерировать»*. Учитывая, что ВК в перспективе ждет рост численности не только криминализованных несовершеннолетних, но и лиц с опытом «стайности» решения проблем, приобретенным при нахождении в НМО, актуальным становится поиск и научное обоснование новых подходов в профилактике конфликтов и групповых экзессов, в том числе на основе предварительного создания современной социально-психологической типологии несовершеннолетних осужденных.

* Сделанный вывод близок позиции А.А. Шапоренко [24].

С учетом проведенного исследования и классификационных разработок ученых [2, 9, 21, 25, 6, 13, 11, 8, 20] в отношении субкультурной ориентации несовершеннолетних осужденных дифференциация в аспекте пенитенциарного риска (по уровню субкультурной субъектности и направленности активности) может быть осуществлена на четыре типа: 1) субкультурно-агрессивный; 2) ситуативно-манипулятивный; 3) демонстративно-виктимный; 4) конформно-зависимый. Указанные типы обладают определенными особенностями личности и стилем поведения в воспитательной колонии.

Среди представителей субкультурно-агрессивного типа выделяются лица, которые имеют большую идентификацию с криминальной или конкретной контркультурой, а поэтому агрессивное отстаивание ими в поведении приверженности ценностям и нормам собственной субкультурной принадлежности с одновременным проявлением стремления вовлечь в сферу своего влияния окружающих осужденных часто приводит не только к межличностным конфликтам, но и к групповым эксцессам, дезорганизующим деятельность исправительного учреждения [16, 19].

Представителей ситуативно-манипулятивного типа отличает постоянный поиск личной выгоды в условиях отбывания наказания в ВК, а поэтому они, обладая определенной интеллектуальной развитостью и навыками манипулирования, способны «использовать» несовершеннолетних осужденных, учитывая их определенные личностные слабости или подыгрывая субкультурной иден-

тичности. Следствием их активности часто является не только запускание слухов и сплетен в определенных ситуациях в ВК, но и способствование диффамации пенитенциарных авторитетов или подстрекательство к аутодеструктивным проявлениям несовершеннолетних осужденных (попыткам суицида, самоповреждений и иным деструкциям) [5].

Среди представителей демонстративно-виктимного типа могут быть несовершеннолетние осужденные, обладающие, во-первых, психическими аномалиями (по данным исследования И. В. Смакоотиной-Лацис, это прежде всего лица с асоциальным расстройством поведения, расстройством в виде гиперактивности с дефицитом внимания и оппозиционно-вызывающим расстройством [18]) или с акцентуациями характера [1, 12, 15], а во-вторых, с низким пенитенциарным статусом, но стремящиеся его поднять на основе шантажно-демонстративных актов поведения [4]. Если в отношении первой из указанных категорий несовершеннолетних осужденных требуется проведение профилактических мероприятий при участии медработников ВК [7, 17], то в отношении второй категории необходима превенция в аспекте массового включения несовершеннолетних в процесс «пенитенциарного моббинга» (от англ. *to mob* — приставать*).

К конформно-зависимому типу отнесены несовершеннолетние осужденные, для которых характерны уже в начальный период нахождения в колонии публичные проявления внешней кон-

* В иных языках для раскрытия сути феномена «моббинг» применяются иные термины: *bossing*, *bullying*, *molestation*, *harassment* [26].

формности с целью избежать санкций со стороны доминирующих групп. Впоследствии у них в силу специфики условий ВК развивается податливость как характеристика личности, базирующаяся на преобразовании индивидуальных установок в результате внутреннего принятия позиций окружающих, которые оцениваются как более обоснованные и объективные, чем собственная точка зрения. С конформно-зависимыми несовершеннолетними необходимо проводить специальную психокоррекцию, направленную на формирование асертивного поведения (от англ. *assertiveness* — самоутверждающего поведения с отстаиванием своих и соблюдением других прав), что крайне значимо как при нахождении в ВК, так и для жизни на свободе [10].

В отношении выделенных типов несовершеннолетних осужденных необходим подбор адекватных психокоррекционных методик, а также включение их в комплекс программ исправительно-ресоциализирующего плана. При этом благодаря реализации индивидуально-дифференцированного подхода в обращении с несовершеннолетними осужденными возникают условия для запуска процесса их самоисправления, так как задействуются механизмы просоциального самопринятия и выработки психологической готовности к правоопослушному образу жизни [14, 22].

Литература

1. *Антонян Ю.М., Юстицкий В.В.* Несовершеннолетние преступники с акцентуациями характера. — М., 1993.
2. *Васкз Е.В.* Эволюция преступности несовершеннолетних в России: психолого-правовой анализ: монография. — М., 2009.
3. *Горьковая И.А., Павленко А.И.* Распространенность криминальной субкультуры в молодежной среде // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 22–27.
4. *Дикопольцев Д.Е., Поздняков В.М.* Взаимосвязь виктимности личности и аутодеструктивного поведения несовершеннолетних осужденных в условиях лишения свободы // Актуальные проблемы психологии и права. Потерпевшие и свидетели: от научных исследований к эффективной практике: сб. тез. Междунар. конф. Европейской ассоциации психологии и права (Санкт-Петербург, 24–27 июня 2014 г.). — СПб.: С.-Петерб. ун-т, 2014. С. 205–206.
5. *Дорошенко И.С., Поздняков В.М.* Формирование антиманипулятивной компетентности сотрудников ФСИН России в контексте концепции субъектно-соучаствующего исправления осужденных // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 30–38.
6. *Ковтуненко Л.В.* Субкультура и ее влияние на ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей // ИнВестРегион. 2013. № 4. С. 83–88.
7. *Кожевникова Е.А.* Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2012.
8. *Кокурин А.В., Кокурина И.В.* Классификационные группы осужденных и рекомендации по исправительному воздействию на них // Novainfo.ru. 2015. № 30.
9. *Костина Л.Н.* Психологическое обеспечение расследования групповых преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2009.
10. *Леус Э.В., Соловьев А.Г.* Адаптационные технологии ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Психология и право. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54179.shtml> (дата обращения : 25.07.2015).
11. *Мокрецов А.И.* Пенитенциарная субкультура // Культура наказания, или Социокультурные аспекты пенитенциарной практики / под общ. ред. Е. Г. Багреевой. М., 2013. С. 59–80.
12. *Новиков В.В., Палешник О.П.* Влияние акцентуаций характера несовершеннолетних на профилактику их деструктивного поведения в период отбывания наказания в исправительном учреждении // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 4 (31). С. 68–73.
13. *Пастушеня А.Н.* Антикриминальная устойчивость личности: структурно-содержательный аспект // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 31–39.
14. *Петухов Е.В.* Психологическая помощь осужденным в самовоспитании. М., 1998. С. 29–37.

15. Полянин Н.А. Профилактика преступного поведения несовершеннолетних с акцентуациями характера // Novainfo.ru. 2015. № 30-1.

16. Пономарева Д.И. Профессиональная деятельность субъектов пенитенциарных учреждений по профилактике агрессивного поведения и психологической коррекции личности подростков-делинквентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2003.

17. Сердюченко И.Н. Пенитенциарная виктимизация осужденных и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2011.

18. Смакотина-Лацис И.В. Деструктивное поведение у подростков-правонарушителей, осужденных к лишению свободы. М., 2005. С. 44–45.

19. Смирнов В.Д. Особенности исправления несовершеннолетних осужденных с различными типами агрессивного поведения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2000.

20. Сочивко Д.В. Криминально-правовой инфантилизм. М.; Рязань, 2015.

21. Стрижов Е.Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты: монография. Тамбов, 2009.

22. Строева Г.В. Самоисправление осужденных // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (7). С. 263–267.

23. Сухарев С.Н. Ответственность несовершеннолетних осужденных за дезорганизацию деятельности учреждения, обеспечивающих изоляцию от общества: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. С. 9.

24. Шапоренко А.А. Портрет неформального лидера в криминальной среде несовершеннолетних // Международные научно-практические конференции 2014 года. URL: http://www.asconf.com/rus/archive_view/317 (дата обращения: 14.05.2015).

25. Шемякина В.В. Криминологическое значение тюремной субкультуры в местах лишения свободы для несовершеннолетних // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 122–130.

26. Brinkmann R.D. Mobbing, Bullying, Bossing. Heidelberg, 1995.

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ *

А. В. Зобков, Е. Н. Малова

Аннотация: в статье рассматривается проблема изучения особенностей нравственного самоопределения студенческой молодежи как компонента их жизненного самоопределения, что особенно актуально в связи с появлением новых требований к личности выпускника вуза в изменяющихся социальных условиях и с будущим моральным состоянием общества. На основе результатов эмпирического исследования, полученных на выборке студентов Владимирского государственного университета, в которую включены студенты трех

факультетов: физико-математического, естественно-географического и факультета социальной педагогики и психологии, в статье дается характеристика нравственного самоопределения студенческой молодежи. Приводится описание представлений студентов о нравственности, характеризуются их нравственные стратегии и нравственные ориентации. Показана взаимосвязь нравственных ориентаций студентов с их представлениями о нравственности и нравственными ориентирами. Установлено, что наиболее значи-

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ; проект № 13-06-00513.

мыми для студентов являются эгоцентрическая и мирозидательная нравственные ориентации. Приведена иерархическая структура нравственных стратегий студентов, в которой доминирующим компонентом выступает эмоциональный компонент. Опираясь на результаты однофакторного дисперсионного анализа, авторы выявили различия в представлениях о нравственности, нравственных стратегиях и ориентациях по факультетам. Установлено, что различия, в основном, имеются между факультетом социальной педагогики и психологии (СПП) и двумя другими факультетами, в то время как между ними (физико-математический — ФМФ и естественно-географический факультеты — ЕГФ) значимых различий не выявлено, что, вероятно, связано с профессиональной направленностью обучающихся, так как студентов СПП готовят к работе с неблагополучными семьями, детьми с девиантным поведением и другими группами риска. Несмотря на ряд оптимистичных результатов исследования, очевидна необходимость продолжения исследовательской деятельности по данному направлению.

Ключевые слова: нравственное самоопределение, студенты, молодежь, нравственные стратегии, нравственные ориентации, мораль, представление о нравственности, жизненное самоопределение.

Активная модернизация образования, осуществляемая в рамках перехода к новым стандартам общего и высшего профессионального образования, требует объективации специфических особенностей жизненного самоопределения личности как субъекта обра-

зовательного пространства — выпускника школы, студента вуза, будущего специалиста.

При очевидной значимости процесса самоопределения российской молодежи в изменяющихся социальных условиях, с появлением новых требований к личности выпускника школы, студента вуза сформированность жизненного самоопределения и его компонентов (гражданское, правовое, политическое, культурное, экономическое, нравственное и др.) может стать критерием качества функционирования воспитательного пространства образовательного учреждения любого уровня, а также обозначить проблемное поле поиска педагогических технологий для обеспечения процесса его формирования.

Цель представленной работы — обосновать нравственное самоопределение студентов как компонент жизненного самоопределения современной российской молодежи.

В качестве диагностического инструментария использована методика «Нравственное самоопределение личности» А.Е. Воробьевой, А.Б. Купрейченко, теоретическая модель последней является методологической основой исследования [2]. Данная методика охватывает основные элементы самоопределения: ориентации личности, представления о принципах устройства мира и человеческого сообщества и психологическую готовность личности к определенным действиям.

По мнению А.Б. Купрейченко, нравственное самоопределение — «процесс ориентации личности в системе нравственных идеалов и ценностей, среди социальных групп; сознательный процесс поиска и создания личных нрав-

ственных эталонов, а на их основе — ценностей, норм и правил» [4].

В структуре нравственного самоопределения А.Б. Купрейченко выделяются следующие компоненты:

1) самоопределение в системе философских концепций нравственности и мировоззрений, отношении морали и нравственности когнитивно формирует представления на составляющие общественного сознания;

2) самоопределение в отношении явлений и объектов окружающего мира формирует нравственную оценку явлений жизнедеятельности и стратегии поведения при противоречиях нравственных мотивов;

3) самоопределение в отношении с другими людьми и обществом формирует отношения между людьми, стратегии поведения в конфликтах;

4) самоопределение в отношении самого себя [2].

Предполагается, что структура нравственного самоопределения имеет уровневое строение, представленное в виде «ценностно-нравственного стержня» (идеалов, эталонов, нравственного мировоззрения и т. д.) [3].

Базой исследования стал Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ). В исследовании приняли участие студенты второго и третьего курсов физико-математического ($n = 42$) и естественно-географического ($n = 37$) факультетов и четвертого курса факультета социальной педагогики и психологии ($n = 40$) Педагогического института ВлГУ ($n = 119$). Половые различия не учитывались, поскольку выборка фактически была гомогенной по

составу (90% девушек). Границы возрастного диапазона выборки — от 18 лет до 21 года.

Обобщенный портрет нравственного самоопределения современной молодежи в соответствии с данными описательной статистики состоит из трех блоков методики: представления о нравственности, нравственные стратегии и нравственные ориентации.

Представления о нравственности как части стержня самоопределения и как самоопределение в отношении морали как части общественного сознания и социального института описаны через результаты пяти составляющих. Нами установлено, что сторонников внутреннего, божественного происхождения нравственности (53,8%) чуть больше, чем сторонников ее искусственного, внешнего по отношению к личности происхождения (46,2%). Испытуемые убеждены в том, что общество формирует нравственность как элемент социальной регламентации (96,6%), более 2/3 участников исследования (79%) считают, что нравственность присуща любому сообществу, абсолютна. Преимущественная доля студентов (96,6%) демонстрирует убежденность в прямой взаимосвязи модальности поступка и воздаяния за него, сформулированной следующим образом: «каждый получает по заслугам» или «если я буду делать добро людям, то оно вернется ко мне», что в лексике современников получило название «закон бумеранга». Соблюдение нравственных норм понимается скорее как показатель силы личности, чем ее слабости, и является представлением преимущественного большинства (96,6%).

Нравственные стратегии как элемент самоопределения к поступкам и как нравственное самоопределение в отношениях с другими объективированы результатами трех компонентов. Обязательность соблюдения нравственных норм поведения на когнитивном уровне обнаружена у 89,9% испытуемых от общего числа выборки, на эмоциональном — у 98,3, на конативном — у 79,8% испытуемых. Низкий общий балл по данной стратегии обнаружен у 3,4% испытуемых, иначе сказать, четыре участника исследования не принимают обязательность выполнения этических норм. Принятие стратегии активности в соблюдении нравственных норм на когнитивном уровне признает 92,2% испытуемых, положительно относится — 98, демонстрирует в поведении — 93,3%. Низкий общий балл по данной стратегии также у 3,4% испытуемых, то есть четыре студента выбирают пассивность в этическом поведении. Принятие стратегии взаимности нравственного поведения свойственно на когнитивном уровне 64,7% респондентов, на эмоциональном — 82,0, на конативном уровне — 84,0%. Низкий общий балл по данной стратегии у 10,9% респондентов, то есть 13 студентов убеждены в невзаимности этического поведения.

В блоке нравственных ориентаций как части стержня самоопределения и самоопределения в отношении себя как субъекта нравственности (эгоцентрическая, группоцентрическая, гуманистическая, мирозидательная) выборка поделилась таким образом: приверженность эгоцентрической ориентации выявлена у 4,2% испытуемых, группоцентрической — у 3,4, гумани-

стической — у 27,7, мирозидательной — у 44,5%. Важно то, что у 20,2% испытуемых нет приверженности одной стратегии, при этом 10,9% испытуемых имеют одинаковые результаты по шкалам гуманистической и мирозидательной ориентации. Подобную недифференцированность выбора нравственных стратегий можно объяснить текущими процессами самоопределения, индивидуально-личностными особенностями, влиянием групп членства (семья, референтная группа) и пр.

Обобщая изложенное, отметим, что нравственное самоопределение студенческой молодежи характеризуется общностью нравственной позиции для всей выборки: мораль формируется в человеческом сообществе как детерминанта конструктивного взаимодействия, она неизменна. Убежденность в том, что за поступком следует воздаяние и соблюдение нравственных норм характеризует личность как сильную, выступает нравственным императивом личности и оптимизирует процесс нравственного самоопределения. В части собственного морального облика признается ответственность личности. Безнравственное поведение соответствует безответственному, и наследственность, влияние среды не могут служить его оправданием. Нравственные стратегии обязательности соблюдения, активности в соблюдении и взаимности соблюдения нравственных норм не имеют выраженного противоречия в своих компонентах (знаю — положительно отношусь — демонстрирую в поведении), что позволяет говорить о том, что нравственное поведение является индивидуальным приоритетом испытуемых, нравственная само-

Таблица 1

**Взаимосвязь нравственных ориентаций студентов с их представлениями
о нравственности и нравственными стратегиями**

Нрав. ориентации / Представления	Эгоцентри- ческая	Группоцентри- ческая	Гуманисти- ческая	Миросоцида- тельная
Происхождение нравственности	-,134 ,146	,113 ,222	,216* ,018	,047 ,613
Значимость морали для общества	-,253** ,006	,019 ,838	,240** ,008	,296** ,001
Абсолютность/относительность нравственности	-,217* ,018	-,003 ,971	,304** ,001	,219* ,017
Воздаяние за добро и зло	-,286** 002	,111 ,230	,277** ,002	,253** ,006
Представление как о силе/слабости	-,104 262	,246** ,007	,193* ,035	,300** ,001
Обязательность соблюдения норм (когн. комп.)	-,441* ,000	,103 ,266	,178 ,053	,188* ,041
Обязательность соблюдения норм (эмоц. комп.)	-,336** ,000	,151 ,101	,306** ,001	,346** ,000
Обязательность соблюдения норм (конат. комп.)	-,322** ,000	,053 ,566	,232* ,011	,131 ,155
Активность/пассивность (когн. комп.)	-,211* ,021	-,016 ,860	,201* ,028	,326** ,000
Активность/пассивность (эмоц. комп.)	-,366** ,000	,095 306	,368** ,000	,465** ,000
активность/пассивность (конат. комп.)	-,352** 000	,238** ,009	,354** ,000	,457** ,000
Взаимность/невзаимность пов-я (когн. комп.)	,246** ,007	-,063 ,495	-,161 ,081	,007 ,943
Взаимность/невзаимность пов-я (эмоц. комп.)	,084 ,364	-,039 ,672	-,003 ,973	,162 ,079
Взаимность/невзаимность пов-я (конат. комп.)	-,176, ,056	,030 ,747	,205* ,025	,268** ,003

Обозначения: ** — Корреляция значима на уровне $p \leq 0.01$.

* — Корреляция значима на уровне $p \leq 0.05$.

регуляция в большинстве случаев высокая. Усиливает эту посылку тот факт, что более 80% участников выборки являются приверженцами миросоцидательной и гуманистической нравственных ориентаций.

Наблюдается и расхождение взглядов на происхождение нравственности: сложились полярные группы божественность/искусственность происхождения нравственности. Некоторую

тревогу вызывает существенный разрыв между когнитивным и остальными уровнями принятия стратегии взаимности. Можно предположить, что это особенность процесса нравственного самоопределения в период текущих социально-экономических преобразований с высокой степенью неопределенности или, что хуже, переоценка, регресс системы ценностей, норм и убеждений. При этом не учитывались

социально-демографические характеристики испытуемых, хотя в исследовании А. Е. Воробьевой (2010) установлена склонность к стратегии невзаимности в нравственном поведении у группы женщин 30–35 лет [1]. Это предполагает необходимость продолжения и расширения исследования.

Для того чтобы определить как связаны нравственные ориентации студентов с их представлениями о нравственности и морали, а также с их нравственными ориентирами нами был проведен корреляционный анализ по Пирсону, результаты которого представлены в таблице 1.

Установлено следующее:

- эгоцентрическая нравственная ориентация получила 10 из 14 значимых взаимосвязей с представлениями о нравственности и нравственными стратегиями, из которых 8 корреляций значимы на уровне $p \leq 0.01$;

- группоцентрическая нравственная ориентация получила всего 2 из 14 значимых взаимосвязей, обе значимы на уровне $p \leq 0.01$;

- гуманистическая нравственная ориентация взаимосвязана с 11 из 14 переменных, из которых лишь 5 взаимосвязей значимы на уровне $p \leq 0.01$;

- мирозидательная нравственная ориентация имеет 10 значимых взаимосвязей из 14, среди которых 8 наиболее значимы — $p \leq 0.01$.

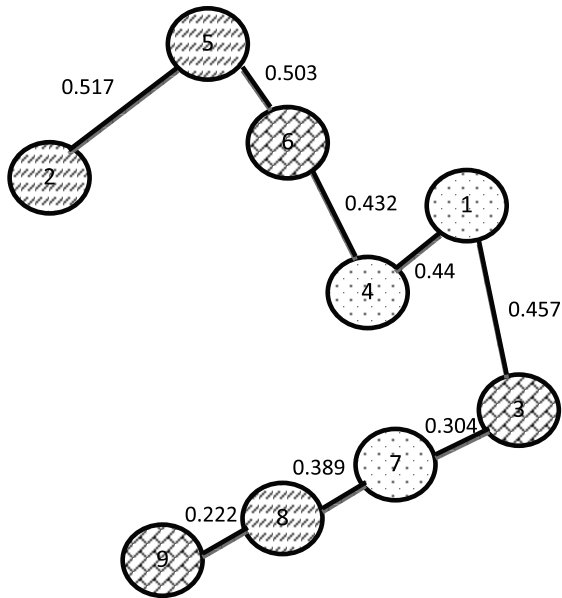
Для эгоцентрической нравственной ориентации все значимые значения корреляций отрицательны, кроме взаимосвязи с когнитивным компонентом взаимности/невзаимности нравственного поведения (нравственные стратегии). Кстати, лишь эгоцентрическая нравственная ориентация имеет

взаимосвязь с этой переменной. Наиболее значимую обратную взаимосвязь эгоцентрическая нравственная ориентация обнаруживает с обязательностью соблюдения нравственных норм (когнитивный компонент нравственных стратегий) $r = -0.441$, $p \leq 0.01$.

Гуманистическая и мирозидательная ориентация имеет столь же много взаимосвязей, но уже положительных, противопоставляясь эгоцентрической нравственной ориентации, однако, судя по схожим взаимосвязям, гуманистическая и мирозидательная нравственные ориентации не обнаруживают существенных различий друг с другом. Отличительной стороной является наличие взаимосвязи гуманистической направленности с происхождением нравственности $r = 0.216$, $p \leq 0.05$, а также с обязательностью соблюдения нравственных норм (когнитивный компонент) $r = 0.232$, $p \leq 0.05$, чего не наблюдается у мирозидательной нравственной направленности. Наиболее сильные взаимосвязи у гуманистической и мирозидательной нравственной направленности выявлены с эмоциональным и когнитивным компонентами активности/пассивности ($r = 0.368$, $p < 0.01$; $r = 0.354$, $p \leq 0.01$ и $r = 0.465$, $p \leq 0.01$; $r = 0.467$, $p \leq 0.01$ соответственно).

Для выявления иерархии компонентов нравственной стратегии студентов был использован метод нахождения максимального корреляционного пути вкупе с нахождением среднего рангового места переменных, входящих в состав компонентов по тесноте взаимосвязи.

В результате применения метода максимального корреляционного

Рис. 1. Иерархическая элементная структура нравственных стратегий студентов

Примечание: заливка переменных выполнена покомпонентно.

Обозначения: обязательность соблюдения нравственных норм (когн. комп. — 1, эмоц. комп. — 2, конат. комп. — 3), активность/пассивность (когн. комп. — 4, эмоц. комп. — 5, конат. комп. — 6), взаимность/невзаимность нравственного поведения (когн. комп. — 7, эмоц. комп. — 8, конат. комп. — 9)

пути, уточненного нахождением среднего рангового места переменных по тесноте их взаимосвязей друг с другом, была получена следующая иерархическая структура (рис. 1).

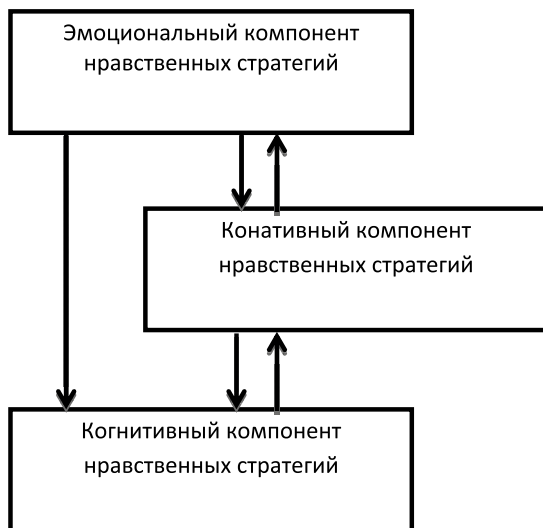
Доминирующим компонентом выступает эмоциональный, конативный и когнитивный компоненты подчинены эмоциональному и друг другу.

В общем плане компонентную структуру можно представить схематично, как это изображено на рисунке 2.

Ведущая роль эмоционального компонента у студентов и прямое соподчинение ему конативного и когнитивного компонентов вызывает некоторую на-

стороженность. Эмоциональная оценка ситуации и принятие морального суждения на этой основе приводят к заблуждениям, ошибкам, принятию без критического анализа эмоционально окрашенной, при этом искусственно созданной ситуации, чем пользуется множество неформальных молодежных организаций, политических объединений и т. д. Подобная соподчиненность структуры нравственных стратегий может оказывать сильное, иногда губительное влияние на общественную нравственность современной массовой культуры и СМИ.

Кроме того, нами были выявлены

Рис. 2. Иерархическая компонентная структура нравственных стратегий студентов

значимые различия в средних значениях изучаемых переменных по факультетам. Для этого использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) (табл. 2) и его апостериорное исследование (критерий Шефе, табл. 3).

Как видно по данным таблиц 2 и 3, основные отличия наблюдаются меж-

ду факультетом СПП и ЕГФ, а факультет ФМФ как бы находится между ними по средним значениям, почти не отличаюсь. Исключение составляют лишь переменные «значимость морали, нравственности для общества» и «миросозидательная нравственная ориентация», по которым СПП отличается от

Таблица 2
Значимые результаты однофакторного дисперсионного анализа (фактор — факультет)

Представления о нравственности, нравственные стратегии и ориентации	F	p
Значимость морали, нравственности для общества	3,799	,025
Воздаяние за добро и зло	5,546	,005
Активность/пассивность (когн. комп.)	3,824	,025
Активность/пассивность (эмоц. комп.)	5,616	,005
Активность/пассивность (конат. комп.)	3,723	,027
Эгоцентрическая нравственная ориентация	3,605	,030
Группоцентрическая нравственная ориентация	3,877	,023
Миросозидательная нравственная ориентация	3,706	,028

Таблица 3
Результаты апостериорного исследования (критерий Шефе) по факультетам

Представления о нравственности, нравственные стратегии и ориентации	Факультет	Факультет	p
Значимость морали, нравственности для общества	СПП	ЕГФ	,093
		ФМФ	,044
	ЕГФ	СПП	,093
		ФМФ	,969
Воздаяние за добро и зло	СПП	ЕГФ	,013
		ФМФ	,026
	ЕГФ	СПП	,013
		ФМФ	,944
Активность/пассивность (когн. комп.)	СПП	ЕГФ	,036
		ФМФ	,119
	ЕГФ	СПП	,036
		ФМФ	,834
Активность/пассивность (эмоц. комп.)	СПП	ЕГФ	,005
		ФМФ	,286
	ЕГФ	СПП	,005
		ФМФ	,191
Активность/пассивность (конат. комп.)	СПП	ЕГФ	,033
		ФМФ	,174
	ЕГФ	СПП	,033
		ФМФ	,709
Эгоцентрическая нравственная ориентация	СПП	ЕГФ	,065
		ФМФ	,079
	ЕГФ	СПП	,065
		ФМФ	,988
Группоцентрическая нравственная ориентация	СПП	ЕГФ	,023
		ФМФ	,400
	ЕГФ	СПП	,023
		ФМФ	,336
Миротворительная нравственная ориентация	СПП	ЕГФ	,205
		ФМФ	,032
	ЕГФ	СПП	,205
		ФМФ	,727

Примечание: жирным шрифтом выделены факультеты, между которыми были обнаружены значимые различия, а также значимость установленных различий.

ФМФ. Для переменной «воздаяние за добро и зло» факультет СПП значительно отличается от ЕГФ, и от ФМФ, которые, в свою очередь, не отличаются друг от друга. Кроме того, у студентов фа-

культета СПП преобладает эгоцентрическая нравственная ориентация, тогда как группоцентрическая, гуманистическая и миротворительная ниже, чем у ЕГФ и ФМФ.

Таким образом, максимальные отличия выявлены у студентов факультета СПП. При этом текущая профессионализация, оказывающая влияние на формирование образа мира у человека, не имеет очевидных существенных различий, так как все участники исследования получают педагогическое образование. Хотя можно предположить, что сосредоточенность на социальной работе с неблагополучными семьями, детьми с девиантным поведением и другими группами риска, может внести определенные искажения в процесс становления нравственного самосознания.

Следует напомнить, что выборку факультета составили студенты четвертого курса, что предполагает больший жизненный опыт, нормативные и ненормативные жизненные события, тревогу за будущее трудоустройство и прочее. Обучение на старших курсах часто совмещается с работой. В исследовании А.Е. Воробьевой (2010) описаны различия между учащимися и работающими респондентами, последних характеризует то, что некоторые представления о нравственности (относительность нравственности) и нравственные стратегии (взаимность в нравственном поведении) оказываются более негативными, а некоторые нравственные стратегии (активность в нравственном поведении) — более позитивными. Отношение к неэтичным явлениям у работающей молодежи более негативное [1]. Это объясняется необходимостью со-

вмещения разных моральных кодексов — учебной группы и трудового коллектива.

Юношеский возраст чувствителен к развитию нравственности, исследования по психологии нравственности сосредоточены на объективировании и анализе факторов самоопределения юношества в изменившейся социальной ситуации, так как от этого зависит будущее моральное состояние общества. Результаты данного исследования в целом оптимистичны: нравственное самоопределение молодежи характеризуется наличием у нее представления о социальной природе морали, индивидуальной ответственности за нравственное поведение, принятием гуманистической и миротворческой направленности. При этом очевидна необходимость продолжения исследований в данном проблемном поле.

Литература

1. Воробьева А.Е. Личностные и групповые факторы нравственного самоопределения молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
2. Воробьева А.Е., Купрейченко А.Б. Стадии нравственного самоопределения молодежи // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
3. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды // Вестник практической психологии образования. 2007. № 2. С. 7–13.
4. Купрейченко А.Б. Концептуальные основы изучения нравственного самоопределения личности // Профессиональное и личностное самоопределение молодежи: материалы II науч. конф. Самара: Гуманитарная академия, 2008. С. 10–15.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Р. Н. Киселева, О. А. Тоболевич

Аннотация: авторы статьи исследуют психологические компоненты организационной культуры — ценности, убеждения, эмоции, нормы поведения сотрудников исправительных учреждений, которые нередко становятся источником сопротивления нововведениям, структурным преобразованиям, процессам реформирования. Оптимизация психологических компонентов организационной культуры позволяет повысить эффективность деятельности исправительного учреждения, обеспечить внедрение инноваций в УИС. Именно поэтому важно осознавать и управлять всеми внутренними процессами, протекающими в рамках организационной культуры.

Гендерные аспекты поведения людей в организации откладывают заметный отпечаток на структурные компоненты культуры и позволяют ее охарактеризовать и даже типологизировать. Согласно исследованиям можно выделить мужские (маскулинные) и женские (феминные) типы организационной культуры. Измерение по шкале «мужественность — женственность» имеет важное значение при выборе методов формирования мотивации персонала, выбора способа решения наиболее сложных нестандартных задач, при урегулировании конфликтов и т. д.

В статье рассмотрены особенности трудового поведения с учетом половых характеристик, которые фиксируются в нормативной системе пове-

дения мужчин и женщин в организации. Например, в гендерных субкультурах распространено мнение о том, что мужчины должны быть готовы к конкуренции; женщины чаще склонны к сотрудничеству, созиданию. Существуют и другие характеристики, позволяющие интерпретировать организационную культуру как «мужскую» или «женскую». Анализируя представленные характеристики, авторы приходят к выводу о том, что для организационной культуры уголовно-исполнительной системы характерен именно «маскулинный» тип. Среди доминирующих ценностей последнего времени присутствуют трудоспособность и готовность сотрудников жертвовать личным временем и интересами семьи. Все чаще женщины в организациях выступают носителями маскулинного гендера. Стараясь добиться профессионального или карьерного успеха, они утрачивают доброту и мягкость, демократичность поведения и приобретают качества, необходимые для выживания и конкуренции в мужской среде. Особенно это характерно для женщин-руководителей в закрытых системах. В статье обращается внимание на то, что организационной культуре исправительных учреждений соответствуют такие типы субкультуры, как «казарма» и отрицание различий между полами.

Организационную культуру исправительного учреждения можно использовать как фактор повышения эффек-

тивности деятельности и отдельного исправительного учреждения, и уголовно-исполнительной системы в целом. Учет гендерных характеристик персонала уголовно-исполнительной системы позволит оптимизировать внутренние процессы, раскрыть личностный потенциал сотрудников, сопровождать необходимые нововведения.

Ключевые слова: *организационная культура, гендер, эффективность деятельности, инновации, субкультура, маскулинность, феминность, нормы поведения, ценности.*

Организационная культура исправительных учреждений (ИУ) оказывает психологическое влияние на деятельность как отдельного исправительного учреждения, так и уголовно-исполнительной системы в целом и выступает одним из факторов ее эффективности. Это влияние организационная культура реализует через свою психологическую структуру. Носителями организационной культуры являются сотрудники и коллективы сотрудников ИУ. Психологические компоненты организационной культуры — ценности, убеждения, эмоции, нормы поведения сотрудников ИУ — нередко становятся источником сопротивления нововведениям, структурным преобразованиям, процессам реформирования. Оптимизация психологических компонентов организационной культуры позволяет повысить эффективность деятельности исправительного учреждения, обеспечить внедрение инноваций в УИС [3, с. 12].

Организационная культура является важной сферой деятельности руководителя и сотрудников исправитель-

ных учреждений в повседневной жизни учреждения и в кризисных ситуациях. Посредством оптимизации психологического влияния существующей организационной культуры на эффективность деятельности ИУ можно решать наиболее острые вопросы и первоочередные задачи, стоящие перед исправительными учреждениями.

Организационная культура УИС представляет собой совокупность норм, правил и ценностей взаимодействия сотрудников внутри учреждений, понимаемых и добровольно разделяемых персоналом. Среди ученых, активно развивающих теорию организационной культуры, существует точка зрения о том, что гендерные аспекты поведения людей в организации накладывают заметный отпечаток на структурные компоненты культуры и позволяют ее охарактеризовать и даже типологизировать. Например, Г. Хофстеде первым вводит термины «маскулинность» и «феминность» в исследования организационной культуры [4, с. 68]. Он определяет маскулинизм (мужественность) как степень, в которой доминирующими ценностями в обществе считаются агрессивность, напористость, прагматизм и не придается особого значения заботе о людях и о среде. Он определяет феминизм (женственность) как степень, в которой доминирующими ценностями в обществе считаются гуманность, хорошие взаимоотношения людей, забота о благе других и всеобщее удовлетворение.

Согласно исследованиям Г. Хофстеде маскулинные общества более жестко определяют гендерные роли, чем феминистские общества. Изменение по шкале «мужественность —

Таблица 1

Характеристика «мужской» и «женской» культуры организации

Параметр культуры	«Мужская» культура организации	«Женская» культура организации
Роль мужчины и женщины	Мужчина должен зарабатывать, женщина — воспитывать детей	Мужчина необязательно должен зарабатывать на жизнь, он может заниматься воспитанием детей
Доминирование	Мужчина должен доминировать в любой ситуации	Различие между полами не влияет на занятие властных позиций
Главная ценность	Богатство и успех — единственное, что значимо в жизни	Качество жизни
Жизнь и работа	Жить для работы	Работаю, чтобы жить
Что является важным в организации	Деньги и хорошие условия труда	Мужчины и благоприятное окружение
Стремление	Всегда быть лучшим	Ориентация на равенство, не пытаться казаться лучше других
Отношение к свободе	Независимость	Солидарность
Чувство	Уважать тех, кто добился успеха	Сочувствие неудачникам
Принятие решений	Логика	Интуиция

женственность» имеет важное значение при выборе методов формирования мотивации персонала, выбора способа решения наиболее сложных нестандартных задач, при урегулировании конфликтов.

Различия в понимании и интерпретации основных организационных ценностей и правил поведения способствуют появлению гендерных субкультур [2, с. 99]. Особенности трудового поведения с учетом половых характеристик зафиксированы в неписаной нормативной системе поведения мужчин и женщин в организации. В гендерных субкультурах распространено мнение о том, что мужчины должны быть готовы к конкуренции; женщины чаще склонны к сотрудничеству. Мужчины могут проявлять раздражительность и нетерпение, женщины должны обладать безграничным терпением, не об-

ращать внимания на грубость, свойственную мужчинам. Мужчинам позволено критиковать, не стесняться в выражениях и тем самым провоцировать конфликты. Женщины никогда не должны сердиться, или, по крайней мере, не показывать этого. То, что мужчины придают большое значение внешним показателям успеха — заработку, статусу, продвижению по службе, званиям, медалям, отражается в системе премирования. Предполагается, что женщины должны довольствоваться лишь осознанием хорошо сделанной работы. Исследования социологов показывают, что в мужской субкультуре успехи оцениваются скорее по количеству, чем по качеству достижений [2, с. 104].

Анализируя представленные характеристики, можно прийти к выводу о том, что для организационной культу-

ры уголовно-исполнительной системы характерен именно «маскулинный» тип. Среди доминирующих ценностей последнего времени присутствует трудоспособность и готовность сотрудников жертвовать личным временем и интересами семьи. Такие ценности, как дисциплинированность, ответственность, активность, динамичность, выносливость, стрессоустойчивость, только усугубляют положение дел. Женщинам, приходящим на службу в УИС, дают понять, что типично «женское» поведение на работе неуместно, более того, будет наказываться. Например, стремление уходить домой с работы вовремя карается потерей деловой репутации и перспектив карьерного роста.

Все чаще женщины в организациях и выступают носителями мужского гендера. Стараясь добиться профессионального или карьерного успеха, они утрачивают доброту и мягкость, демократичность поведения и приобретают качества, необходимые для выживания и конкуренции в мужской среде. Особенно это характерно для женщин-руководителей в закрытых системах. В пенитенциарной системе традиционно руководителями являются мужчины, однако все больше женщин поступают на службу в УИС и опосредованно участвуют в принятии управленческих решений, формировании общественного мнения. Это свидетельствует о разных коммуникативных системах в организации.

Исследования показывают, что по результативности трудовой потенциал среднестатистического мужчины и среднестатистической женщины принципиально не отличается. Отличия наблюдаются в способах выполнения работы, мо-

тивации, удовлетворенности условиями труда и т. п. [1, с. 91].

Каждая организация обладает своими уникальными особенностями в отношении к гендерным различиям. Они формируются под влиянием как мужчин, так и женщин, как управляющих, так и рядового персонала. Социологи С. Маддок и Д. Паркин на основе изучения мнения мужчин и женщин, работающих в различных организациях, предложили 6 типов гендерных субкультур: отрицание различий между полами, «казарма», «джентельменский клуб», «спортивная раздевалка», «ложные защитники женщин», «смышленные мачо» [2, с. 115]. Представляется интересным анализ всех названных типов культур, но в рамках статьи следует указать на то, что организационной культуре исправительных учреждений соответствуют первые две, причем для типа «казарма» характерны жесткая иерархия, авторитарность, презрение к нижестоящим, допущение унижения и грубости в отношении подчиненных. Женщины в таких организациях занимают низшие позиции, их интересы и потребности игнорируются.

В субкультуре типа «отрицание различий между полами» пропагандируется, что женщины могут работать абсолютно так же, как и мужчины. Однако это предположение приводит к другой крайности — игнорированию пола вообще. При этом личные и семейные проблемы женщин остаются без внимания, и они вынуждены становиться «супергероями», чтобы иметь возможность реализовать себя не только в трудовой сфере. В результате женщины теряют здоровье, физическую привлекательность, утрачивают эмоциональность в отношении со своими близкими.

Организационную культуру исправительного учреждения можно использовать как фактор повышения эффективности деятельности и отдельного исправительного учреждения, и уголовно-исполнительной системы в целом. Учет гендерных характеристик персонала УИС позволит оптимизировать внутренние процессы, раскрыть личностный потенциал сотрудников, сопровождать необходимые нововведения.

Литература

1. Козлов В.В., Одегов Ю.Г., Сидорова В.Н. Организационная культура: учеб. пособие / под ред. М.Н. Кулапова. М.: Кнорус, 2013. С. 99.
2. Грошев И.В., Емельянов В.М., Юрьев В.М. Организационная культура: учеб. пособие. М.: Юнити, 2004. С. 268–270.
3. Чечкова А.В., Киселева Р.Н. Особенности организационной культуры исправительных учреждений. Рязань: Академия ФСИН России, 2010. С. 136.
4. Хофстеде Г. Организационная культура. Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уоррена. СПб., 2002. С. 54.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА КОНТЕНТ-АНАЛИЗА В СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ РАЗЛИЧНОЙ ПРЕДМЕТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В. Ф. Енгальчев, И. Г. Моисеева, А. В. Моисеев

Аннотация: статья посвящена адаптации процедуры применения метода контент-анализа в различных видах судебно-психологической экспертизы. Ее актуальность обусловлена большим количеством и значительным разнообразием объектов, предоставляемых на экспертное исследование. Для решения экспертных задач каждого из представленных видов судебно-психологической экспертизы авторами приведена специфика видоизменения процедуры контент-анализа. Конкретизации в этом отношении подвергнуто применение контент-анализа в таких предметных видах, как судебно-психологическая экспертиза преступной группы, достоверности показаний, по материалам коррупционной направленности, делам по защите чести, достоинства и деловой репутации, а также текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. С целью иллюстрации некоторых особенностей применения контент-анализа в этих видах судебно-психологических экспертиз представлены результаты содержательного анализа фрагментов реальных текстов, представленных правоохранительными органами для экспертного исследования. Так, в судебно-психологической экспертизе преступной группы с помощью контент-анализа выявляются психологические признаки взаимодействия коммуникантов между собой. В судебно-

психологической экспертизе достоверности показаний он используется для выделения конкретных фрагментов допроса, в которых присутствуют признаки достоверности или недостоверности. Важнейшей задачей, стоящей перед экспертом-психологом при осуществлении анализа материалов коррупционной направленности и иных текстов, является установление смысловой насыщенности речевых высказываний, находящихся внутри контекста разговоров.

Кроме того, отраженный в статье подход позволяет дифференцированно подходить к профессиональной компетенции судебного эксперта-психолога, заимствовать метод контент-анализа из других наук, преобразовывать его в соответствии с целями конкретного вида судебно-психологической экспертизы. Практической ценностью данной статьи является и то, что в ее содержании не только отражено концептуальное использование контент-анализа как основного метода экспертного исследования, но и определено его применение в комплексе с другими методами. Все это в большей степени свидетельствует о комплексности предлагаемого авторами исследования, обеспечивающей многостороннее изучение представленного объекта, что является важнейшей характеристикой методики любого вида судебно-психологической экспертизы.

Ключевые слова: контент-анализ, судебно-психологическая экспертиза, экспертное исследование, заключение, эксперт-психолог, метод, анализ текста, экспертная задача, процедура применения, опосредованное изучение личности.

Актуальность использования метода контент-анализа в судебно-психологической экспертизе обусловлена все большим количеством и разнообразием объектов, предоставляемых правоохранительными и правозащитными учреждениями на экспертное исследование. Все чаще объектом судебно-психологической экспертизы или исследования становится не психическая деятельность подэкспертного, которая непосредственно изучается психологом, а видео- или аудиозаписи оперативно-следственных действий, выступлений или рекламы, художественные или публицистические тексты, протоколы допросов или опросов и другие документы [3].

Основная проблема на настоящем этапе развития судебно-психологической экспертизы заключается в том, что опосредованное изучение личности через такие объекты ставит перед экспертом-психологом новые экспертные задачи, решению которых благоприятствует перевод текстовой информации в количественные показатели [2, 7, 10, 12]. Особо следует отметить, что методология, методика и техника контент-анализа в современной науке крайне основательно разработаны и в достаточной степени представлены в специальной литературе [1].

Однако, несмотря на представленное многообразие методологиче-

ских подходов к проведению контент-анализа, для применения в судебно-психологической экспертизе, как и других общенаучных или общепсихологических методов, необходимы адаптация и видоизменение его процедуры в соответствии со спецификой экспертных задач. В связи с отсутствием научного обобщения и методологического единства производства судебно-психологических экспертиз тех видов, задачи которых требуют использования метода контент-анализа, нами конкретизированы процедуры его применения в некоторых из них.

1. Судебно-психологическая экспертиза преступной группы (в случае, когда в качестве объекта исследования предоставляется дословное содержание телефонных переговоров членов преступной группы).

Для решения экспертной задачи, связанной с установлением психологических признаков организации коммуникантов в единую группу и определения основы ее организации, нужно применить относительно простую процедуру контент-анализа. Как правило, при анализе дословного содержания телефонных переговоров коммуникантов эксперт-психолог выявляет психологические признаки их взаимодействия между собой. Для этого из всего массива представленных диалогов выделяются только те части текста, которые свидетельствуют о начале процесса коммуникации и соответственно о его завершении. Пример такого анализа представлен в таблице 1.

Количество выявленных таким образом взаимодействий между всеми коммуникантами представляет собой качественный психологический при-

Таблица 1

Представление результатов анализа содержания массива телефонных переговоров

Источник фрагмента	Фрагмент начала	Фрагмент окончания
4412548	Ж1: Аллэ. М2: Привет, Лен. Серега. Ж1: Привет, Сереж.	М2: Давай. Ж1: Давай.
n1...n	<...>	<...>
123	28	28

Таблица 2

Представление результатов анализа содержания массива сведений, зафиксированных на видеозаписи

Фрагмент	Категории (содержательно-смысловые единицы)			
	1*	2	3	n
<i>Начальная стадия допроса</i>	[4]*	[2]	[0]	[...]
<i>Стадия свободного рассказа</i>	[370]	[165]	[112]	[...]
<i>Уточняющие вопросы</i>	[190]	[161]	[11]	[...]
<i>Окончание допроса</i>	[2]	[1]	[0]	[...]

* 1 – числовое обозначение категории, обозначающей изучаемый признак

*[4] – количество референтов данной категории, содержащих изучаемый признак

знак организации коммуникантов в единую группу, выраженный количественно и обобщенный в отношении конкретных коммуникантов.

2. Судебно-психологическая экспертиза достоверности показаний (в качестве объекта исследования представляется видеозапись допроса или других оперативных или следственных действий).

В подобных экспертных исследованиях, как правило, возникает необходимость решения задач, связанных с изучением не только устного текста, но и массива стимулов видеоряда, что в совокупности позволяет установить факт достоверности и/или недостоверности показаний [3, 4], которые дают до-

прашиваемые. Однако всегда существует значительная степень риска ошибочных выводов эксперта ввиду многообразия признаков и отсутствия анализа их локализации. Вместе с тем часто встречаются случаи, когда невозможно сформулировать однозначный вывод о достоверности или недостоверности показаний, зафиксированных на видеозаписи допроса. При этом возникает необходимость выделения конкретных фрагментов допроса, в которых присутствуют признаки достоверности или недостоверности. В самом общем виде применение процедуры контент-анализа для решения подобной задачи представлено в таблице 2

Таблица 3

Представление результатов анализа содержания массива телефонных переговоров коммуникантов, осуществляющих коррупционную деятельность

№ п/п	Категория	Выраженность (%)
1.	Начало разговора между коммуникантами	15,21
2.	Регистрация	5,93
3.	Обсуждение денежных средств	49,21
4.	Готовность коммуникантов к действию	21,18
5.	Окончание разговора	3,47

В соответствии с содержательно-смысловой нагрузкой высказываний всех участников оперативно-следственных действий видеозапись делится на соответствующие ходу допроса фрагменты. Затем выделяются психологические признаки достоверности или недостоверности показаний, которые формируют изучаемую категорию, после чего экспертом выявляются референты (маркеры речевого поведения), содержащие изучаемые признаки в каждом из фрагментов.

3. Судебно-психологическая экспертиза по материалам дел коррупционной направленности (в качестве объекта предоставляются аудиозаписи и дословное содержание телефонных или иных переговоров коммуникантов, осуществляющих коррупционную деятельность).

Важнейшей задачей, стоящей перед экспертом-психологом при осуществлении анализа подобных объектов, является установление смысловой насыщенности речевых высказываний, находящихся внутри контекста разговоров, тематическое определение разговоров, связанных денежными взаимоотношениями, и выделение речевых высказываний, связанных с темой денежных взаимоотношений

и обладающих высокой коммуникативной интенсивностью [8]. В данном случае процедура контент-анализа по выделению тем из массива переговоров коммуникантов и их соответствующей интерпретации носит исключительно качественный характер и является вспомогательной при осуществлении аналитико-синтетической деятельности, но вместе с тем позволяет объективизировать полученные данные. Пример такой работы представлен в таблице 3.

Первоначально были выявлены тематические категории в дословном содержании представленных разговоров путем выделения и обработки единиц информации, содержащихся в исследуемых материалах. В ходе определения категорий сформулированы ключевые понятия, позволяющие произвести оценку выраженности тем, затрагиваемых в данных разговорах. По результатам контент-аналитического исследования коммуникативного процесса в данных разговорах выделено, что наибольшую выраженность получила тема «Обсуждение денежных средств», что и послужило отправной точкой научного решения поставленных задач.

Выделенным категориям найдены адекватные выражения в языке ис-

Таблица 4
Результаты анализа содержательных и смысловых компонентов темы
«Обсуждение денежных средств»

Высказывания по теме	Содержательный анализ темы
<p>M1 – ...так, там пятнадцать или двадцать было? M2 – двадцать... M1 – двадцать, все понял, ага... M2 – Так, отложенное я подписал... убрал. M1 – сегодня вечером, как освобожусь, так это. Все за двадцать. M2 – двести тысяч... M1 – да, двести тысяч, все, как ты говорил...</p>	<p>В ходе анализа записи содержания данного отрезка разговора на записи № 2 выявлено, что M1 и M2 подводят результаты взаимодействия, при этом обоими собеседниками указывается численный эквивалент «двести тысяч». По смыслу высказываний этот эквивалент был установлен одним из коммуникантов. При этом условия договоренности обоих собеседников устраивают.</p>

Таблица 5
Представление результатов контент-аналитического исследования
опубликованных материалов

Категории/подкатегории	1	2	3	4	5	Количество референтов	%
В отношении Лица №1	6	10	12	3	1	32	43,9
В отношении Лица №2	2	4	3	8	2	19	26
В отношении правительства	3	9	7	2	1	22	30,1
Количество референтов	11	23	22	13	4	73	100
%	15	31,5	30,1	17,9	5,5		

следуемого содержания, которые и явились основными единицами анализа. Содержательные и смысловые компоненты исследовались с учетом выявленного контекста.

4. Судебно-психологическая экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации (в качестве объектов предоставляются публицистические тексты, журналистские статьи, политические издания в СМИ и сети Интернет).

Говоря об экспертных задачах в случае защиты чести, достоинства и де-

ловой репутации, исследователи чаще всего отмечают доказательственную значимость выводов по вопросам о целях, преследуемых автором опубликованного материала. В данном случае очень важным является установление основных и дополнительных целей, поскольку в общем массиве публикации или серии публикаций выявляются высказывания, имеющие не только негативный характер, но и направленность на несколько лиц или организаций. В связи с этим при качественном исследовании высказываний, содержащихся

Таблица 6

Представление результатов контент-аналитического исследования текстов экстремистского характера

Смысловые единицы	Нейтральная коннотация	Позитивная коннотация	Негативная коннотация	Частота упоминания
<i>Русский</i>	12	2	4	18
<i>Россия</i>	2	0	0	2
<i>Еврей</i>	5	0	4	9
<i>Террорист</i>	6	0	5	11
<i>Национальный герой</i>	9	1	0	10

в текстовых сообщениях, крайне важно выявить конкретную степень выраженности изучаемого признака, а для этого необходимы перевод текстовой информации в количественные показатели и ее статическая обработка, что позволяет применить метод контент-анализа, по сути, являющийся при решении этих задач ведущим методом работы эксперта-психолога [9, 14, 15]. Пример такого анализа представлен в таблице 5.

На этапе выявления смысловых единиц (категорий) и единиц счета (референтов) анализа были использованы содержащиеся в каждом фрагменте статьи выражения автора, которые несут негативный характер, имеют отрицательную окраску деятельности или включают в себя порочащую личность информацию. В ходе исследования были осуществлены подсчет референтов и статистическая обработка полученных результатов. Полученные референты были объединены в смысловые категории, выраженность негативных высказываний в каждой из которых представлена количественно. Наибольший процент содержания негативных высказываний выявлен в отношении Лица № 1.

5. Судебно-психологическая экспертиза текстов по делам, связан-

ным с противодействием экстремизму (в качестве объекта могут быть представлены устные и письменные тексты, зафиксированные на любом носителе).

Экспертными задачами при производстве экспертиз по таким делам являются установление значения отдельных компонентов текста (его содержания), коммуникативной цели автора, цели сообщения (его направленности), что в целом позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии экстремистского характера данного текста. Главная задача, которая решается здесь посредством контент-анализа, состоит в том, чтобы выяснить связь текста с реальными событиями и изучить сам коммуникативный процесс, спродуцированный этим текстом [5, 6]. Пример приведен в виде таблицы 6.

Особенностью применения метода контент-анализа в подобных случаях является выделение в тексте смысловых единиц (категорий), подсчет частоты их употребления и указание контекста их употребления (позитивного, негативного или нейтрального).

Таким образом, основными функциями контент-аналитического исследования в экспертной практике являются определение содержания представленного объекта и изучение иско-

мого признака в нем, выделение основных смысловых единиц, установление взаимосвязи частотных распределений различных признаков, построение логики взаимодействия контекста и содержания объекта и осуществление формализованного статистического анализа смысловых структур текста. Этими функциями и обусловлена возможность применения контент-анализа в соответствии с объектом исследования и поставленными экспертными задачами, что позволяет не только полно и объективно исследовать любое явление, зафиксированное в тексте, но и сформировать совокупность источников научных знаний, объектов и методов, образуя специфическую сущность судебно-психологической экспертизы.

Кроме этого, приведенные примеры иллюстрируют дифференцированный подход к профессиональной компетенции [11] судебного эксперта-психолога, обуславливающий необходимость наличия знаний не только общенаучного или общепсихологического применения метода контент-анализа, но и отраслевых знаний, то есть юридической психологии и судебно-психологической экспертизы. Такой подход позволяет заимствовать метод контент-анализа из социологии или общей психологии и преобразовать его в соответствии с целями конкретного вида судебно-психологической экспертизы. Хотя метод контент-анализа не всегда является основным методом экспертного исследования, его использование в комплексе с другими [11, 13] позволяет говорить о комплексности исследования, обеспечивающей многостороннее изучение представленного объекта, что выступает важнейшей характеристи-

кой методики любого вида судебно-психологической экспертизы.

Литература

1. *Аверьянов Л.Я.* Контент-анализ: монография. М.: РГГУ, 2007. 286 с.
2. *Баканов А.С.* Метод извлечения экспертных знаний в процессе работы с юридической текстовой информацией // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 122–125.
3. *Енгальчев В.Ф.* Юридическая психолингвистика // Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов. М.: Юнити-Дана, 2001. С. 399–406.
4. *Енгальчев В.Ф., Моисеева И.Г.* К проблеме выявления признаков достоверности / недостоверности показаний в процессе изучения видеозаписи следственных действий // Актуальные вопросы экспертизы видеозаписей: материалы Всерос. семинара (Нижний Новгород, 13–17 мая 2013 г.) / под ред. В.Н. Пронина, П.Г. Лесниковой. Н. Новгород, 2014. С. 280–286.
5. *Енгальчев В.Ф., Оселков А.А.* О психологическом содержании понятий, определяющих содержание экстремистской деятельности // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы и перспективы исследования: сб. материалов Всерос. науч. семинара / под ред. И.Б. Шуванова [и др.]. – Сочи: Соч. гос. ун-т туризма и курортного дела, 2010. С. 25–34.
6. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Методика проведения судебной психологической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: Изд-во Рос. федер. центра судеб. экспертизы при Минюсте России, 2014. 98 с.
7. *Купцов М.И., Видов С.В.* К вопросу о применении математических методов при проведении психологических исследований и анализе их результатов // Прикладная юридическая психология. 2014. № 3. С. 131–136.
8. *Моисеев А.В., Моисеева И.Г.* Значение комплексной психолого-лингвистической судебной экспертизы в расследовании уголовных дел коррупционной направленности // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и делах об административных правонарушениях: материалы III науч.-практ. конф. с междунар. участием (Уфа, 16 окт. 2014 г.) / отв. ред. Ф.Г. Аминов. Уфа: Баш. гос. ун-т, 2014. С. 76–79.
9. Психолого-правовая оценка враждебной направленности материалов СМИ и публичных выступлений / А.Р. Ратинов [и др.] // Юридическая психология: сб. науч. тр. НИИ проблем укре-

пления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. Вып. 3. Ч. 1 / под ред. Г.Х. Ефремовой, О.Д. Ситковской. М., 2005. С. 63–83.

10. Савченко Т. Н. Структура и описание эмпирических исследований // Прикладная юридическая психология. 2007. № 1. С. 89–97.

11. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза // Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2003. С. 196–197.

12. Сочивко Д.В. Проблема методологии прикладной (юридической) психологии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 8–17.

13. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учеб. пособие. М.: Право и Закон, 1997. 320 с.

14. Южанинова А.Л. Психолого-юридические критерии унижения чести и достоинства граждан и социально-психологическая судебная экспертиза // Известия Саратовского университета. 2009. Т. 9. Вып. 4. С. 100–104.

15. Южанинова А.Л. Судебно-психологическая экспертиза в гражданском процессе: в 3 ч. Ч. 2: Защита чести, достоинства и деловой репутации. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2002. 104 с.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Е. В. Чернышева

Аннотация: В статье, основанной на эмпирическом материале, рассматриваются проблемы социально-психологической адаптации осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Особенности межличностных отношений в родительской семье, эмоциональное отвержение, физическое насилие, недостаточный уровень образования, условия жизни и ближайшее окружение оказывают значительное влияние на совершение преступлений. С помощью корреляционного и факторного анализа установлены некоторые зависимости криминологических характеристик осужденных и особенностей социально-психологической адаптации. Во время отбывания наказания в местах лишения свободы снижается уровень социально-психологической адаптации: появляются трудности в установлении межличностных связей, вырабатывается склонность к крайним формам поведения — пассивности или агрессии, возникает

нежелание идти на уступки при общении; происходит деформация правосознания, развивается несоответствие между личными установками и установками общества на свободе. Криминологические факторы, сформировавшиеся еще до лишения свободы (алкогольная или наркотическая зависимость, факты физического насилия по отношению к себе и к другим людям, нежелание работать, несправедливое отношение со стороны родственников, побег из родительского дома, приводы в милицию, условная судимость и другие), и появившиеся у осужденных во время отбывания наказания новые, вносят дезорганизацию в психическую деятельность, а после освобождения приводят к преступному рецидиву. Многие осужденные после отбывания наказания в виде лишения свободы более 5 лет успешно адаптируются к условиям исправительного учреждения и начинают активно придерживаться криминальных традиций. Возможные пути

оказания помощи в повышении уровня социально-психологической адаптации заключаются в выработке установки готовности преодолевать трудности, вести самостоятельную жизнь, а также — развитие ответственности за свои поступки и формирование адекватного отношения к наказанию. При решении задач успешной адаптации к жизни на свободе отбывшим наказание в исправительных учреждениях осужденным необходима помощь различных специалистов, а также — разработка психологических программ повышения адаптационного потенциала.

Ключевые слова: *психология осужденных мужчин, криминальное поведение, социально-психологическая адаптация, лишение свободы, психологическая помощь.*

В условиях интенсивного проведения различных реформ в нашей стране немаловажное значение для государственных органов и общественных объединений приобретают задачи по обеспечению законности и борьбы с преступностью, и прежде всего с рецидивной. Нередки случаи, когда лица, освободившиеся из мест лишения свободы, в течение первых трех лет после освобождения вновь совершают преступления. Одна из причин совершения нового преступления — низкий уровень социально-психологической адаптации.

В настоящее время существует необходимость изучения проблем социально-психологической адаптации осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, выяснение причин, затрудняющих адаптацию этих лиц к условиям жизни на сво-

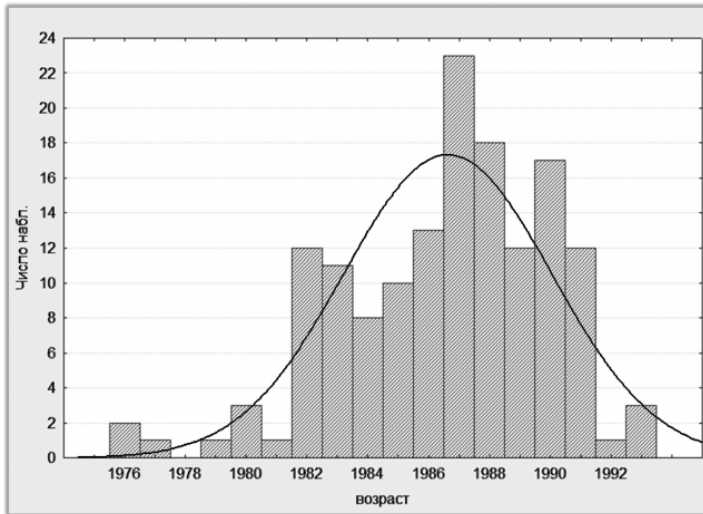
бодe, а также предложения путей решения этих проблем. Изучением проблем адаптации осужденных занимались Г.В. Щербаков, Г.Д. Долженкова, Ф.С. Мусин, С.В. Бабурин, В.Н. Шелестюков, В.Е. Южанин и др.

В проведенном нами исследовании особенностей социально-психологической адаптации участвовало 148 осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных учреждениях г. Екатеринбурга и Свердловской области. Для достижения поставленной цели использовались следующие методы: анкетирование, включающее как стандартные вопросы — год рождения, специальность, образование, место работы до осуждения, статья, количество судимостей, семейное положение, количество детей, так и вопросы для оценки уровня криминологических характеристик (адаптированный вариант Е.В. Чернышевой). Для оценки индивидуально-психологических особенностей личности использовалась методика Р.Б. Кеттелла 16 PF. Результаты анализировались с применением методов математической обработки данных с помощью программы Statistica 6,0.

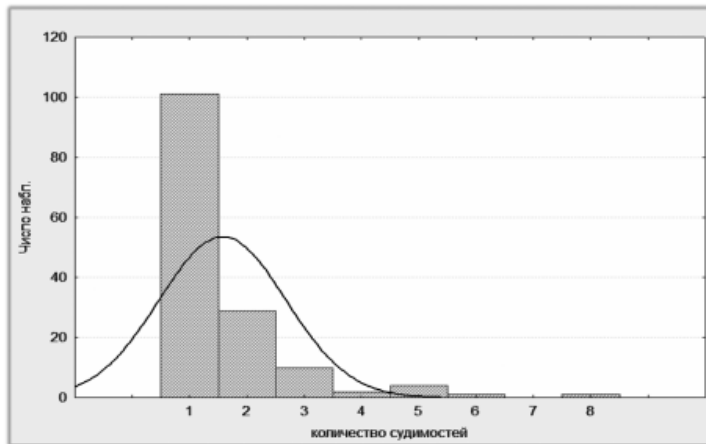
Большая часть принимавших участие в исследовании осужденных мужчин — молодые люди от 23 до 32 лет (рис. 1).

72% опрошенных наказание отбывают впервые, 28% имеют 2 и более судимостей, включая погашенные (рис. 2).

Более половины — 62% осужденных, принимавших участие в исследовании, окончили общеобразовательные школы, получив полное среднее общее образование, 3% имеют только начальное (менее 9 классов) и 5% неполное сред-

Рис. 1. Возраст осужденных

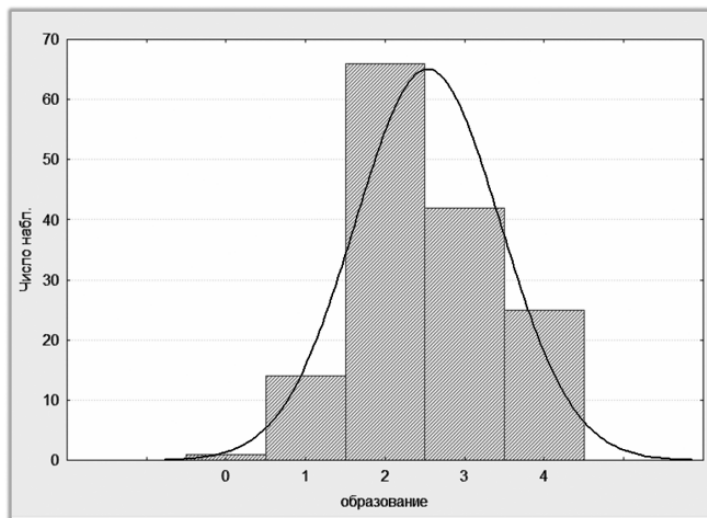
Рис. 2. Количество судимостей

нее (9 классов) образование, получили среднее профессиональное образование — 20%, лица с неполным высшим образованием составили 10% (рис. 3).

Согласно полученным данным большинство осужденных имели либо имеют родственников, в том числе роди-

телей, которые были осуждены, охотно поддерживают с ними связь, продолжают общение. Поддержка таких родственных связей, с одной стороны, влияет на криминогенность и толкает на совершение преступлений в будущем, а с другой — снижает уровень рецидивной

Рис. 3. Уровень образования (0 — образование менее 9 классов, 1 — неполное среднее образование (9 классов), 2 — полное среднее общее образование (11 классов), 3 — среднее профессиональное образование, 4 — неполное высшее образование)

преступности, повышает чувство ответственности и долга.

Одной из причин формирования личности являются особенности эмоциональных отношений в родительской семье. В детстве каждый пятый осужденный подвергался физическому насилию в процессе воспитания. В результате этого происходило эмоциональное отвержение, и молодой человек, стремясь найти опору, примыкал к группе асоциальной направленности, усваивал ее ценности и нормы.

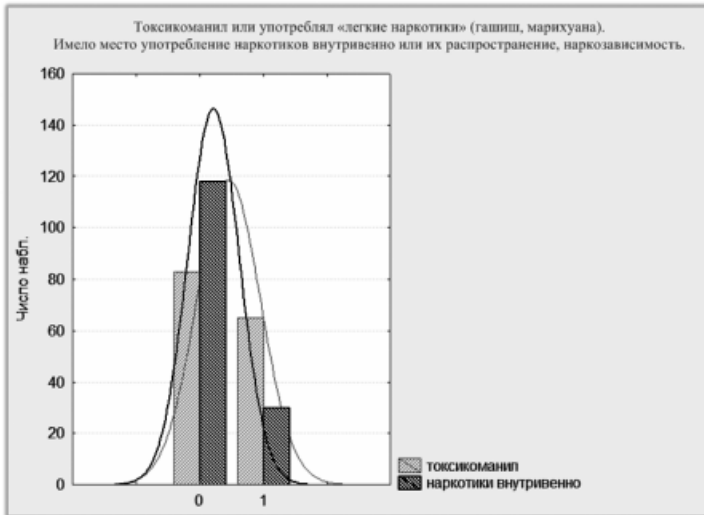
Приобретенные деформации являются устойчивыми и закрепляются с течением времени. Личностная активность, характерная для молодого возраста, и желание «быть, как все» приводят к бездумному времяпрепровождению, поиску развлечений, употреблению психоактивных веществ. Употре-

бляли психотропные и токсические вещества 45% осужденных, внутривенно — 20%, а также имели место их распространение и наркотическая зависимость (рис. 4).

92% осужденных указали, что не имеют семьи, 3% подчеркнули, что до осуждения была сожительница, и лишь 5% указали, что женаты. С большой вероятностью можно предположить, что большинство осужденных не желали создавать семьи, поэтому только 12% осужденных имеют детей (рис. 5).

Наличие детей может положительно влиять на адаптацию осужденного после освобождения из мест лишения свободы, так как он будет стремиться устроиться на работу, материально обеспечивать ребенка.

Большинство осужденных не имеют ни профессии, ни стажа работы, следо-

Рис. 4. Употребление наркотиков

вательно, до осуждения существовали, в основном, за счет преступной деятельности (кражи, грабежи и разбои, а также незаконный оборот наркотиков). Некоторые из них все же имеют небольшой трудовой стаж на неквалифицированных подсобных работах (рис. 6).

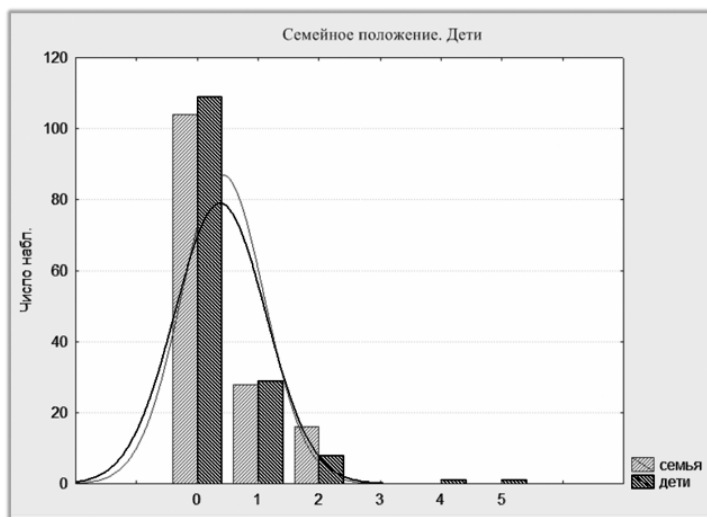
Отсутствие желания работать, а также непродолжительный стаж осужденные объясняют тем, что до осуждения не было работы, которая обеспечивала бы безбедное существование. У них не имеется и специального образования, квалификации, в школе они плохо учились или вовсе бросали учебу, испытывая неуверенность, дискомфорт и чувство неполноценности в их окружающем мире.

Отбывающие наказание преступники по-разному относятся к совершенному преступлению, что обусловлено как их криминальным опытом, так и личностными качествами. Так, при анализе мнения осужденных о том, какие обстоя-

тельства в наибольшей степени «виновны» в потере ими свободы, были установлены три основных фактора:

- преступление совершил в состоянии алкогольного опьянения — 53%;
- преступление совершил умышленно — 34%;
- преступление представляет собой рецидив — 13%.

Выводы о закономерном жизненном пути, который привел в места лишения свободы, является вполне обоснованным для большинства осужденных. Сюда включаются недостаточное школьное образование (в том числе неуспеваемость), отсутствие должного контроля со стороны родителей и эмоциональной привязанности к близким родственникам, участие с подросткового возраста в асоциальных группах, употребление алкоголя, психотропных веществ, хулиганство, кражи — все это свидетельства криминализации личности.

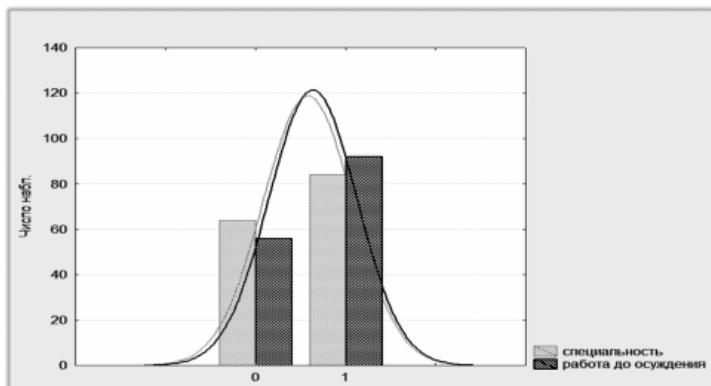
Рис. 5. Семейное положение (0 — холост, 1 — женат, 2 — имели сожительницу)

Попадая в исправительные учреждения, в новую социальную среду, человек, впервые осужденный, встречается с новыми специфическими трудностями. За весь период пребывания в исправительном учреждении в жизни осужденного происходят перемены, которые характеризуются применением целого ряда правовых, воспитательных, психологических мер воздействия. Появляются новые факторы, которые вносят дезорганизацию в психическую деятельность, регулирующую поведение человека, проявляются нервные срывы, осужденный начинает неверно оценивать свое поведение и поступки других людей и, как следствие, неправильно действовать.

Изоляция от общества предполагает ряд ограничений, которые у некоторых лиц могут вызывать дезадаптацию, образовать еще большую дистанцию от правопослушной социальной среды,

усугублять ее неприятие. К числу существенных ограничений следует отнести:

- значительное сужение и ослабление положительных контактов с родственниками или членами семьи;
- невозможность в достаточной мере приобщаться к духовным ценностям общества с помощью, например, литературы и искусства, получать высшее и среднее специальное образование, контактировать с трудовыми коллективами, общественными организациями;
- дезадаптирующее, отчуждающее значение может иметь ограниченное восприятие самим осужденным наказания в виде лишения свободы как несправедливого, причиняющего незаслуженные страдания;
- отрицательное влияние оказывают на осужденных недостаточные комфортные бытовые условия в колониях: питание, санитарно-гигиеническое об-

Рис. 6. Наличие профессии и работы (0 — нет профессии, 1 — профессия имеется)

служивание, лечение, проведение свободного времени;

– значительное число осужденных не заняты трудом, некоторые работают на низкоквалифицированных работах с незначительной оплатой труда.

Применение уголовного наказания в виде изоляции от общества практически лишает возможности осужденного уединиться, сосредоточиться, задуматься о себе, о содеянном и своей вине, об ответственности перед родными и близкими, о своей жизни и ее перспективах в условиях свободы, влечет за собой ослабление, а нередко и полный разрыв социальных связей, постепенно формируется способ поведения, который противоречит общепринятой, социально одобряемой и поддерживаемой системе взглядов. Адаптивные возможности постепенно снижаются, и осужденный иногда не способен в условиях свободы в должной мере нейтрализовать отрицательные последствия пребывания в изоляции от общества.

Проанализируем данные об особенностях социально-психологической

адаптации, полученные с помощью методики Р.Б. Кеттелла 16PF (табл. 1) среди осужденных двух возрастных категорий: 1976–1984 и 1985–1993 гг.

Личностные характеристики осужденных под влиянием преступных традиций, групповых правил и норм поведения становятся более негативными. У большинства из них имеются различные дефекты правосознания, ценностных ориентаций, структуры мотивации, им присущи психологические качества: агрессивность, импульсивность, эмоциональная возбудимость, недостаточный уровень интеллектуального развития, личностная упрощенность и пр. Такие люди часто сталкиваются с трудностями в установлении межличностных и непосредственных контактов.

Осужденные не страдают от чувства вины, но им присущи тревожность, депрессивность, обеспокоенность. Так, попадая в условия свободы, осужденный тяготеет к одной из двух крайностей своего поведения: пассивности либо агрессии. Осужденные более молодого возраста (1985–1993 гг.) обла-

Таблица 1

Выраженность показателей методики 16 PF Р.Б. Кеттелла

Факторы	Значения (стены)	
	Год рождения	
	1976–1984	1985–1993
А. Замкнутость — открытость	6	6
В. Сформированность интеллектуальных функций	6	4
С. Неуверенность — уверенность	5	6
Е. Подчиненность — доминантность	4	5
Ф. Сдержанность — реактивность	4	4
Г. Непостоянство — собранность	4	6
Н. Робость — смелость	5	6
І. Жесткость — мягкость	6	6
Л. Доверчивость — подозрительность	6	5
М. Практичность — мечтательность	4	4
Н. Наивность — хитрость	3	3
О. Безмятежность — чувство вины	6	6
Q1. Консерватизм — радикализм	4	1
Q2. Зависимость от группы — независимость	5	6
Q3. Недисциплинированность — организованность	6	7
Q4. Расслабленность — напряженность	5	5
Коэффициент социально-психологической адаптации (А, С, Н, Л, О, Q4)	-1/6	1/3

дают большими способностями к адаптации (согласно полученному коэффициенту социально-психологической адаптации), испытывают меньше трудностей в установлении межличностных связей, не скованны, готовы идти на уступки, чем осужденные старшего возраста (1976–1984 гг.). Большинство осужденных с повторной судимостью очень хорошо адаптируются в местах лишения свободы, отлично знают требования администрации исправительного учреждения и рассматривают при этом свое пребывание в нем как один из неизбежных этапов собственной жизни.

Для наиболее полного раскрытия связей криминологических характеристик и социально-психологической адаптации осужденных проведем корреляционный анализ. Примечателен тот факт, что все факторы, входящие в комплексный показатель социально-психологической адаптации, имеют значимые корреляционные связи с показателями криминализации (табл. 2). Проанализируем полученные данные подробнее.

Согласно показателям коэффициентов корреляций между переменными шкал Анкеты оценки уровня криминализации и личностными факто-

рами Р.Б. Кеттелла у осужденных существуют значимые корреляционные связи между показателями формулы расчета коэффициента адаптации (А, С, Н, L, O, Q4) и криминогенными показателями («имелись случаи побоев со стороны людей», «испытывал трудности в поиске работы», «отец или мать злоупотребляли алкоголем», «преступление совершено в состоянии алкогольного опьянения», «имеется личная алкогольная зависимость», «были случаи жестокого и несправедливого обращения», «не окончил школу, бросил», «имелись случаи побегов из дома», «долго не мог найти работу с достойным заработком», «в школе обижали, были постоянные драки», «совершенное преступление связано с насилием», «имел условную судимость, состоял на учете в детской комнате милиции, инспекции по делам несовершеннолетних» и др.).

Случаи побоев со стороны людей, трудности в поиске работы с достойным заработком у осужденных связаны с повышением недоверчивости, снижением общительности. Личная алкогольная зависимость, злоупотребление алкоголем отцом или матерью связаны с затруднениями в установлении межличностных, непосредственных контактов с людьми. Заметим, что и преступления эти осужденные совершали в состоянии алкогольного опьянения, которое, по нашим данным, также связано с отсутствием уверенности в себе.

В то же время, замкнутость, скрытность у осужденного связана с уменьшением вероятности совершения им преступления в составе непостоянной группы, поскольку он с трудом устанавливает

какие-либо контакты с окружающими либо вообще не умеет общаться.

Жестокое обращение со стороны родных, побои посторонних людей привели к возникновению у осужденных повышенной импульсивности и раздражительности. Показатель неудовлетворенности своей жизнью связан с фактом «не окончил учебное заведение» и не мог найти работу с достойным заработком.

Из-за своей беспечности большинство осужденных ранее подвергались условному осуждению. Уверенность в себе и хладнокровие проявляется у тех осужденных, которые совершили преступления, связанные с физическим насилием по отношению личности. Хладнокровие выработалось из-за жестокого и несправедливого обращения со стороны окружающих.

Показатель частого употребления «легких наркотиков» связан с отсутствием мотивации к каким-либо действиям, излишней удовлетворенностью своим положением, спокойствием и апатией.

Обобщим некоторые особенности социально-психологической адаптации. У осужденных во время отбывания наказания деформируется уровень правосознания, ослабевает воля, практически пропадает потребность самостоятельно решать повседневные вопросы, они отвыкают от необходимости заботиться о себе, у них развивается несоответствие между личными установками и установками общества на свободе. Уровень самооценки и уровень притязаний невысоки, готовность включиться в какую-либо социальную деятельность не выражена, осужденные склонны двигаться по пути наи-

Таблица 2

**Коэффициенты корреляции криминогенных показателей
и факторов Р.Б. Кеттелла
(указаны только значимые коэффициенты корреляции $r < 0,05000$, $n = 148$)**

Криминогенные показатели	Факторы Р.Б. Кеттелла					
	А	С	Н	Л	О	Q4
Имели место случаи побоев со стороны людей	-0,17	-0,22	-0,20	0,16	0,27	0,25
Жил в деревне или поселке, где трудно найти работу	-0,18				0,18	
Отец или мать злоупотребляли алкоголем	-0,24	-0,22				
Преступление совершил в состоянии алкогольного опьянения	-0,27	-0,22	-0,19		0,21	0,22
Имели место алкогольная зависимость или направление на принудительное лечение	-0,29		-0,22		0,17	
Преступление совершил в составе непостоянной группы	0,18					
Были ли случаи жестокого и несправедливого обращения со стороны родственников		-0,28		0,24	0,17	
Школу не закончил, бросил		-0,19				
В детстве были случаи побегов из дома		-0,22				
Долго не мог найти работу с достойным зарработком		-0,18		0,18	0,22	
В школе был «козлом отпущения», все обижа- ли, постоянные драки			-0,20		0,17	
Были случаи оскорблений, угроз, запретов, плохих отношений с окружающими				0,26	0,27	0,22
Совершенное преступление связано с физическим насилием по отношению к личности или группе лиц					-0,19	
Состоял на учете в инспекции по делам несовершеннолетних или имел условную судимость					-0,19	
Токсикоманил или употреблял «легкие наркотики»						0,17

меньшего сопротивления, ведущего к преступному рецидиву.

Многие осужденные вследствие неоднократного и длительного пребывания в местах лишения свободы настолько адаптируются к условиям исправительного учреждения, что естественное стремление человека к свободе у них гипертрофируется и принимает уродливые формы. Многие из них начинают придерживаться криминальных традиций и не отказываются от преступ-

ной деятельности после освобождения.

В настоящее время общество не готово к пониманию важности проблемы адаптации осужденных в социуме, их адаптации к жизни на свободе [4, с. 29]. Практически отсутствуют специальные учреждения, центры, которые занимались бы реабилитацией отбывших уголовные наказания лиц, забота об их благополучии возложена на карательные органы. Почти все они после выхода на свободу ставятся на учет органа-

ми внутренних дел. Целесообразность подобной превентивности ставит всех без исключения освободившихся в положение подозреваемых, создает почву для пересудов, хотя вполне оправданной данная мера выглядит по отношению к рецидивистам и к тем, кто действительно требует повышенного внимания.

Для успешной социально-психологической адаптации заключенных необходимо учитывать следующее:

1. Большое место должно отводиться нахождению перспективы жизненных планов, предостережению о возможных объективных и субъективных трудностях и выработке установки готовности к их преодолению.

2. Достижение необходимого уровня правового сознания позволит осужденным вернуться в общество с желанием после освобождения вести самостоятельную жизнь, участвовать в общественной жизни.

3. Нужно развивать у осужденных чувство позитивной ответственности за свои поступки и порученное дело, адекватного отношения к наказанию.

4. Следует развивать полезную инициативу, пробуждать чувство самоуважения и уверенности в своих силах, стимулировать заинтересованность в собственном исправлении.

5. Особое внимание надо уделять образованию и самообразованию, повышению общеобразовательного и культурного уровня.

6. Целесообразно формировать социально значимые межличностные отношения.

Полученные данные нашего исследования позволяют говорить о низких адаптивных возможностях осужден-

ных, их связи с криминологическими характеристиками, что указывает на необходимость разработки индивидуальных психологических программ повышения адаптационного потенциала преступников.

При решении задач успешной адаптации к жизни на свободе требуется помощь многих квалифицированных специалистов, в том числе психологов. Успех социально-психологической адаптации бывших осужденных будет зависеть от трех групп факторов: личности самого освобожденного, условий внешней среды (в том числе наличия жилья, прописки, семьи, работы и др.), условий, в которых осужденный находился в период отбывания наказания и которые отразились на его поведении (уровень криминализации, срок пребывания в исправительном учреждении, учеба, воспитательное воздействие администрации и др.).

Литература

1. Бондар А. Профилактика преступности и ее результаты // Законность. 2002. № 9.
2. Крайнова Н.А. Некоторые аспекты адаптации осужденных в исправительном учреждении // Вестник ВЭГУ. 2006. № 27/28. С. 113–121.
3. Овчаренко И.А. Роль социальной адаптации среди лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, в предупреждении рецидива преступлений // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 100–106.
4. Терехин В.И., Чернышов В.В. Организация оценки уровня ресоциализации социальной адаптации осужденных // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4 (83). С. 29–36.
5. Шелестюков В.Н. Правовая природа социальной адаптации осужденных: вопросы теории и практики // Бизнес в законе. 2011. № 5. С. 98–104.
6. Южанин В.Е. Проблемы социально-психологической адаптации осужденных, отбывших длительные сроки лишения свободы, и злостных нарушителей режима // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 57–60.

НЕКОТОРЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

С. А. Красненкова, Е. А. Щелкушкина

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей личности осужденных за преступления, совершенные за нарушения правил дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств, повлекшие по неосторожности смерть человека. Исследование проводилось с учетом рекомендаций редколлегии журнала «Прикладная юридическая психология» в номере 1 за 2015 г. (см. И. Блинникова «Вступительная статья зам. главного редактора»). «Резонансные» дорожно-транспортные происшествия (ДТП) последнего времени, когда явная и грубая опрометчивость водителя, находившегося в момент аварии в состоянии опьянения, влечет за собой гибель двух и более человек, обусловили появление предложения усилить ответственность за подобные деяния, совершенные виновниками дорожно-транспортных преступлений. В 2015 г. вступает в силу Закон, определяющий уголовную ответственность водителей за управление автотранспортом в состоянии опьянения. Одним из существенных недостатков действующей правоприменительной практики был формализованный подход к учету внутренних факторов преступного поведения личности. При вынесении приговора не учитывались истинные причины правонарушающего поведения делинквентов.

В связи с обновлением законодательства, возрастанием количества правонарушений и правовых положений, имеющих психологическое содержание, актуальность вопроса, связанного с их применением, существенно возросла. Наибольшую значимость эти вопросы имеют на стадии предварительного расследования и вынесения приговора.

В статье предложена криминологическая и индивидуально-психологическая характеристика личности осужденного за совершение дорожно-транспортного преступления в состоянии алкогольного опьянения, отбывающего уголовное наказание в исправительном учреждении. Сделан вывод о том, что дорожно-транспортное преступление, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, — закономерное следствие поведения «аварийщика»-делинквента, отличающегося сформированной криминологической предиспозицией, скорее, типичной для лиц, совершивших умышленные преступления с тяжкими последствиями.

Выявление криминологических и индивидуально-психологических особенностей личности осужденных указанной категории позволит определить лиц, склонных к совершению преступлений, разработать меры по их предупреждению и определить средства правового индивидуально-профилактического воз-

действия на конкретного осужденного. В этом заключается актуальность проведенного авторами исследования.

Надеемся, что статья не только будет интересна пенитенциарным психологам, но и в определенной степени поможет повысить качество проведения предварительного расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в состоянии опьянения.

Ключевые слова: дорожно-транспортное преступление, алкогольное опьянение, делинквентность, личность преступника, осужденный, эмпирическое исследование, индивидуально-психологические особенности, криминологические особенности личности.

Повышенное внимание к проблеме обеспечения безопасности дорожного движения имеет серьезные основания: российские показатели смертности населения в ДТП находятся на неприемлемо высоком уровне. По официальным статистическим сведениям Госавтоинспекции МВД России, за 12 месяцев 2014 г. на российских дорогах произошло более 181 тыс. ДТП. В дорожных авариях погибло свыше 24 тыс. человек. Основной причиной аварий остаются нарушения, допущенные в ходе активных действий водителей, создающих опасную обстановку на дороге. Среди показателей состояния безопасности дорожного движения не снижается количество дорожно-транспортных преступлений, совершенных водителями в состоянии опьянения [9].

В целях борьбы с нетрезвыми водителями уже с 1 июля 2015 г. введено ужесточение наказания за повторную езду в пьяном виде. Это предусмотрено Федеральным законом от 31 де-

кабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения». Уголовная ответственность последует, если водитель будет задержан госавтоинспектором во второй раз либо повторно откажется от медицинского освидетельствования. Сумма штрафа возрастет, а также в качестве наказания добавятся обязательные работы до 480 часов или принудительные работы до двух лет. Помимо перечисленных мер, пьяному водителю транспортного средства будет грозить лишение свободы на срок до двух лет.

Кроме того, Федеральным законом предусматривается увеличение минимального размера наказания за нарушение правил дорожного движения и эксплуатацию транспортных средств, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека либо смерть двух или более лиц. При наличии одной человеческой жертвы пьяный водитель может оказаться в местах лишения свободы на срок от 2 до 7 лет, а при нескольких жертвах — от 4 до 9 лет. В связи с этим важной задачей является научная оценка, анализ ситуации аварийности на дорогах, а также исследование индивидуально-психологических и криминологических особенностей виновников ДТП с целью разработки теоретических подходов к прогнозированию уровня аварийности и организации превентивных мероприятий, позволяющих повысить безопасность дорожного движения.

Уголовная ответственность по ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) наступает при причинении тяжкого вреда здоровью либо по неосторожности смерти человека, если указанные последствия находятся в причинной связи с допущенными лицом нарушениями правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Специфика данной статьи состоит в том, что преступление предполагается неосторожным, и даже несмотря на то, что его последствием иногда становится смерть, общественная опасность его невелика. Соответственно лица, совершившие дорожно-транспортные преступления, отнесены к категории неосторожных преступников.

Сохраняется мнение о том, что «аварийщики», как и остальные лица, совершившие преступления по неосторожности, являются социально-интегрированными личностями, для которых не характерны дефекты правового и нравственного сознания. Субъект неосторожного преступления, как отмечает П.С. Дагель, не осознает общественно опасного характера деяния: он не только не желает (или не допускает) причинения вреда обществу, но либо вообще не предвидит возможности причинения этого вреда, либо уверен в его предотвращении. Отсюда вытекает особенность, характеризующая субъектов неосторожных преступлений: если субъекты умышленных преступлений прямо или косвенно противопоставляют свою волю интересам общества, то социально-психологической причиной неосторожных преступлений являются невнимательность, безответственность [3]. Высказаны мнения [5] в от-

ношении «аварийщиков» как особой, неиспорченной, всегда случайной категории преступников.

Видным российским криминологом Ю.М. Антоняном выделены два типа личности неосторожных преступников, к которым ученый относит и «аварийщиков»: у одних в поведении преобладают самонадеянность и легкомыслие, для них характерны авторитарность, самоуверенность, бравада, безапелляционность. Второму типу присущи такие личностные свойства, как небрежность, стремление минимизировать собственные интеллектуальные, волевые и физические усилия в процессе жизнедеятельности. Ю.М. Антонян отмечает, что среди неосторожных преступников, включая совершивших дорожно-транспортные преступления, меньше лиц с типичными для преступников чертами. По мнению автора, неосторожным преступникам свойственны как фундаментальные черты личности склонность к возникновению тревоги, неуверенность в своих силах, склонность к волнениям при стрессе и избыточный самоконтроль [1, с. 488].

По мнению ряда отечественных психологов, лица, совершившие неосторожные преступления, являются относительно однородной категорией по своим психологическим особенностям. Их личностный профиль по тесту ММИЛ (прототип — ММРП) определяется выраженным пиком по шкале «тревожности» (7): фиксация тревоги и ограничительное поведение, при этом подъем по данной шкале свойствен практически каждому из неосторожных преступников. Повышение профиля по 7-й шкале при нормативном разбросе говорит о пре-

обладании пассивно-страдательной позиции. Сделан вывод о том, что такое психологическое качество, как тревожность, является для указанных преступников фундаментальным и ведущим. Для них характерны интрапунитивные реакции, то есть возложение вины за произошедшее на себя, неуверенность в себе, склонность к волнениям при стрессе и избыточный самоконтроль [8, с. 155].

Многoletний опыт практической работы, связанный с изучением криминологических характеристик и индивидуально-психологических особенностей личности осужденных, совершивших преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ, в состоянии алкогольного опьянения, позволяет отметить, что ДТП с тяжкими последствиями — не просто стечение различных неблагоприятных обстоятельств в жизни законопослушного гражданина. Совершенное «аварийщиком» в состоянии алкогольного опьянения преступление — это закономерное следствие, итог формирования его личностной готовности, предрасположенности к нарушению закона, то есть криминальной predisпозиции [6].

Чтобы подтвердить данную гипотезу, в рамках исследовательской функции психологической службы УИС в ноябре 2014 г. сотрудниками психологических лабораторий пенитенциарных учреждений Воронежской области проведено эмпирическое исследование личности осужденных, отбывающих наказание за совершение преступлений по ст. 264 УК РФ (ст. 264.2, 264.3, 264.4, 264.5, 264.6). Исследование проводилось на базе исправительных колоний (ИК) № 2, 3, 9, колонии-

поселения № 10 УФСИН России по Воронежской области.

Контент-анализ материалов личных дел осужденных, сбор независимых характеристик, наблюдение, психодиагностическое изучение личностных качеств и степени криминальной зараженности, а также беседа в виде нестандартизированного интервью позволили нам подготовить портрет осужденного указанной категории.

Составляющей частью исследования стало углубленное изучение личностных особенностей осужденных за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее за собой по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо смерть человека (двух или более лиц), «аварийщиков» мужского пола, со 100%-ным охватом испытуемых указанной категории в масштабе УИС Воронежской области.

При обследовании личности осужденных нами использовался в качестве теста краткий мужской вариант стандартизированного опросника СМИЛ — стандартизированного многофакторного метода исследования личности (КСМИЛм): 399 стимулов, 13 шкал, 3 варианта ответа; автор-разработчик и автор адаптации — Л.Н. Собчик; прототип — ММРІ, СМИЛ [10, с. 72]; направленность — интегральная, клиническая. Тест относится к категории вербальных количественных методов оценки параметров личности. Обоснованием для выбора методов исследования явился факт возможности получить многогранную информацию об индивидуальности испытуемых. Процедура обследования носила стандартный характер. До уча-

ствия в настоящем исследовании испытуемые опыта обследования по данному тесту не имели. Благодаря автоматизированному способу обработки данных и построения личностного профиля зависимость результатов обследования от субъективности и опыта экспериментатора была исключена.

Эмпирическую выборку составили 94 осужденных мужского пола, отбывающих наказание за совершение преступлений по ст. 264 УК РФ (ст. 264.2, 264.3, 264.4, 264.5, 264.6). Из них в отдельную группу были выделены осужденные в количестве 55 человек, отбывающие наказание за совершение преступлений по ст. 264.2, 264.4, 264.6 УК РФ (в состоянии опьянения). Объем выборки обусловлен исследовательскими задачами и ограниченным количеством осужденных интересующей нас категории, отбывающих наказание в исправительных учреждениях УИС Воронежской области, пол испытуемых — с устойчивым неравным соотношением мужчин и женщин как среди водителей транспортных средств, так и осужденных, отбывающих наказание за совершение преступлений по ст. 264 УК РФ.

Типичный социально-психологический и криминологический портрет личности осужденного, отбывающего наказание за совершение преступлений по ст. 264.2, 264.4, 264.6 УК РФ, получился следующим. Мужчина, совершивший преступление, находится в возрасте от 20 до 50 лет, чаще — от 25 до 35 лет (56%), имеет водительский стаж от 5 до 15 лет (47%) либо более 15 лет (31%), относительно невысокий образовательный уровень, чаще среднее специальное (47%) или среднее (34%) образование, занят низкоквалифици-

рованным трудом (водитель, слесарь, сантехник, токарь, механик, охранник) — 48%, неквалифицированным трудом (разнорабочий) — 19%, либо не имеет рода занятий (33%).

Службу в Вооруженных Силах Российской Федерации проходили 60% испытуемых, не проходили службу 40%, из них по причине заболевания — 27%.

Семейное положение оказалось следующим: 53% осужденных в браке не состояли.

Анализ личных дел осужденных показал, что большинство испытуемых отрицательно (30%), либо удовлетворительно (25%) характеризовались по месту работы или жительства.

Среди «аварийщиков» указанной категории все лица до осуждения за нарушение правил дорожного движения ранее привлекались к административной ответственности (100%), из них были лишены права управления транспортным средством на срок от 2 до 3 лет 82%, на срок от 1 года до 2 лет — 18%. Ранее были осуждены, в том числе условно, 12%. Не имели права управлять транспортным средством 20%, по причине лишения водительских прав либо их отсутствия (11%).

Отношение к совершенному преступлению: по приговору суда вину признали 92%, в содеянном раскаялись 96%. В то же время часть осужденных недооценивает опасность содеянного, считает аварию случайностью, а себя невиновными или виновными «не в полной мере», признавая вину частично (7%), перекладывают вину на кого-то или какие-либо обстоятельства. Из лиц, признавших свою вину в ДТП, более 70% причиной называют личную самоуверенность, самонадеянность. И если

по приговору суда раскаялись в содеянном 96%, то во время беседы о том, что раскаялись, заявили лишь 89%, но свое прошлое не осуждают. Наказание считают несправедливым 60%, в период пребывания в пенитенциарном учреждении обращались в различные судебные инстанции с апелляцией 60%.

На вопрос о возможных последствиях аварии в связи с нарушением правил дорожного движения $\frac{3}{4}$ осужденных ответили, что об этом не задумывались, рассчитывали на авось и на то, что в ДТП не попадут. Больше число респондентов сожалеет о том, что причинили страдание собственной матери, половина сожалеет и о трагедии в семье потерпевшего. Однако, как нам представляется, действительно искренним сожалением было лишь у лиц, виновных в смерти собственных родственников, близких друзей, погибших в аварии. В остальных случаях сожаление на подсознательном уровне относилось к самим осужденным, неожиданному повороту собственной судьбы, пребыванию в местах лишения свободы.

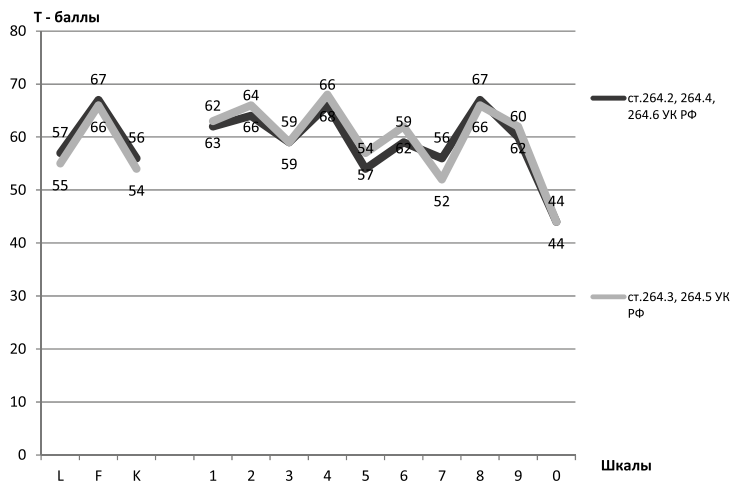
Отвечая на вопросы, касающиеся вероятности амнистии и условно-досрочного освобождения, считали трудной свою ситуацию те, кто имеет решительных противников со стороны потерпевших, так как в соответствии с недавними изменениями в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации суд обязан извещать их о дате судебного рассмотрения ходатайства. Осужденные, имеющие непогашенные иски (60%), желая быть освобожденными досрочно, в беседе говорили о том, что могли бы компенсировать причиненный вред, но гарантии освобождения нет, поэтому иск пога-

шать не спешат. Важно, что во время судебного следствия большинство оспаривали сумму морального вреда или не соглашались с ним, что, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии раскаяния.

Несмотря на то что $\frac{1}{3}$ респондентов считали причиной аварии собственное состояние опьянения («был пьяный за рулем», «отвлёкся от дороги, расслабился» и пр.), остальные осужденные не рассматривали употребление алкоголя за рулем в небольших дозах как фактор риска, а около 10% вообще не считали употребление алкоголя препятствием к управлению транспортом.

Таким образом, социально-демографические характеристики позволяют сделать вывод о том, что образ жизни «аварийщиков», совершивших преступление в состоянии опьянения, нельзя назвать социально благополучным. Многолетнее систематическое правонарушающее поведение, злостное нарушение правил дорожного движения, связанное с преступлением, свидетельствуют о том, что совершенное преступление вовсе не является случайным событием в жизни, а отрицание субъектом своей вины, поиск оправдывающих доказательств тяготят к предумышленной мотивации. При этом характер самоуверенного поведения близок к умышленному, поскольку виновниками признан факт нарушения норм и правил.

Особенности поведения в местах лишения свободы: дисциплина неустойчивая, за добросовестное отношение к труду и хорошее поведение имеет поощрения (50%), за нарушения установленного порядка отбывания наказания имеет взыскания (50%);

Графическое изображение усредненных профилей СМИЛ личности осужденных по ст. 264 УК РФ (ст. 264.2, 264.4, 264.6 и 264.3, 264.5)

водворялись в запираемые помещения (штрафной изолятор) (13%). Большинство осужденных (80%) обладает положительной социальной установкой, в то же время 17% — отрицательной социальной установкой без выраженных задатков лидерства.

Контроль эмоций и поведения в целом удовлетворительный, однако как поведенческий фактор риска отмечаются повышенная импульсивность и эмоциональная несдержанность (у 15%). Склонность к аутоагрессии не выявлена.

Психологические особенности личности. Усредненный профиль СМИЛ осужденных по ст. 264.2, 264.4, 264.6 УК РФ расположен в пределах 40 до 70 Т-баллов, отличается повышениями по шкалам 8 — «индивидуалистичность», 4 — «импульсивность», 2 — «пессимистичность». При кодировании по Уэлшу профиль выглядит следующим об-

разом: 84219-3675/0: F-LK/.

Усредненный профиль СМИЛ осужденных по ст. 264.3, 264.5 УК РФ расположен также в пределах от 40 до 70 Т-баллов, но несколько отличается от предыдущего: отмечаются повышения в первую очередь по шкалам 4 — «импульсивность», 2 — «пессимистичность», 8 — «индивидуалистичность». При кодировании по Уэлшу профиль выглядит следующим образом: 428169-357/0: F-LK/.

Графическое изображение описанных усредненных профилей СМИЛ личности осужденных по ст. 264 УК РФ (ст. 264.2, 264.4, 264.6 и по ст. 264.3, 264.5) представлено нами на рисунке.

Типичными для личности «аварийщиков», совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, в наибольшей степени являются некая индивидуалистичность, своеобразие поступков, оригинальность суждений,

субъективизм в оценке происходящего, противопоставление своих субъективных взглядов и суждений окружению, импульсивность, нетерпеливость, склонность к риску, легкость в принятии решений и непродуманность поступков.

Характерно сочетание разнонаправленных тенденций: высокой поисковой активности и динамичности процессов возбуждения, с одной стороны, и выраженной инертности и неустойчивости, с другой. Психологически это проявляется сочетанием высокого уровня притязаний с неуверенностью в себе, высокой активности с быстрой истощаемостью, что при неблагоприятных социальных условиях становится почвой для алкоголизации личности и аддиктивного поведения.

Выявляются завышенная самооценка, склонность быстро принимать решение, нередко не задумываясь о последствиях своих поступков, самоуверенность, эгоцентризм как неспособность индивида принять чужую точку зрения, снисходительное отношение к своим промахам и недостаткам. Гибкие установки по отношению к социальным нормам, низкое чувство вины, пренебрежение правилами, слабый интерес к общественным стандартам свидетельствуют о склонности к деструктивному поведению.

Полученные нами данные в корне не противоречат ранее проведенным исследованиям относительно характеристики личности осужденных интересующей нас категории, а представленный портрет отчасти согласуется с социально-психологическими характеристиками, составленными в разное время специалистами в области криминологии и юридической психологии.

В.В. Ивановой отмечено, что «аварийщикам» свойственны эгоизм, черствость. Особенно заметны отрицательные качества личности при анализе действий преступников: стремление избежать ответственности, оставление места происшествия, неоказание помощи пострадавшему [4]. Л. Вишки пришел к выводу о том, что дорожно-транспортные преступления имеют общие черты с классическими преступлениями, и нет оснований утверждать, что человек, совершивший транспортное преступление, не является преступником [2]. А.И. Чучаев указывал на то, что предшествующее поведение 55–60% осужденных свидетельствует о стойкой антиобщественной установке личности, и лишь 2–3% согласно результатам его исследований приходится на осторожных, случайных «аварийщиков» [11].

Исследуя психодинамику личности осужденных за неосторожное убийство без проявления агрессии к жертве, Е.А. Щелкушкина пришла к выводу о том, что у этих лиц лживость, присущая всем осужденным, выражена в еще большей мере, чем у умышленных убийц. Причина в том, что некоторые слои бессознательного не позволяют осужденным осознать вину и заставляют постоянно возвращаться в беседах с психологом к тому, как им не повезло в жизни. Сформулирован вывод о похожем симптомокомплексе личностных свойств «аварийщиков» и убийц. По мнению автора, группа осужденных за убийство по неосторожности без агрессии, а к этой категории относятся и осужденные по ст. 264.4, 264.6 УК РФ, является совершенно особым типом преступников, хотя они больше похожи на обычных убийц [12].

Действия водителей, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, часто не были обусловлены сложной обстановкой на дороге. Напротив, они ее формировали, то есть не ситуация вынуждала виновного к определенным действиям, а личность преваляла над ситуацией, что более характерно для умышленных преступлений [7, с. 193].

Таким образом, указанные обстоятельства заставляют критически отнестись к высказанным мнениям в отношении «аварийщиков» как особой, испорченной, всегда случайной категории преступников и позволяют сформулировать следующие выводы.

«Аварийщиков», совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения, отличает антисоциальное поведение, скорее, типичное для лиц, совершивших умышленные преступления с тяжкими последствиями. Для большинства обследованных нами осужденных ДТП стало закономерным следствием их жизнедеятельности, отражением личностных асоциальных ценностно-нормативных установок, что привело к нарушению закона и свидетельствует о формировании криминальной predisпозиции. Криминальная predisпозиция выражается: в доминировании над ситуацией, предшествующей ДТП; умышленном обострении этой ситуации и создании угрозы для жизни и здоровья людей; психофизиологическом состоянии водителя (алкогольное опьянение), при котором стала реальной возможность причинения вреда жизни и здоровью других лиц; правовом состоянии водителя, свидетельствующем о юридическом нигилизме (безразличном отношении к за-

кону); индифферентном (безразличном) и даже пренебрежительном отношении к жизни и здоровью других людей.

Проведенное нами психологическое исследование позволило прийти к выводу о том, что ДТП с тяжкими последствиями, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, — это не просто стечение различных неблагоприятных обстоятельств в жизни человека, при исчезновении которых он перестает отличаться от большинства законопослушных граждан, а закономерное следствие, итог формирования предрасположенности, личностной готовности к нарушению закона, антисоциальной направленности личности.

Проведенное исследование имеет прикладное значение. Его результаты, а также изучение следственно-судебной и пенитенциарной практики позволяют говорить о том, что случаи, когда виновный в ДТП водитель находился в состоянии опьянения, свидетельствуют не о преступном легкомыслии, а об убийстве общепасным способом с косвенным неконкретизированным умыслом. В случае использования виновным транспортного средства в состоянии опьянения нельзя автоматически переводить вопрос уголовно-правовой оценки содеянного в плоскость ДТП и расценивать как деяние, совершенное по неосторожности.

Надеемся, что представленный в статье материал поможет разобраться в причинах и условиях, способствующих совершению ДТП, дать принципиальную и объективную оценку виновным и особенно лицам, совершившим преступление в нетрезвом состоянии, а также принять исчерпывающие меры по предупреждению происшествий, связанных

с гибелью граждан. При этом изучение криминологической и индивидуально-психологической характеристики лиц, совершивших дорожно-транспортные преступления в состоянии алкогольного опьянения, позволит повысить эффективность предварительного расследования и вынесения приговора.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология : учеб. для бакалавров. М.: Юрайт, 2013. 523 с.
2. Вишки Л. Транспортные преступления и криминологические теории личности. М.: Фонд ВНИИ безопасности дорожного движения МВД России. СР-775. С. 36.
3. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М.: Юрид. лит, 1977. С. 8.
4. Иванова В.В. Предупреждение уголовно наказуемых нарушений правил безопасности дорожного движения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 144.

5. Коробеев А.И. Транспортные преступления. — СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. С. 325.

6. Красненкова С.А. Изучение личностных особенностей виновников дорожно-транспортных происшествий с тяжкими последствиями // Гуманитарный вектор. 2015. № 1 (41). С. 111–117.

7. Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Наука, 1981. 248 с.

8. Рабочая книга пенитенциарного психолога : пособие / под ред. А.И. Мокрецова, В.П. Голубева, А.В. Шамиса. М.: ВНИИ МВД России, ГУИН МВД России, 1997. 208 с.

9. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. Сведения за 12 месяцев 2014 г. [сайт]. URL: www.gibdd.ru/stat/ (дата обращения : 07.05.2015).

10. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. — М: ИПП-ИСП, 2000. С. 72–125.

11. Чучаев А.И. Транспортные преступления: проблемы квалификации и наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. С. 24–25.

12. Щелкушкина Е.А. Психодинамика личности осужденных за убийство: дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2011. С. 118.

ХАРАКТЕРИСТИКИ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЛИЦ, ОСУЖДЕННЫХ И ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

П. Н. Казберов

Аннотация: в статье рассматриваются характеристики криминальной субкультуры, занимающей особое место среди различных вариаций субкультур как составляющих культуры в целом в силу значимости отрицательных характеристик последствий ее проявлений. Автор отмечает, что достаточно часто криминальная субкультура определяется не иначе как антикультура, но при этом она не является чем-то монолитным и единообразным. Дифференциацию составляющих ее элементов мож-

но определить в том числе при анализе характеристик осужденных, отбывающих наказания за различные виды преступлений. В данном случае речь идет о лицах, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности. В ходе реализации научно-исследовательской работы автора в 2013–2015 гг. по проблематике противодействия распространению экстремизма в исправительных учреждениях пенитенциарной системы выявлены существенные различия как в поведенче-

ской сфере, так и в личностных характеристиках лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности, от осужденных за другие виды преступлений. Специалисты по вопросам субкультурных проявлений отмечают, что субкультура отличается от доминирующей культуры формами поведения ее носителей, особенностями их сленга (жаргона), одежды и другой атрибутикой внешности, но прежде всего собственной системой ценностей. Именно в сфере политических интересов, убеждений и ценностей наблюдаются самые значимые отличия осужденных за экстремистскую деятельность от лиц, осужденных за другие виды преступлений.

По своим социально-демографическим характеристикам лица, осужденные за экстремистскую деятельность, в местах лишения свободы мало чем отличаются от своих собратьев-экстремистов на воле, но заметно выделяются среди общей массы осужденных, исключение составляет лишь сфера образования и профессии. Так же, как и осужденные других категорий, лица, осужденные за экстремистскую деятельность, имеют невысокий образовательный уровень, схожая картина наблюдается в сфере овладения профессией.

Проведенные анкетирование и опрос лиц, осужденных за экстремистскую деятельность, позволили определить, что большая часть из них являются сторонниками так называемого правого политического экстремизма. Разделяя систему ценностей этого политического движения, осужденные имеют соответствующие предпочтения в политике, литературе, кино и других сферах культуры. Особого внимания заслуживают идео-

логические составляющие экстремистского политического движения правого толка.

Ключевые слова: криминальная субкультура, культура, осужденные, профессия, политика, экстремизм, пенитенциарная система, политический экстремизм, подростки, нацизм.

Актуальность обозначенных в названии статьи проблемных вопросов не вызывает каких-либо сомнений. Криминальная субкультура как явление и ее проявления рассматриваются криминологами как наиболее опасные формы асоциального поведения граждан в обществе [14].

Процесс развития отечественной культуры с ее дифференцированными субкультурными направлениями, контркультурами, криминальной субкультурой обуславливает проявление реальных рисков в вопросе сохранения целостности и самобытности Российского государства. Процессы формирования и развития криминальной субкультуры обеспечивают в основном ее носители, значительную часть которых составляют лица, отбывающие и отбывшие уголовное наказание в пенитенциарной системе. Как и российское общество в целом, эти осужденные не являются абсолютно однородной массой, часто достаточно ярко проявляя отличия индивидуального характера, а также отличия на уровне различных категорий осужденных (по возрасту, профессиональной принадлежности, национальности, виду совершенного преступления и т. д.). Отметим, что именно адресного подхода в психологической и воспитательной работе с осужденными требует Концепция развития уголовно-

исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.

Происхождение и трансформация содержательных аспектов криминальной субкультуры обусловлены теми экономическими, социально-культурными и политическими процессами, которые происходят в обществе на современном этапе его развития. Характеризуя современность, особенно хотелось бы обратить внимание на пугающие темпы и масштабы распространения экстремизма во всех разновидностях форм его проявления в мире [2]. Уже не первый год складывается сложная ситуация с распространением в частности религиозного экстремизма в обществе и в исправительных учреждениях стран постсоветского пространства, где традиционной религией является ислам. Российская Федерация только начинает испытывать эти проблемы.

Страны, где ислам является доминирующей конфессией, первыми ощутили на себе воздействие распространения религиозного (исламского) экстремизма в обществе и в местах лишения свободы. В среде радикал-исламистов имеет место теория «тюремного джихада». Ее авторство предписывается Марату Кудакбаеву, который с 2002 по 2010 год возглавлял отдел по связям с силовыми структурами Духовного управления мусульман Татарстана.

Необходимо привести точку зрения исследователей вопроса распространения экстремизма и терроризма [11] о том, что феномен проявления экстремизма недостаточно изучен. Действительно, масштабные (по количеству выборки) и системные исследования личности экстремистов и террористов были проведены один-единственный

раз в ФРГ в середине 1980-х годов. Исследованием были охвачены практически все имеющиеся на тот момент в исправительных учреждениях ФРГ осужденные за экстремистскую и террористическую деятельность.

Сегодня особенно проблемно обстоит дело с прикладным аспектом вопроса, несмотря на то что его теоретические стороны разрабатываются значительным количеством авторов. Достаточно много публикаций посвящено подготовке личного состава органов охраны правопорядка [7, 8, 9], но практически все они и остаются лишь на уровне теории. Происходит это по одной простой причине: собрать какой-либо значимый объем эмпирического материала практически невозможно. Никто в условиях свободной части общества не сознается, что он является экстремистом или террористом. Сбор эмпирического материала возможен только в рамках пенитенциарной системы, учитывая и то, что уже осужденные и отбывающие наказание за эти виды преступлений охотно идут на диалог с психологом и психодиагностические процедуры.

Уже достаточно давно стало понятно то, что одни лишь меры силового характера сами по себе не дадут необходимого эффекта в деле противоборства с экстремизмом. Здесь крайне важен аспект раскрытия криминологических, уголовно-исполнительных, психологических и субкультурных характеристик лиц, отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности. Без этих данных какая-либо воспитательная и психологическая работа по исправлению таких осужденных невозможна. Обладая данной инфор-

мацией, можно определять и превентивные меры по профилактике экстремизма в обществе в целом.

В результате проведенной в течение 2013–2015 гг. научно-исследовательской работы [3, 4, 5, 6], посвященной проблеме распространения в исправительных учреждениях экстремистской идеологии, стало возможным определить различные, в том числе субкультурные, характеристики лиц, осужденных за экстремистскую деятельность. Прежде всего необходимо пояснить, что количество лиц, отбывающих наказание за экстремистскую деятельность, является относительно небольшим, на сегодня не более четырехсот человек. Тем не менее практическая работа с осужденными показывает, что этот список фактически гораздо более объемный. В большинстве случаев суды выносят решения с определением бытового либо хулиганского характера совершенного преступления, минуя политическую, религиозную и другие составляющие.

Носители экстремистской субкультуры в местах лишения свободы мало чем отличаются от своих собратьев-экстремистов на воле, но заметно выделяются среди общей массы осужденных, исключение составляет лишь сфера образования и профессии. Осужденные экстремисты так же, как и осужденные других категорий, имеют невысокий образовательный уровень: у 14,9% — лишь начальное образование, 47,6% — среднее и 31,4% — среднее профессиональное образование, остальные — высшее (4,7%) или незаконченное высшее (1,4%). В сфере профессии наблюдается схожая картина: 43% — имеют профессии технической

направленности (слесари, сантехники, водители автотранспорта, сварщики), 34,3% — работники сферы услуг и торговли (менеджеры низшего звена), профессии нет у 22,7%.

Более значимую роль в жизни экстремистов до осуждения, по сравнению с другими осужденными, играла такая форма аддикции, как употребление алкоголя. 63,7% из них признали, что стабильно употребляли алкоголь, в том числе до 18-летнего возраста. Семью на момент опроса сохранили лишь 21% осужденных этой категории, что примерно в два раза меньше, чем у осужденных других категорий. В 90% случаев осужденные указывали на наличие приверженности к православной вере, неверующими себя назвали 10%.

Исследователи вопроса поясняют [6], что субкультура отличается от доминирующей культуры прежде всего собственной системой ценностей. Именно в сфере политических интересов, убеждений и ценностей наблюдаются самые значимые отличия осужденных за экстремистскую деятельность от лиц, осужденных за другие виды преступлений. Проведенные в рамках научно-исследовательской работы анкетирование и опрос лиц, осужденных за экстремистскую деятельность, позволили определить, что большая часть из них (53,5%) являются сторонниками так называемого правого политического экстремизма.

Соответственно, разделяя систему ценностей этого политического движения, осужденные отдают следующие предпочтения в сфере литературных произведений:

– «Mein Kampf» А. Гитлера (68,7% опрошенных);

– «Удар русских богов» Истарханова (57,8% опрошенных);

– «Записки сионских мудрецов» (38,7%).

В качестве предпочтений творчества музыкальных групп назывались:

– группа «Коловрат» (68,7% опрошенных);

– группы, исполняющие националистический heavy metal (55,7%);

– немецкие военные марши времен Второй мировой войны и стилизации под славянские языческие мотивы (43,7%);

– шансон, в том числе явно блатного содержания (например, автора и исполнителя А. Дюбина) — 27,3%.

Предпочтения в кино (видео) сфере: сериалы: «Киллер», «Антикиллер», «Бригада» и т. д.

Весьма интересны аспекты отношений этих осужденных к этнической проблематике. В целом они не скрывают особо негативное отношение к выходцам из Африки (афроамериканцам), в меньшей степени к представителям других национальностей и рас (кавказцы, азиаты), хотя преступления согласно материалам уголовных дел совершались чаще в отношении последних. Отмечается также категоричность суждений в адрес русских, «позорящих звание белого человека», то есть бомжей и нищих, а также неприятие самой возможности, когда сын или дочь сочетались бы браком с представителем другой национальности или этнической группы.

Изучение системы ценностей правого политического экстремизма возможно посредством анализа содержания идеологии этого политического движения. Анализ имеющейся ли-

тературы позволяет сделать вывод о том, что для широкого круга читателей понимание экстремистских течений (как правило, молодежных) правого и ультраправого толка чаще всего неоправданно сводится к упрощенному понятию «фашисты». Такой подход, может быть, оправдан с пропагандистской точки зрения, однако для реальной работы и тем более профилактики этого явления, в частности в местах лишения свободы, явно недостаточен.

Другим упрощенным, а следовательно, абсолютно поверхностным и бесполезным, является утверждение о том, что, например, скин-движение — это просто те же «фашисты», только бритые и умственно отсталые, чаще подростки из неблагополучных семей, с «которыми и разговаривать нечего» [12, 13].

К сожалению, для специалиста, которому придется работать с этой категорией осужденных, все не так однозначно. Где-то в начале 90-х годов прошлого столетия в прессе впервые стали публиковаться сообщения о появлении «бритоголовых», «нациков» и «фашиков». На заборах и домах начали появляться изображения свастики и специфические надписи, на импровизированных рынках — продаваться предметы нацистской символики. Подростки (к ужасу старшего поколения, пережившего войну с фашистской Германией и ее последствия) начали фотографироваться в сшитых кустарным способом эсэсовских мундирах, делать «зиги» и зверски избивать своих ровесников (а то и взрослых), не отвечающих, на их взгляд, эталону «белого человека».

Современные российские «бритоголовые» во многом унаследовали внеш-

ную атрибутику английских скинхедов (кельтский крест, «гриндеры») с металлическими вставками, подвернутые джинсы часто камуфляжной расцветки, музыку и другие традиции). От «нациков» (сторонников националистической и национал-патриотической идеологии) они также позаимствовали и гитлеровскую атрибутику, и некоторые языческие старославянские символы. Следует также понимать, что скин-движение не является однородным, среди них можно встретить не только «белых», но и «красных» скинов и даже придерживающихся коммунистической и антифашистской идеологии (примерно 2–3%).

Кроме скин-движения, к российскому правому спектру можно отнести «просто» националистов с достаточно высоким уровнем организованности и обязательным наличием жесткой внутригрупповой иерархии, «ультраправых неформалов», представляющих относительно неустойчивые субкультурные образования (панки, металлисты, рокеры, байкеры, футбольные фанаты), в определенной степени придерживающихся правых радикальных взглядов или смеси расистской, нацистской и национал-патриотической идеологии.

В начале развития праворадикальных групп и особенно скин-движения помощь «русскому» или «белому человеку» считалась само собой разумеющейся и даже закреплялась программно («Азбука славянских бритоголовых»). В современных условиях участники ультрарадикальных правых группировок уже не стараются выглядеть защитниками всех «простых русских людей» и допускают гибель «белых людей» в произведенных терактах. По их мнению,

«для чистоты расы» важно не количество, а качество. Только «принудительная евгеническая селекция Русской Расы» выявит расовую основу народа. «Нынешние белые выродились и спились», «Их интересует телевизор, модные тряпки и полный холодильник», «Какие же они белые? Они просто мясо и мусор» («Гнев Перуна»). Разочарование в современном «белом человеке», не замечающем «черной» или «желтой» опасности, звучит не только в высказываниях, самиздате, но и в музыкальном творчестве: «Ваши деды, сабли ломая, вам подарили Дальний Восток, вы же, братья, род свой позоря, в пьянстве Родину топите», когда «враг лезет в ваши дома» и т. д. («Дальневосточная», музыкальная группа «Волколак»).

Существенной деталью различия сторонников верховенства «белой расы» и ультра-патриотов, национал-патриотов является отношение к государственной политике. Если национал-патриоты ностальгируют о «былом величии» и имперских амбициях «сильного государства», утраченной возможности «мыть сапоги в Индийском океане», о «Гибралтаре» или «Аляске», то радикалы «белой идеи» считают, что интересы расы («белого этноса») заведомо важнее любых государственных интересов, особенно если последние вступают в противоречие. Например, политика развития инфраструктуры Северного Кавказа, экономическая помощь Абхазии и Южной Осетии, списание африканских долгов или долга некоторых стран СНГ представляются ими как «предательство интересов» титульного, то есть русского населения страны и являются «актом грабежа славянского народа».

Изменение отношения к власти и государству, наблюдаемое у части сторонников «правого движения», проявляется в идее о том, что враги не столько «черные», «урюки», «гуки», сколько «Система». Главный враг — это ZOG (аббревиатура с антисемитским содержанием) в правительстве: «Чурок победить несложно, но как победить ментов, если они тоже белые и тоже русские, но служат не «белой идее», а оккупационному режиму». «До лидеров ZOG не добраться, революционный переворот нереален, так как власть создает у населения иллюзию благополучия и процветания», отсюда единственный метод борьбы — «дестабилизирующий террор». «Надо не ломать черепа неграм и хачам, а раскачивать лодку» [1]. «Белый человек» выродился, спился или «продался», поэтому нужен (правому движению) не он, а его дети, из которых еще «можно воспитать новую расу».

Изменения наблюдаются и в отношении к представителям криминальных структур. Если на начальных этапах правого движения наблюдалось дистанцирование от криминального мира и даже преобладал мотив защиты от него, то в борьбе с «Системой», «государством ZOG» наблюдается четко выраженная тенденция сближения. Часто планируемые акции осуществляются совместно или под прикрытием криминальных структур, под предлогом «грамотного» террора.

В идеологии «правого движения», несмотря на всю его разноплановость, четко прослеживаются не всегда согласующиеся тенденции: великодержавный шовинизм, «границы от моря и до моря», поиск внешнего врага, борьба с «тлетворным влиянием Запада» и

«кошунницами», призывы защиты «русских» или «братьев-славян» в любой точке земного шара, ностальгия по былому имперскому величию, ратование за «собрание русских земель», культ «сильного государства» с «сильным лидером», пренебрежение ко всяким «чуркам» и «чукчам» (ультра-патриоты, национал-патриоты, «защитники православной веры») и «обыкновенный» расизм («белые» скинхеды, фашисты, нацисты). Иногда принципы белого расизма с элементами «нищезанятия» частично заменяются идеями религиозного фундаментализма со значительной примесью неонацистско-шовинистической идеологии (группа Королева, ставшая известной в связи с причастностью к взрыву на Черкизовском рынке в Москве).

Внешняя атрибутика сторонников «сильного имперского государства» и других ультра-патриотических течений активно афишируется («имперки»: самодержавные кресты и ордена, желто-черные флаги, стилизованная под старину военизированная форма и т. д.; утрированно православная символика с ношением хоругвей, бороды и черных длинных рубашек навыпуск; черные рубашки сербских четников с изображением черепов либо ярко-красные куртки одинакового покроя, пошитые, вероятно, где-то в Китае). Внешние же атрибуты «расистов» по понятным причинам ушли в подполье и демонстрируются только в узком кругу, среди своих. Основой расизма является идея сохранения «генетической чистоты» белой, славянской расы. Иногда понятия «славянский», «русский», как указывалось выше, достаточно широкие.

Идеалом государственного устройства у различных объединений ультраправых радикалов при наличии бесчисленных вариаций являются два основных варианта:

1) унитарное мононациональное государство по образцу Германии 30–40-х годов прошлого века с депортацией «небелого» населения или реализации сепаратистских тенденций, связанных с уменьшением границ России до мест компактного проживания «белых», «славян» или «русских»;

2) государство, существующее в пределах Российской Федерации, разделенное элементами бытовых порядков апартеида по образцу Южно-Африканской Республики 50–80-х годов XX века.

В доверительной беседе с другим осужденным экстремист, отбывающий наказание, может задать наводящий вопрос: «Как, например, фамилия твоего судьи, следователя, адвоката?» — и в случае получения желаемого результата тут же закрепляет его: «Ну, теперь тебе понятно, почему ты получил такой срок?» Аналогичная схема срabатывает и в случае с сотрудниками исправительного учреждения (только вместо судьи и адвоката фигурирует вышестоящее должностное лицо, либо «приехавший из Москвы» проверяющий). Заступившись за осужденного, на которого «наехал» осужденный не «белой» этнической группы, экстремист правого направления может сказать: «белые» (славяне, русские) люди всегда должны стоять друг за друга. К этому, как правило, может добавляться наделение лиц иной этнической принадлежности различными отрицательными чертами, с проецированием и обобщением особо

неодобряемых социальных черт отдельного индивида на всю этническую группу и национальность.

Как правило, даже рядовые участники скин-движения и других ультраправых групп правого толка, независимо от уровня интеллектуальных способностей (здесь очень широкий диапазон), настолько идеологически обработаны, что в состоянии провести разъяснительную беседу, а привлечение кого-нибудь на свою сторону считают делом чести («Азбука славянских бритоголовых») и собственной безопасности (чем больше вокруг единомышленников, тем становится спокойней за свое здоровье).

Сложность выявления форм распространения правого ультраправого экстремизма и его идей заключается: во-первых, в созвучности ряда его положений представлениям части осужденных, в первую очередь молодежи, и определенной части персонала исправительного учреждения. Во-вторых, часть осужденных, исповедующих крайние формы правого экстремизма, отбывают наказание за преступления по статьям УК РФ, напрямую не указывающим на него (хулиганство, разбой, грабеж, нанесение телесных повреждений и т. д.). Следовательно, контроль за их поведением со стороны оперативных и режимных служб не является настолько целенаправленным, как за лицами, в решении суда которых указаны статьи УК РФ экстремистской или террористической направленности. Так в обобщенном виде можно представить взаимосвязь некоторых политических явлений радикального толка, происходящих в обществе, с качественными характе-

ристиками криминальной субкультуры лиц, осужденных и отбывающих наказание за преступления экстремистской направленности.

Литература

1. *Беликов С.В.* Антифа. Молодежный экстремизм в России. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.

2. *Емелин В.А.* Терроризм как патологическая форма обретения идентичности в условиях информационного общества // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 36–43.

3. *Казберов П.Н.* Актуальные вопросы психологического обеспечения деятельности учреждений УИС нового типа (на примере воспитательных центров) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2011. № 5 (108). С. 13–16.

4. *Казберов П.Н.* Методические особенности психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказание за террористическую и экстремистскую деятельность // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 3. С. 19–21.

5. *Казберов П.Н.* Особенности психологической работы с осужденными за террористическую и экстремистскую деятельность прикладная юридическая психология // Прикладная юридическая психология 2013. № 4. С. 61–66.

6. *Казберов П.Н.* Проблемные вопросы психологического изучения проявлений экстремизма и терроризма // Юридическая психология. 2015. № 2. С. 8–10.

7. *Казберов П.Н., Кулакова С.В., Фадеева К.Ф.* О последствиях экстремальных условий деятельности для сотрудников силовых структур // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 12 (16). С. 36–41.

8. Психологические аспекты подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях / П.Н. Казберов [и др.] // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 12 (16). С. 29–35.

9. *Киселев А.М.* О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 42–46.

10. *Кравченко А.И.* Культурология : учеб. пособие для вузов. М.: Академический проект, 2001. 212 с.

11. *Соснин В.А., Нестик Т.А.* Современный терроризм: Социально-психологический анализ. М.: Институт психологии РАН, 2009. 112 с.

12. *Сочивко Д.В.* Психодинамики духовности и религиозности осужденных молодежного возраста // Прикладная юридическая психология. 2012. № 4. С. 116–126.

13. *Сочивко Д.В., Гаврина Е.Е.* Подсознание террориста. М.: Пер Сэ, 2012. 192 с.

14. *Чулисова А.П.* Роль этноинтегрирующих и этнодифференцирующих образов природы в психокоррекционной работе с осужденными за насильственные преступления // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 103–113.

15. *Шемакина В.В.* Криминальная субкультура современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2010. – 24 с.

МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ БЫВШИХ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ХАРАКТЕРА

Е. Е. Гаврина, И. С. Хаванова

Аннотация: в статье представлены результаты изучения мотивационной сферы личности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за совершение преступлений коррупционного характера, в срав-

нительном анализе с данными по сотрудникам, осужденным за преступления общеуголовного характера, то есть не связанные с исполнением ими обязанностей по должности (чаще всего за убийство и кражу), и по сотрудникам, не

склонным к деструктивному поведению, то есть работающим на момент обследования и не состоящим на учете в отделе кадров, психологической службе и отделе собственной безопасности.

Было организовано изучение заявленной проблематики и проведено исследование с помощью следующего методического инструментария: опросник межличностных отношений В. Шутца (адаптация А.А. Рукавишников), «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана, опросник терминальных ценностей (ОТеЦ), анкета, направленная на изучение социально-демографических данных, организационных отношений, качества исполнения служебных задач.

Авторы приводят в статье результаты сравнительного анализа особенностей проявления мотивационной сферы, межличностных отношений и терминальных ценностей трех рассматриваемых групп.

Особое внимание уделяется вопросам проявления мотивационной сферы бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, совершивших преступления коррупционного характера.

В рамках статьи выявлено противоречие, которое заключается в том, что в качестве ведущего мотива профессиональной деятельности сотрудников-коррупционеров выделяется общение, а результаты изучения особенностей их межличностных отношений показывают, что они предпочитают в основном проявлять повышенную осторожность при установлении межличностных отношений. Менее важным мотивом у сотрудников-коррупционеров по сравнению с другими группами обследо-

ванных является мотив социальной полезности, а доминирующим мотивом выступает общая активность.

В статье отмечено, что наиболее выраженным мотивом, влияющим на исполнение обязанностей по должности, для бывших сотрудников, осужденных за преступления общеуголовного характера, является творческая активность, а терминальными ценностями — «креативность» и «достижения».

Приведенные в статье результаты кластерного анализа по опроснику «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман) позволяют более детально изучить различные подгруппы бывших осужденных за преступления коррупционного характера в зависимости от особенностей их мотивационной сферы в сравнительном анализе с данными по специфике проявления межличностных отношений.

Авторы предлагают типологию сотрудников-коррупционеров в зависимости от межличностных особенностей и мотива социальной полезности.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, осужденные, сотрудники уголовно-исполнительной системы, особенности межличностных отношений, мотивационная структура личности.

Статистические материалы ФСИН России о состоянии законности среди пенитенциарных работников свидетельствуют об устойчивой тенденции роста коррупционных проявлений среди личного состава учреждений. По состоянию на IV квартал 2013 г. в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) было возбуждено 441 уголовное дело, в том числе 105

из них содержали составы преступлений, предусмотренных ст. 290, 291 Уголовного кодекса РФ, что на 22% превышает аналогичные показатели 2012 г. (было возбуждено 86 уголовных дел)[4].

Глава Верховного Суда РФ Вячеслав Лебедев на совещании председателей судов, подводя итоги 2013 г., отметил, что российские суды чаще всего выносили обвинительные приговоры за получение взяток в отношении муниципальных и государственных служащих. На четвертом месте по числу осужденных за взяточничество оказались сотрудники ФСИН России (6%) [5].

Специалисты Всероссийской антикоррупционной общественной приемной «Чистые руки» и Ассоциации адвокатов России за права человека также отмечают, что одной из сфер, где уровень коррупции за 2013–2014 гг. по-прежнему остается довольно высоким и опасным для страны, является сфера исполнения наказаний [6].

Приведенные факты позволяют констатировать, что в УИС объективно назрела необходимость более глубокого изучения психологических особенностей бывших сотрудников ведомства, осужденных за коррупционные преступления, выявления истинных детерминант, лежащих в основе совершения такого вида преступлений, а также изучение особенностей мотивационной сферы личности сотрудников-коррупционеров. Знание психологического содержания личностных структур осужденных-коррупционеров не только поможет выбрать оптимальные методы воздействия, определить наиболее целесообразный путь их позитивных изменений, но и позволит разработать социально-психологические меры

по обеспечению профилактики коррупции в УИС.

Почти любое преступление обусловлено различными мотивационными явлениями, которые выполняют в психической деятельности побуждающую и направляющую функции. Благодаря их влиянию каждый человек прикладывает усилия для того, чтобы достичь определенных результатов, преодолевая трудности на пути к ним. В процессе данного исследования была поставлена задача: изучить влияние мотивационной сферы сотрудника в его профессиональной деятельности на формирование деструктивных отклонений в поведении, в частности коррупционной направленности.

Изучение заявленной проблематики было проведено с помощью следующего методического инструментария: опросник межличностных отношений В. Шутца (адаптация А.А. Рукавишниковой), «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана, опросник терминальных ценностей (ОТеЦ), анкета, направленная на изучение социально-демографических данных, организационных отношений, качества выполнения служебных задач.

В статье представлены результаты изучения мотивационной сферы бывших сотрудников УИС, осужденных за коррупционную деятельность, в сравнительном анализе с данными по сотрудникам, осужденным за преступления общеуголовного характера, то есть не связанные с исполнением ими обязанностей по должности (чаще всего за убийство и кражу), и по сотрудникам, не склонным к деструктивному поведению, то есть работающим на момент обследования и не состоящим на учете в

отделе кадров, психологической службе и отделе собственной безопасности [2].

Сравнительный анализ полученных данных показывает, что мотивационная структура сотрудников трех рассматриваемых групп отличается выраженностью только такого мотива, как социальный статус. Он более выражен у сотрудников, не склонных к деструктивному поведению, чуть меньше он у сотрудников-коррупционеров и еще менее — у бывших сотрудников, совершивших преступления общеуголовного характера.

У сотрудников-коррупционеров, как это ни странно, показатели по шкале «социальный статус» занимают среднее значение. Это означает, что они совершают преступления коррупционного характера не ради повышения своего социального положения, а в целях приобретения материальных выгод. Несмотря на этот феномен, можно выделить противоположный ему — низкую выраженность мотивов жизнеобеспечения и комфорта, что совпадает с данными бывших сотрудников, совершивших преступления общеуголовного характера.

Что же получается? С одной стороны, они используют свое должностное положение ради увеличения доходов, с другой — не стремятся к жизнеобеспечению и комфорту. Скорее всего, здесь имеет место феномен ограничения демонстрации доходов среди сотрудников УИС, чтобы не привлекать внимания сотрудников собственного отдела безопасности. Именно этот факт влияет на повышенную осторожность сотрудников-коррупционеров в общении с коллегами и ближайшим окружением.

В то же время результаты по опроснику терминальных ценностей (ОТеЦ) показывают, что у осужденных за коррупционные преступления выражены пики по шкалам терминальных ценностей «собственный престиж» и «достижения». Следовательно, эта категория лиц отличается выраженным стремлением к признанию, уважению, одобрению со стороны других наиболее значимых лиц, к чьему мнению они прислушиваются и на чье мнение ориентируются в своих суждениях, поступках и взглядах. Они заинтересованы во мнениях окружающих о себе, стремятся к самосовершенствованию, верят в то, что потенциальные возможности человека почти не ограничены, и, как следствие, стремятся к достижению конкретных и ощутимых результатов в различные периоды жизни [1].

Среди шкал жизненных сфер по опроснику терминальных ценностей (ОТеЦ) у данной категории лиц наблюдаются высокие значения по шкалам «сфера семейной жизни» и «сфера общественной жизни». Данный факт отражает то, что большое количество жизненных достижений осужденных-коррупционеров служит основанием для их высокой самооценки. Они стараются тщательно планировать свою жизнь, ставя конкретные цели на каждом ее этапе и считая, что главное — добиться этих целей. Для этой категории лиц приобретают высокую значимость все аспекты человеческих взаимоотношений, все то, что связано с жизнью семьи, общественно-политической жизнью.

Сопоставление данных по опросникам «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана и

терминальных ценностей (ОТеЦ) показывает, что во многом основными побуждающими факторами совершения коррупционных деяний является приобретение материальных выгод для улучшения материального положения семьи, повышения собственного престижа и достижения желаемых результатов.

Наиболее выраженным мотивом, влияющим на исполнение обязанностей по должности, для бывших сотрудников, осужденных за преступления общеуголовного характера, является творческая активность, что также подтверждается результатами по опроснику терминальных ценностей (ОТеЦ), согласно которым наиболее выраженными шкалами являются «креативность» и «достижения». Это характеризует их как творческих людей со стремлением вносить различные изменения во все сферы жизни, во всем избегать стереотипов и разнообразить свою жизнь. У лиц данной категории еще больше, чем у осужденных-коррупционеров, выражено стремление к достижению конкретных и ощутимых результатов в различные периоды жизни [3].

Следует отметить, что у сотрудников-коррупционеров на фоне остальных групп такой мотив, как творческая активность, выражен менее всего. Данный факт представляет повышенный интерес в связи с тем, что вид совершаемого ими преступления предполагает проявление творческой активности, а в итоге он представляет собой усредненный показатель. По этому факту можно выдвинуть две гипотезы:

1) нежелание сотрудников привлекать к себе внимание руководства. Из бесед с ними мы уяснили: этот фено-

мен объясняется тем, что руководство учреждений УИС не поощряет слишком активного проявления самостоятельности, инициативы и творчества при выполнении функциональных обязанностей, а их проявление может привлечь внимание к противоправной деятельности. Именно поэтому сотрудники-коррупционеры предпочитают находиться на своих рабочих местах в тени, при этом качественно выполняя свои непосредственные обязанности по должности;

2) количество видов коррупционных преступлений, которые могут совершить в процессе исполнения обязанностей сотрудники УИС, ограничено, и механизмы их совершения уже отработаны. Остается просто организовать сам факт получения материальных выгод.

Изучая особенности межличностных отношений, мы установили, что большинство сотрудников-коррупционеров и не склонных к деструктивному поведению предпочитают проявлять повышенную осторожность при установлении межличностных отношений, но, несмотря на данный факт, одним из ведущих мотивов их профессиональной деятельности остается общение.

Менее важным мотивом у сотрудников-коррупционеров по сравнению с сотрудниками, не склонными к деструктивному поведению, и бывшими сотрудниками, осужденными за преступления общеуголовного характера, является социальная полезность. Следовательно, именно данная категория сотрудников не стремится в процессе исполнения обязанностей по должности приносить гражданам пользу и использо-

вать свои должностные возможности на благо окружающих.

Отличительной характеристикой в мотивационной сфере сотрудников-коррупционеров выступает то, что по сравнению со всеми остальными группами у них доминирует общая активность. Этот факт не вызывает никаких сомнений, а наоборот, подтверждает важность данного мотива при совершении коррупционных деяний — будешь пассивен, и никто тебе на блюдечке денег не принесет. Но это ни в коем случае не говорит о том, что все сотрудники, имеющие мотив общей активности при исполнении обязанностей по должности, являются коррупционерами. Просто в данном случае этот вид активности направлен на преступную деятельность, в другом случае — на карьерный рост и так далее.

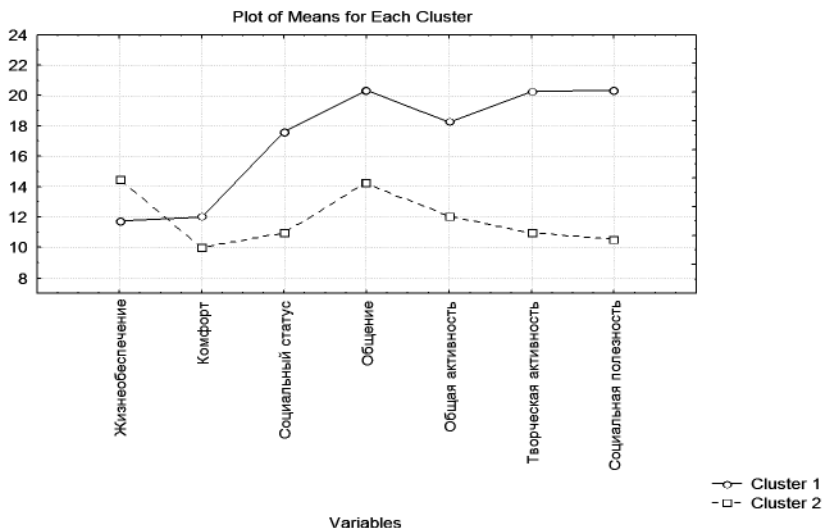
Исследование общежитейской и рабочей направленности личности сотрудников показало, что существенных различий в рассмотренных группах не выявлено. Однако общежитейская направленность хоть и незначительно, но доминирует у сотрудников, не склонных к деструктивному поведению, а рабочая направленность личности — у сотрудников-коррупционеров.

Среди мотивов, обеспечивающих общежитейскую направленность сотрудников, менее значимы жизнеобеспечение и комфорт, о чем упоминалось выше. Поступая на службу в уголовно-исполнительную систему, сотрудники уже имеют информацию о своих будущих доходах. Однако, зная, что другие их потребности будут удовлетворены (возможность общаться, проявить творческую активность и быть социально полезными окружающим), не обра-

щают внимания на такой факт, как отсутствие комфорта и удовлетворительного уровня жизнеобеспечения. Данное обстоятельство демонстрирует нам два типа людей. Одни с такими мотивационными особенностями готовы жить в любых условиях, где их основные потребности будут реализованы (как в коммуналке, так и в походных условиях в горячих точках и т. д.). Другие ожидают, что все тяготы и невзгоды первых лет сторицей воздадутся при накоплении «нужных» знакомств, юридического опыта, денежных средств, а впоследствии позволят реализовать общежитейские потребности.

Для получения дополнительной информации об особенностях мотивационной сферы сотрудников-коррупционеров был проведен кластерный анализ полученных результатов по опроснику «Диагностика мотивационной структуры личности» (В.Э. Мильман), на основании которого было выделено 2 кластера (рис. 1).

Первая группа (1-й кластер) представлена 77% обследуемых сотрудников-коррупционеров. В основном все мотивы, влияющие на исполнение ими обязанностей по должности, располагаются выше средних показателей, исключая мотивы жизнеобеспечения и комфорта. При сопоставлении с результатами обследования по опроснику ОМО В. Шутца мы установили, что из 77% сотрудников-коррупционеров, отнесенных в 1-й кластер, 32% являются общительными, дружелюбными, а остальные 45% — замкнутыми, проявляющими эмоциональную отчужденность в общении. По сути, мы можем предположить, что, несмотря на свою преступную деятельность кор-

Рис. 1. Кластерный анализ результатов обследования сотрудников-коррупционеров по опроснику «Диагностика мотивационной структуры личности» В.Э. Мильмана

рупционного характера, большинство сотрудников-коррупционеров все-таки были намерены приносить пользу окружающим людям. Следует отметить, что сотрудники этой группы почти не имели дисциплинарных взысканий по службе.

Ко второй группе (2-й кластер) отнесено 33% сотрудников-коррупционеров, доминирующими мотивами при выполнении обязанностей у которых выступают жизнеобеспечение и общение, остальные мотивы занимают показатели ниже среднего. Сотрудники данной группы по своим индивидуальным признакам построения межличностных отношений согласно данным опросника ОМО В. Шутца являются замкнутыми, не терпящими, чтобы их кто-то контролировал и указывал, что им делать, проявляющими повышенную осторожность при построении близких связей и выборе лиц, с которыми

ми предполагается создание более глубоких эмоциональных отношений. Эта группа сотрудников-коррупционеров менее привлекательна (если так можно говорить о коррупционере), так как основными мотивами исполнения обязанностей по должности являются жизнеобеспечение и общение, то есть мотивы, направленные исключительно на удовлетворение ими собственных интересов.

Полученные данные позволяют представить **типологию сотрудников-коррупционеров** в зависимости от межличностных особенностей и мотива социальной полезности*:

1) общительные, дружелюбные, готовые к близким эмоциональным кон-

* В скобках указано процентное соотношение сотрудников-коррупционеров по приведенной типологии из рассматриваемой в данной статье выборки.

тактам и желающие быть социально полезными (32 %);

2) общительные, дружелюбные, готовые к близким эмоциональным контактам и не желающие быть социально полезными (0 %);

3) замкнутые, испытывающие эмоциональную отчужденность и не желающие быть социально полезными (33 %);

4) замкнутые, испытывающие эмоциональную отчужденность и желающие быть социально полезными (45 %).

Кто-то, наверное, скажет, что первый тип является почти идеалом для сотрудников УИС и что по отношению к ним стоит применять менее тяжелые статьи Уголовного кодекса РФ. Однако не стоит забывать: несмотря на свою привлекательность, они совершили преступление — злоупотребили своими должностными обязанностями и тем самым нанесли существенный урон престижу уголовно-исполнительной системы, могли подорвать веру граждан в спра-

ведливость ЗАКОНА. Следовательно, они ничем не отличаются от остальных сотрудников-коррупционеров.

Литература

1. Гаврина Е.Е., Хаванова И.С. Психологические особенности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления // В мире научных открытий. 2015. № 3.7 (63). С. 3212–3224.

2. Гаврина Е.Е. Специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 64–69.

3. Гаврина Е.Е. Психодинамика формирования криминальной деструктивности сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 115–123.

4. Отчет НИИИТ ФСИН России о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников УИС за 4 квартал 2012, 2013 гг. (форма № 3-ПР).

5. Российская газета [Официальный сайт]. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/23/vzatka.html> (дата обращения: 29.10.2014).

6. Российское агентство правовой и судебной информации [Официальный сайт]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20140211/270688623.html (дата обращения: 29.10.2014).

СТЕПЕНЬ ЗАКРЫТОСТИ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Г. М. Головина, Т. Н. Савченко, Д. В. Сочивко

Аннотация: в данной работе авторы поставили своей целью сравнить структуры субъективного качества жизни людей, основная жизнедеятельность которых на больших отрезках времени определяется степенью закрытости социума.

На основании результатов предыдущих исследований была выдвинута гипотеза о том, что степень закрытости влияет на вид и силу взаимосвязи удовлетворенности жизнью и субъективного качества жизни. Под субъективным качеством жизни подразумевалась субъективная степень достижения человеком жизненных ценностей разного уровня, которая отражает степень реализации жизненного потенциала, то есть способности к продуктивной жизнедеятельности.

Авторы ввели операционное понятие субъективного качества жизни, определяя его как степень соответствия оценок реального и желаемого (идеально-го) качества жизни респондента. К системам с различной степенью закрытости были отнесены исправительные учреждения, система обучения курсантов в Академии ФСИН России, управление судами дальнего плавания, работа вахтовым методом на Крайнем Севере; к замкнутым системам — структуры особого строгого режима.

Получено подтверждение гипотезы о влиянии степени закрытости системы на структуру личностных ценностей, субъективное качество жизни и удовлетворенность жизнью. В открытых систе-

мах выявлены положительные взаимосвязи субъективного качества людей с удовлетворенностью их своей жизнью, то есть значимые для респондентов ценности реализуются в жизни. Разрыв корреляционных связей между субъективным качеством жизни и удовлетворенностью жизнью свидетельствует о нарушении ценностной структуры респондентов; отрицательные взаимосвязи о невозможности реализации значимых для респондентов ценностей. Статистический анализ данных показал, что у осужденных самый низкий показатель субъективного качества жизни и при этом самая высокая удовлетворенность жизнью, то есть взаимосвязь не только обрывается, но и становится обратной. Удовлетворенность жизнью положительно связана с идеальными ценностями, осужденные живут ими, а не реальной жизнью.

Оказалось, что в разных системах для людей значимыми являются разные ценности, разное субъективное качество жизни, а следовательно, и жизненный потенциал человека. Удовлетворенность является показателем закрытости системы лишь в сочетании с субъективным качеством жизни.

Ключевые слова: субъективное качество жизни, удовлетворенность жизнью, жизненные ценности, реальное качество жизни, идеальное качество жизни, жизненный потенциал, системы разной степени закрытости.

Существуют различные трактовки качества жизни, включающие в себя психологическую составляющую, и в соответствии с этим разрабатываются различные критерии и методы его оценки. (Г.М. Зараковский, Е.В. и А.А. Давыдовы, В.А. Хашченко, И.А. Джидарьян, А.Л. Журавлев, К.А. Абульханова-Славская и др.). В работах авторов описаны исследования в области субъективного качества жизни людей в разных социосистемах (Т.Н. Савченко, Г.М. Головина, Д.В. Сочивко). Данная статья является продолжением цикла статей, в которых излагаются результаты исследований субъективного качества жизни респондентов систем, разной степени закрытости и разной деятельности. Под субъективным качеством жизни (СКЖ) мы понимаем субъективную степень достижения человеком жизненных ценностей разного уровня.

СКЖ отражает степень реализации жизненного потенциала. По мнению Г.М. Зараковского (2009), жизненный потенциал — интегральное свойство индивида или социума, лежащее в основе его способности к продуктивной жизнедеятельности, то есть такой жизнедеятельности, которая обеспечивает сохранение жизни и повышение ее качества в расширяющихся границах внутренних и внешних условий. Жизненным потенциалом обладает каждый отдельный человек и любой социум — от производственного коллектива или слоя общества до населения Земли в целом. Жизненный потенциал складывается из базового и духовно-деятельностного потенциалов. Первый включает в себя анатомо-физиологический статус и здоровье, второй — психофизиологический и

культурный потенциалы. Жизненный потенциал — устойчивое, весьма инертное свойство, типологическое свойство населения. Возможность реализации потенциала в актуальной жизнедеятельности существенно зависит от более динамичного свойства — психического состояния населения, как отмечал Г.М. Зараковский (2009).

Анализируя подходы к качеству человека и его жизненного потенциала, мы видим, что одним из главных потенциалов является деятельностный. Теория качества человека исходит из представления о многомерном человеке в отличие от одномерного человека Г. Маркузе. А.И. Субетто вводит понятие «отношение адекватности человека» как многомерное отношение, декомпозируемое по многим основаниям. Важными являются следующие адекватности: космопланетарная, биосферно-ноосферная, требующая соответствующего космопланетарного пространства сознания и прогностических способностей; цивилизационная, отражающая уровень осознания человеком реалий цивилизационного бытия, императива выживаемости человечества в XXI веке, уровень цивилизационно-глобальной, геополитической, геоэкологической компетентности; социально-экономическая, отражающая уровень осознания императивов социального и экономического развития, реалий социального и экономического бытия, общественных идеалов; национально-этническая, отражающая уровень осознания национально-этнических архетипов, и, наконец, профессиональная адекватность, отражающая соответствие личности по своим профессиональным свойствам требо-

ваниям сферы профессиональной деятельности, в которой она реализует-ся как специалист, и т. д.

Единство трех родов качества — предметно-вещественного, функционального и системно-социального в качестве человека проявляется как единство его психологического и физического (психосоматического) качества (представленного в норме психическим и физическим здоровьем), профессионального (качества специалиста) и системно-социального качества (личности, ее духовно-нравственного, мировоззренческого качества, сформированной картины Мира). Внутреннее качество человека формируется под воздействием внешних стимулов и стимулов саморазвития, диктуемых внутренней логикой развития человека, структурой его способностей и потребностей. Потенциальное качество человека есть ее потенциал. Многомерность качества человека переходит в многомерность его потенциалов. Закон опережающего развития качества человека и принцип опережения на его основе определяют необходимость опережения внутреннего качества человека (его потенциала) по отношению к темпам изменения окружающей среды — природной, социальной, экономической, профессиональной и т. д. Внутреннее качество человека трансформируется во внешнее качество в процессе его деятельности при востребованности его способностей, знаний, квалификационных, профессиональных, интеллектуальных умений (Субетто, 1994). Важнейшим компонентом в структуре качества человека является качество его интеллекта, отражающее уровень управления

будущим со стороны личности, в первую очередь качество прогнозирования и проектирования по всем направлениям «отношения адекватности», в которых он проявляет свою активность. Качество интеллекта — ядро качества человека, включающее в себя духовно-нравственную, знаниевую и профессионально-деятельностную составляющие.

Качество жизни, с одной стороны, определяется качеством человека, качеством его труда, на что указывал Я.А. Ильин, с другой стороны, само определяет качество человека. Один из возможных инвариантов структуры модели качества человека создан А.И. Субетто. Внутреннее качество человека представлено в виде шести взаимодействующих блоков: системно-социальное качество человека (I); ценностно-мировоззренческое качество человека (II); духовно-нравственное качество человека (III); психолого-мотивационное качество человека (IV); качество интеллектуального развития человека (V); качество физического развития человека (VI). Данные шести блоков внутреннего качества человека проходят свое становление и развитие под воздействием вложенных друг в друга «сферы» качества знаний личности и «сферы» качества деятельности. Через эти «сферы» и происходит действие двух основных направлений в образовательной подготовке: качества общеобразовательной подготовки и качества профессиональной подготовки, а также воздействие качества воспитания (Субетто, 1994). Диалектика указанного взаимодействия состоит в том, что знания воздействуют не только на системно-социальное качество) и как их часть

качество профессиональной подготовки, но и на все остальные, включая психолого-мотивационный блок, блоки интеллектуального и физического развития. Знания инструментализируются, переходя в навыки, умения, профессиональные компетентности, в профессионально-квалификационную готовность к соответствующей профессионально-квалификационной деятельности.

Исследование взаимосвязей между удовлетворенностью жизни и интегральным показателем субъективного качества жизни в системах с разной степенью закрытости

Из изложенного вытекает актуальность реализации жизненного потенциала и повышения субъективного качества жизни людей, удовлетворенности их своей жизнью, в частности профессионалов, находящихся в средах различной степени закрытости. Социальная и профессиональная среды являются системами с определенной степенью закрытости. Напомним, что система является замкнутой, если у нее нет окружающей среды, то есть внешних контактирующих с ней систем. К замкнутым относятся те системы, на которые внешние системы не оказывают существенного влияния, у них отсутствует обмен материей, энергией и информацией с окружающей средой (Уемов, 1978; Савченко, 2005; Сочивко, Савченко, Головина, 2010). В закрытой системе (частично изолированной) отсутствует обмен материей с окружающей средой, однако возможен обмен энергией и информацией. В полностью изолированной системе отсутствует обмен

энергией, а в замкнутой — и обмен информацией.

Целью данной работы является исследование взаимосвязей между удовлетворенностью жизнью и интегральным показателем субъективного качества жизни внутри системы, а также сравнение этих взаимосвязей в разных системах. На основании результатов предыдущих исследований мы выдвинули гипотезу о том, что степень закрытости влияет на вид и силу взаимосвязи удовлетворенности жизнью и субъективного качества жизни.

Для эмпирического анализа авторы ввели операционное понятие субъективного качества жизни, определяя его как степень соответствия оценок реального и желаемого (идеального) качества жизни респондента. Оно отражает внутреннее качество человека и является его субъективной оценкой.

СКЖ вычисляется как среднее взвешенное отклонение субъективных оценок реального качества жизни (РКЖ) от оценок идеального (ИКЖ) по каждому понятию, входящему в структуру СКЖ (Савченко, Головина, 2006). Удовлетворенность жизнью (УЖ) оценивалась респондентами как общая удовлетворенность своей жизнью (Головина, 2002, 2003).

Ранние исследования проводились нами в открытых системах (Савченко, Головина, 1996, 2006; Головина, Савченко, 1997; Головина, 2003). Были получены положительные взаимосвязи СКЖ людей с удовлетворенностью их своей жизнью.

В сравнительных исследованиях качества жизни (Сочивко, Савченко, Головина, 2010) к закрытым (частично изолированным) системам с различ-

ной степенью закрытости в смысле социально-психологического взаимодействия были отнесены исправительные учреждения и система обучения курсантов в Академии ФСИН России, а к замкнутым — некоторые структуры особо строгого режима.

Курсанты в зависимости от курса обучения различаются по степени социальной закрытости условий жизнедеятельности: первокурсники находятся на казарменном положении, имеют ограниченные возможности для контактов с родственниками и внешним миром, курсанты четвертого курса живут в городе: дома или снимают квартиры, посещая учебное заведение в положенные часы учебного времени.

По степени закрытости различаются также группы осужденных и сотрудников исправительных учреждений. Осужденные находятся в колонии постоянно, для работающих осужденных предусмотрен отпуск раз в год на 10 дней, если они осуждены не по тяжелой статье (на практике применяется не очень часто). Сотрудники живут в поселке, обычно рядом с исправительным учреждением, имеют довольно напряженный график работы, за что получают специальную доплату. Таким образом, их контакты за пределами работы и поселка весьма ограничены. В целом можно сказать, что «зона» и для сотрудников, и тем более для осужденных представляет, хотя и в разной степени, более закрытую систему, чем военизированное учебное заведение.

Больше всех закрыты осужденные, далее сотрудники исправительного учреждения, затем курсанты первого курса, находящиеся на казарменном

положении, с ограниченным выходом за пределы учебного заведения и, наконец, курсанты четвертого курса, свободно проживающие в городе.

Анализ взаимосвязей на выборке курсантов показал, что оценки реального КЖ идеального КЖ и СКЖ положительно взаимосвязаны между собой, но связь этих параметров с УЖ отсутствует. На рисунке 2 в виде корреляционных плеяд представлены статистически значимые взаимосвязи между СКЖ, РКЖ, ИКЖ, УЖ.

Оценки РКЖ сотрудников колоний положительно взаимосвязаны с оценками ИКЖ и с СКЖ; оценки ИКЖ отрицательно взаимосвязаны с СКЖ. Связь с УЖ отсутствует (рис. 3). Появляется одна отрицательная корреляция, которая может свидетельствовать об увеличении степени закрытости системы. Разрыв связей свидетельствует о нарушении или разрушении ценностной структуры респондентов. Отрицательные взаимосвязи говорят о том, что при высоких запросах респондентов они не удовлетворены тем, что имеют.

Оценки РКЖ осужденных положительно взаимосвязаны с оценками с СКЖ. Это единственная прямая связь. Оценки РКЖ отрицательно взаимосвязаны с ИКЖ. УЖ отрицательно взаимосвязана с СКЖ, РКЖ и положительно с ИКЖ (рис. 4).

В исследовании субъективного качества жизни людей, работающих вахтовым методом (Головина, Савченко, 2014), ставилась цель изучить субъективное качество жизни и психологические характеристики работников вахтового метода на Крайнем Севере. Вахтовый метод — это выполнение работ силами мобильных подразде-

лений (вахтовиков), с регулярным выездом трудовых коллективов на объекты, удаленные от места постоянного жительства работников, когда ежедневные поездки экономически нецелесообразны. Работники приезжают из базовых городов, обеспечивая непрерывность процесса добычи газа. Во время длительного пребывания в экстремальных условиях, при многократных монотонных стрессогенных воздействиях, эмоциональном перенапряжении у них начинает снижаться значимость ценностных ориентаций. Ранее значимые для них моральные и материальные ценности кажутся ненужными. В результате ослабляется внимание, снижается бдительность, становится инертным процесс принятия решения.

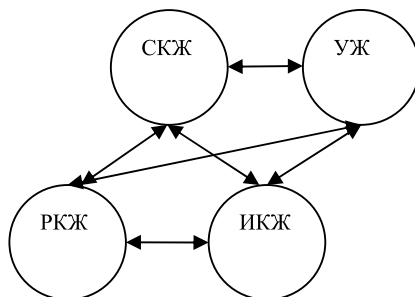
Изменение ценностных ориентаций вахтового персонала, на наш взгляд, детерминируется не только стрессогенными факторами. В процессе труда и проживания в вахтовых поселках происходит тесное общение между собой сотрудников, работающих по методу внутрирегиональной и межрегиональной вахты. Например, вахтовый персонал ООО «Газпром добыча Ямбург» прилетает на работу из Москвы, Московской и Тюменской областей, Республики Башкортостан, Краснодарского края. Естественно, межрегиональные вахтовики везут на север ценности своих субкультур. Первостепенными для успешного теоретического изучения, а затем и практического разрешения психологических проблем являются: степень стрессоустойчивости личности, социальная адаптация, удовлетворенность жизнью и жизненными ценностями.

Выборку составили мужчины в возрасте от 23 до 62 лет со стажем работы вахтовым методом от полугода до 15 лет из Москвы и Московской области, Тюмени, Краснодарара, Уфы, Белгорода, Санкт-Петербурга, Казани, Надыма и Нового Уренгоя.

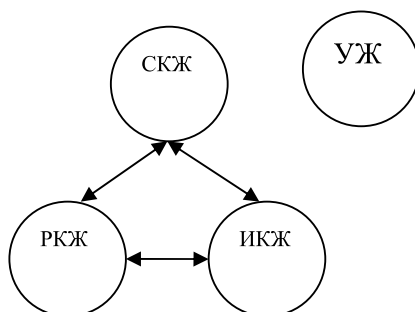
Корреляционный анализ данных показал, что оценки реального КЖ, идеального КЖ и СКЖ положительно взаимосвязаны между собой, но связь с УЖ отсутствует. На рисунке 2 представлены взаимосвязи между СКЖ, РКЖ, ИКЖ, УЖ.

В работе по исследованию *профессионально важных качеств и субъективного качества жизни моряков дальнего плавания* (Савченко, Головина, Веселков, 2014) изучались взаимосвязи между профессионально важными качествами, показателями СКЖ, РКЖ и ИКЖ.

Имеющиеся научные исследования и публикации показывают, что, несмотря на успехи судостроения, автоматизации управления, насыщенности судов средствами навигации, количество аварий и катастроф, травматизма в международном и национальном судоходстве, в том числе сопровождающихся гибелью людей, огромными финансово-экономическими потерями для судоходных компаний, продолжает оставаться высоким. В основе причин их возникновения лежит негативная роль человеческого фактора. Исследование проведено на комсоставе (капитанах и их помощниках) судов дальнего плавания и курсантах училища. Обнаружены взаимосвязи между реальным, идеальным и субъективным качеством жизни как мерой отклонения оценок реального каче-

Рис. 1. Взаимосвязи в открытой системе (студенты, москвичи и т. д.).

Рис. 2. Взаимосвязи в частично закрытой системе (курсанты Академии ФСИН России, вахтовики)

ства жизни от оценок идеального качества жизни. Оценки реального КЖ положительно взаимосвязаны с оценками идеального КЖ и СКЖ; оценки ИКЖ отрицательно взаимосвязаны с СКЖ. Этот результат объясняется тем, что при высоких запросах респондентов они не удовлетворены тем, что имеют (рис. 3).

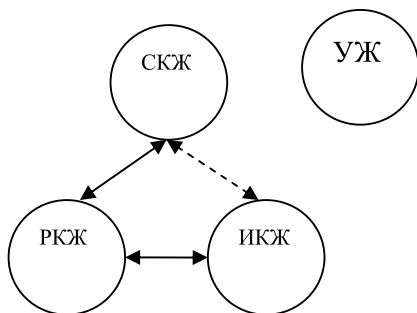
Сравнительный анализ взаимосвязей. Анализ многочисленных исследований показал, что отрицательная взаимосвязь СКЖ с РКЖ, ИКЖ и другими характеристиками присуща только системам с признаками закрытости, то есть является отличительной чертой закрытых систем. На рисунках

1–4 представлены взаимосвязи между СКЖ, РКЖ, ИКЖ и УЖ описанных выборок респондентов в системах с разной степенью закрытости (на всех рисунках пунктирной линией обозначены обратные корреляционные взаимосвязи, а непрерывной — прямые).

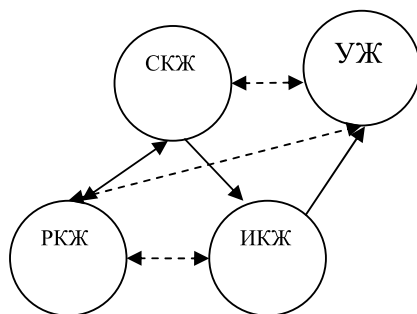
В открытых системах значимые для респондентов ценности реализуются в жизни, что соответствует прямым связям ИКЖ с РКЖ, а также ИКЖ и РКЖ с СКЖ, то есть со степенью реализации ценностей. При этом высокое СКЖ соответствует высокой УЖ, и наоборот (рис. 1).

Первое изменение в приведенной выше структуре взаимосвязей — это

Рис. 3. Взаимосвязи в частично закрытой системе (капитаны и работники исправительных учреждений)

Рис. 4. Взаимосвязи в изолированной системе (осужденные)

разрыв связей ИКЖ, РКЖ и СКЖ с УЖ. Наряду с людьми, оценивающими высоко СКЖ и удовлетворенными своей жизнью в частично закрытых системах, есть респонденты, которые не удовлетворены жизнью, несмотря на ее высокое качество, и наоборот (рис. 2).

Курсанты Академии ФСИН России ощущают себя в более закрытой системе, возможно, в сравнении с открытой, в которой они жили.

В более закрытых системах, а именно в условиях длительного плавания или постоянного нахождения в исправительном учреждении в качестве сотрудника, наряду с разрывом связей с удовлетворенностью жизнью образует-

ся отрицательная связь СКЖ с ИКЖ, то есть при высоком уровне мотивации к достижению ценностей СКЖ низкое, и наоборот (рис. 3). Возникают трудности с достижением жизненных ценностей (чем выше запросы, тем труднее они реализуются).

На рисунке 4 представлено полное несовпадение КЖ, УЖ, ИКЖ и РКЖ. Анализ показал, что у осужденных самый низкий показатель СКЖ и при этом самая высокая удовлетворенность жизнью. Связь СКЖ с УЖ не только обрывается, но и становится обратной (рис. 4). Удовлетворенность жизнью положительно связана с идеальными ценностями, то есть осужденные жи-

вут идеальными ценностями, а не реальной жизнью. Связь СКЖ с ИКЖ незначима (коэффициент корреляции отрицательный).

Таким образом, получено подтверждение гипотезы о влиянии степени закрытости системы на структуру личностных ценностей, субъективное качество жизни и удовлетворенность жизнью.

Разрыв связей между субъективным качеством жизни и удовлетворенностью жизнью свидетельствует о нарушении или разрушении ценностной структуры респондентов. Отрицательные взаимосвязи говорят не только о разрушении структуры ценностей, но и о невозможности реализации значимых для респондентов ценностей.

В системах, различающихся степенью закрытости, разные составляющие качества человека: системно-социальное, ценностно-мировоззренческое, духовно-нравственное, психолого-мотивационное, интеллектуального развития, физического развития. При изменении одной из составляющих меняются и другие, что отражается на субъективном качестве жизни.

В данной работе мы поставили своей целью сравнить структуры субъективного качества жизни людей, основная жизнедеятельность которых на больших отрезках времени определяется степенью закрытости социума.

Оказалось, что в системах с разной степенью закрытости для людей значимыми являются разные ценности. Субъективное качество жизни человека, а

следовательно, жизненный потенциал также различаются. Удовлетворенность становится показателем закрытости системы лишь в сочетании с субъективным качеством жизни.

Литература

1. Головина Г.М. Удовлетворенность жизнью и стили поведения // Материалы Всерос. съезда Рос. психол. о-ва. СПб.: Рос. психол. о-во, 2003. Т. 2. С. 364–367.
2. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Динамический подход к определению типов удовлетворенности жизнью личности // Методы исследования психологических структур и их динамики / под ред. Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной. Вып. 5. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2010.
3. Головина Г.М., Савченко Т.Н. Адаптация методик в исследовании субъективного качества жизни людей, работающих вахтовым методом // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 32–51.
4. Заракровский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смисл, 2009.
5. Савченко Т.Н. Моделирование динамики системных образований психики // Идея системности в современной психологии / под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2005. С. 99–119.
6. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во Института психологии РАН, 2006.
7. Савченко Т.Н., Головина Г.М., Веселков А.Ф. Исследование профессионально важных качеств и субъективного качества жизни моряков дальнего плавания // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 141–152.
8. Сочивко Д.В., Савченко Т.Н., Головина Г.М. Сравнительные исследования качества жизни // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 8–22.
9. Субетто А.И. Управление качеством жизни и выживаемость человека // Стандарты и качество. 1994. № 1. С. 32–37.
10. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОПОСРЕДСТВОВАННОГО ЗАПОМИНАНИЯ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДИКИ ПИКТОГРАММ

О. Н. Арестова

Аннотация: в статье приводятся результаты проведенного эмпирического исследования, посвященного вопросам культурного своеобразия высших форм памяти — опосредствованного произвольного запоминания вербального материала. Работа посвящена изучению особенностей организации опосредствованной памяти, характерных для азербайджанской и русской культур. Показано, что эффективность произвольного опосредствованного запоминания является одинаковой у представителей различных культур. В то же время способы организации памяти, в частности привлечение визуальных средств, обнаруживают довольно значительную культурную специфику и важные культурно обусловленные различия, связанные с конкретным культурным и бытовым опытом.

Ключевые слова: память, мнемическое опосредствование, визуальные средства, пиктограммы, мнемическая эффективность, культурные различия.

Проблема исследования. В эмпирическом исследовании рассматривается проблема культурной детерминации познавательных процессов, которая не только не утратила актуальности, но и явно обострилась в науке. В современном мультикультурном обществе эти исследования приобретают не только теоретическое, но и явно звучачее практическое значение [6]. Данная работа посвящена

проблеме культурной специфики организации опосредствованного запоминания. Такое направление исследования является традиционным для культурно-исторической психологии, берущей начало в работах Л.С. Выготского [4, 5].

Целью исследования было выявление наличия или отсутствия культурной специфики в визуально-знаковом опосредствовании запоминания словесного материала. Сопоставлялись две группы испытуемых — представители азербайджанской культуры и русской культуры, живущие в Азербайджане в г. Баку.

В многочисленных психологических исследованиях как в нашей стране, так и за рубежом [3, 7, 8, 10, 11, 14], посвященных изучению культурной специфики познавательных процессов, в том числе памяти и мышления, эта специфика связывается с применяемыми для опосредствования орудиями, средствами, являющимися продуктом конкретной культуры. Эти орудия, символы различного рода — в том числе визуальные — впитывают в себя конкретный культурный опыт человеческого сообщества, являясь таким образом источником культурного своеобразия познавательной деятельности. Культурно-специфическая презентация социального опыта формирует неповторимое своеобразие мнемической организации, в которой визуальные стимулы играют значимую роль.

Современная городская культура Азербайджана, и прежде всего его столицы Баку, представляет собой сложную этническую, языковую и культурную реальность, предоставляющую огромные возможности для культурно-сравнительных исследований в области познавательных процессов. Это обусловлено в том числе возможностью получения школьного и высшего образования на различных языках — азербайджанском и русском, что и формирует базу для возможных культурных различий именно в области опосредствования познавательной деятельности, поскольку память со времен работ П. Жане считается одним из первых объектов культурного преобразования познавательной деятельности, наиболее наглядно презентующим процесс опосредствования [2, 4].

Методы и организация исследования. Методика исследования базируется на разработанном Л.С. Выготским приеме «двойной стимуляции», наиболее адекватно для исследования памяти реализованном в виде методики пиктограмм [1, 4, 9, 12, 13]. Суть методики заключается в том, что испытуемый запоминает ряд слов, а в качестве вспомогательного средства изображает какой-либо рисунок, который может ему помочь вспомнить слово. Эта методика активно применяется в клинической практике, где различные расстройства процесса запоминания используются в качестве средства дифференциальной диагностики психических расстройств. Методика активно применялась А.Р. Лурия [11], показавшим, что с помощью метода пиктограмм можно не только исследовать собственно память, но и получить

данные об общей организации интеллектуальных процессов, прежде всего символического мышления. В качестве исследуемых параметров обычно применяются два: эффективность воспроизведения и содержательные характеристики применяемых для запоминания средств (образов). Образы-средства запоминания анализируются по следующим характеристикам: степень абстрактности-конкретности, содержательные особенности, оригинальность и степень соответствия запоминаемому материалу.

В исследовании, проведенном нами совместно с Т. Байрамовой, приняли участие 83 человека — 41 представитель русской культуры и 42 представителя азербайджанской культуры. Выборки были сбалансированы по образовательному, половому и возрастному признакам — наибольший разброс наблюдался по возрасту, который варьировался от 18 до 45 лет. Выборки составлялись по принципу одноязычия — то есть российская часть выборки не владела азербайджанским языком, и наоборот. Учитывалась также приверженность культурным традициям, характерным для азербайджанского и русского народов.

Испытуемые выполняли методику пиктограмм, для чего им последовательно предъявляли список из 12 слов на русском и азербайджанском языке соответственно языковой принадлежности. Применялись следующие стимулы: строгий контроль, богатство, заботливая мать, опасный соперник, счастливая семья, верный друг, надежный мужчина (для женщин) и красивая женщина (для испытуемых-мужчин), развитие, справедливость, веселая компа-

ния, острый конфликт, вкусный ужин. Адекватность перевода стимулов в русском и азербайджанском варианте оценивалась группой профессиональных экспертов-лингвистов. После предъявления каждого стимула испытуемых изображали на отдельном листке бумаги рисунок, способный им помочь вспомнить предъявляемое слово.

Затем, по прошествии одного часа, испытуемые вспоминали слова с помощью нарисованных ими карточек-стимулов.

Результаты исследования. Полученные данные двух групп сопоставлялись по параметрам эффективности мнемической деятельности — количество полностью воспроизведенных стимулов, количество искажений и количество забытых стимулов. Применение Т-критерия для несвязанных выборок для выявления наличия межкультурных различий в эффективности запоминания показало, что между представителями двух культур не наблюдается значимых различий ни по одному из показателей. Так, средние значения по показателям полного воспроизведения оказались следующими: представители азербайджанской культуры — 7,244, русской — 7,122, ($T = 0,839$), а по показателю полного забывания соответственно азербайджанцы 0,926 и русские 0,878 ($T = 0,810$), что говорит об отсутствии значимых различий на уровне значимости 0,05.

Таким образом, оказалось, что между представителями азербайджанской и русской культуры отсутствуют значимые различия в эффективности высших форм запоминания — произвольной опосредствованной памяти. Вне зависимости от культурной принадлежно-

сти произвольные формы запоминания одинаково эффективны.

Вторая линия сопоставления осуществлялась по параметру содержательных характеристик мнемических средств, применяемых испытуемыми для запоминания предъявленных слов. С этой целью производился качественный анализ выполненных испытуемыми рисунков. Были выделены следующие параметры изображений: изображения людей, рисунки агрессивного содержания, эмоционально позитивные рисунки, целостные (гештальтные) изображения, составные рисунки, включающие ряд в себя элементов, рисунки с применением культурно-определенных компонентов, имеющих символическое значение.

Полученные результаты показали, что между представителями двух культур существуют довольно значительные различия в характере применяемых мнемических средств. Так, среднее количество рисунков с изображением людей хотя и не достигает статистической значимости, но все же приближается к значимым величинам (ϕ -коэффициент 0,10 при критическом значении 0,12), а количество агрессивных рисунков у азербайджанцев значимо большее, чем у представителей русской культуры (ϕ -коэффициент 0,14 при критическом значении 0,12).

Применение культурно значимых символов для мнемического опосредствования одинаково часто встречается у представителей разных культур, но конкретное содержание таких символов неодинаково и связано с конкретной культурой (например, символ «бута» у представителей азербайджанской культуры довольно часто встречается,

но, несмотря на безусловное знакомство с его символическим содержанием, никогда не встречается у представителей русской культуры, живущих в Азербайджане).

По показателю эмоциональной позитивности изображений между представителями различных культур различий не обнаружено, а вот по показателю целостности рисунков значимые различия есть: так, у азербайджанцев составные рисунки, включающие в себя ряд элементов, встречаются в 2,5 раза реже, чем у русских (значение ϕ -коэффициента 0,21 при критическом 0,12). Оказалось, что детализация, изобразительная точность вообще крайне характерна для представителей азербайджанской культуры. Они изображали рисунки со множеством деталей, вообще тщательность и длительность изображения существенно превосходили таковые у русской выборки. Последний результат является крайне важным, поскольку подтверждает имеющиеся в культурной психологии данные [4, 7, 8, 14] о различиях познавательных процессов традиционных и западных культур, проявляющихся в том числе в соотношении синтетических и аналитических процессов.

Так, можно предположить некоторое преобладание интегративных связывающих процессов, характерных для более традиционных форм мышления, и, напротив, большую аналитическую, дифференцирующую направленность, характерную для западного мышления. Возможно, эти данные имеют значение, выходящее за пределы собственно процессов мышления и запоминания, и проявляют себя на более глубоком личностном уровне как культурно своеоб-

разные формы идентификации личности и социального сообщества различной степени широты.

Полученные данные косвенно подтверждают гипотезу о своеобразном строении познавательных процессов у представителей различных культур, проживающих в идентичных социальных условиях в рамках одного современного мегаполиса. Особенно значимым является то обстоятельство, что одинаковая эффективность психической функции (памяти) у представителей различных культур достигается с помощью культурно специфических средств ее организации.

Выводы

1. В результате исследования выяснилось, что эффективность опосредствованного запоминания не зависит от принадлежности к конкретной культуре — азербайджанской или русской. Качество запоминания и интенсивность забывания у представителей двух культур идентичны.

2. Наблюдается культурная специфика в характере применяемых для опосредствования визуальных стимулов (рисунков). Характер и детали изображения мнемических образов различаются у представителей разных культур.

3. Конкретное содержание применяемых средств отражает особенности, характерные для быта, уклада и типичных межличностных отношений каждой культуры. Так, культурную специфику обнаруживает применение конкретных символических изображений, в то время как склонность применять культурно характерные символические изображения для мнемического опосредствования применяется у представите-

лей обеих культур.

4. Применяемые для запоминания визуальные стимулы обнаруживают культурное своеобразие, связанное с характерными для представителей различных культур особенностями познавательных процессов. В частности, представители более традиционной азербайджанской культуры гораздо чаще применяют детализированные, составные изображения, в то время как у представителей русской культуры в основном встречаются целостные, гештальтные изображения.

Литература

1. Арестова О.Н. Диагностика мотивационного конфликта личности с помощью метода пиктограмм // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 161–171.
2. Арестова О.Н. Искажения в мыслительной деятельности как результат мотивационного конфликта // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. С. 86–98.
3. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.

4. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. С. 1039–1129.

5. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., Педагогика-Пресс, 1993. 23 с.

6. Гришина Е.А., Блиникова И.В. Эмоциональное переживание кросс-культурной адаптации // Прикладная юридическая психология. 2010. № 1. С. 72–84.

7. Коул М. Культурно-историческая психология. М.: Когито-центр, 1997.

8. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. М.: Прогресс, 1977.

9. Лонгинова С.В. Исследования мышления с помощью метода пиктограммы // Психологические исследования. 1971. Вып. 3. С. 162–167.

10. Лурия А.Р. Лекции по психологии памяти. М.: Изд-во МГУ, 1967.

11. Лурия А.Р. Язык и сознание. 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ, 1998. 336 с.

12. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике: практ. руководство. М.: Медицина, 1970. 216 с.

13. Херсонский Б.Г. Метод пиктограмм в психодиагностике. СПб.: Сенсор, 2000. 120 с.

14. Cole M. Cross cultural research in the socio-historical tradition // Human Development. 1988. № 1.

РАЗВИТИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕДАГОГОВ В СИСТЕМЕ «ВУЗ — ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФОБРАЗОВАНИЕ»*

С. Н. Толстикова, Н. И. Никитина

Аннотация: авторы статьи рассматривают задачу, поставленную в современной России перед системой непрерывного профессионального образования: создания в вузах и учреждениях повышения квалификации комплекса условий для развития толерантности как профессиональ-

но важного качества личности специалистов социально-педагогического профиля. Проявления толерантности как профессионально важного качества социальных педагогов (специалистов, работающих в детских садах, школах, социальных приютах, детских домах, центрах социальной помощи

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки России № 2014/601, код проекта 3106.

семье и детям, центрах психолого-педагогического сопровождения и реабилитации несовершеннолетних и др.) с разным стажем трудовой деятельности (от 1 года до 18 лет) изучались авторами статьи в течение пятнадцати лет с помощью валидных диагностических методик. Были выявлены взаимосвязи развития толерантности социальных педагогов с их индивидуально-типологическими свойствами и половозрастными особенностями личности. В статье приведены характеристики разработанной авторами типологии индивидуального стиля проявления толерантности социального педагога (синергетический, результативно-адаптивный, избирательный). Рассмотрены основные содержательные линии, факторы, условия развития толерантности специалистов социально-педагогического профиля в системе их непрерывного образования; особое внимание уделено трактовке ситуационно-контекстного подхода к профессионально-коммуникативной подготовке социально-педагогических кадров.

Ключевые слова: социальный педагог, профессионально важные качества специалиста, толерантность, повышение квалификации, профессиональное развитие.

Требования к профессионально толерантным качествам социального педагога закреплены в Международном этическом и профессиональном кодексе социального работника, Моральном кодексе Ассоциации социальных педагогов и социальных работников России, Профессиональном кодексе членов Межрегиональной ассоциа-

ции социальных служб России, а также в квалификационных характеристиках профессии «социальный педагог», утвержденных Министерством труда Российской Федерации, в проекте национального профессионального стандарта РФ «Социальный педагог», а также в профессиограммах «социальный педагог», которые разработаны отечественными и зарубежными учеными-исследователями [1, 3, 4, 10].

Исследование проблемы проявления толерантности в профессиональной деятельности практикующих социальных педагогов потребовало обращения к научным трудам российских и зарубежных педагогов и психологов, которые изучали толерантность как профессионально важное качество специалиста, работающего в системе «человек — человек» [1, 5, 6, 10, 11, 12]. В исследованиях ученых доказана объективная необходимость сформированности у социального педагога толерантности. Этот факт связан с тем обстоятельством, что индивидуальные поведенческие и социокультурные особенности клиентов социального педагога могут оказаться непривычными для него. Социальный педагог, находясь в контакте с клиентами, невольно погружается в специфический тяжелый эмоциональный фон, свойственный людям с социальными проблемами. У специалиста могут возникнуть тревожность, пессимизм, агрессивность. В подобных условиях работы увеличивается нагрузка на проявления толерантности социального педагога, которая представляет собой интегративно-личностное образование (как социально-психологический феномен), которое отражает внутрен-

ную установку специалиста на принятие «Я другого», проявляется в способах синтонического взаимодействия социального педагога с субъектами личностно-деловых коммуникаций [9]. Толерантность социального педагога характеризуется пониманием и принятием своеобразия индивидуальности другого человека, демонстрацией возможности нахождения точек соприкосновения (сотрудничества) в любых ситуациях.

Опытно-экспериментальной базой исследования стали Российский государственный социальный университет (РГСУ), Московский гуманитарный педагогический институт (МГПИ). Общий объем выборки (участников эксперимента за период с 2000 по 2014 год) составлял более 2500 человек. Из них на различных этапах экспериментальной работы в исследовании участвовали: 635 студентов очной (дневной) формы обучения (возраст от 17 до 23 лет) и 862 студента заочной формы обучения (возраст от 18 до 55 лет) по специальности «Социальная педагогика» и направлению профессиональной подготовки «Психолого-педагогическое образование» (профиль «Социальная педагогика»); 826 специалистов-практиков (социальных педагогов, возрастной диапазон от 20 до 60 лет), которые обучались на курсах повышения квалификации по программе «Социальная педагогика: современные технологии и методы работы» (368 ч) и курсах профессиональной переподготовки по программам «Менеджмент в социально-педагогической деятельности» (502 ч); 487 социальных педагогов (в возрасте от 20 до 58 лет) со стажем профессиональной деятельности от 1 года до

18 лет, работающих в тех учреждениях (школах, детских домах, социальных приютах для несовершеннолетних, центрах социальной помощи семье и детям Москвы и Московской области), которые являются базами педагогической практики и стажировок РГСУ и МГПИ.

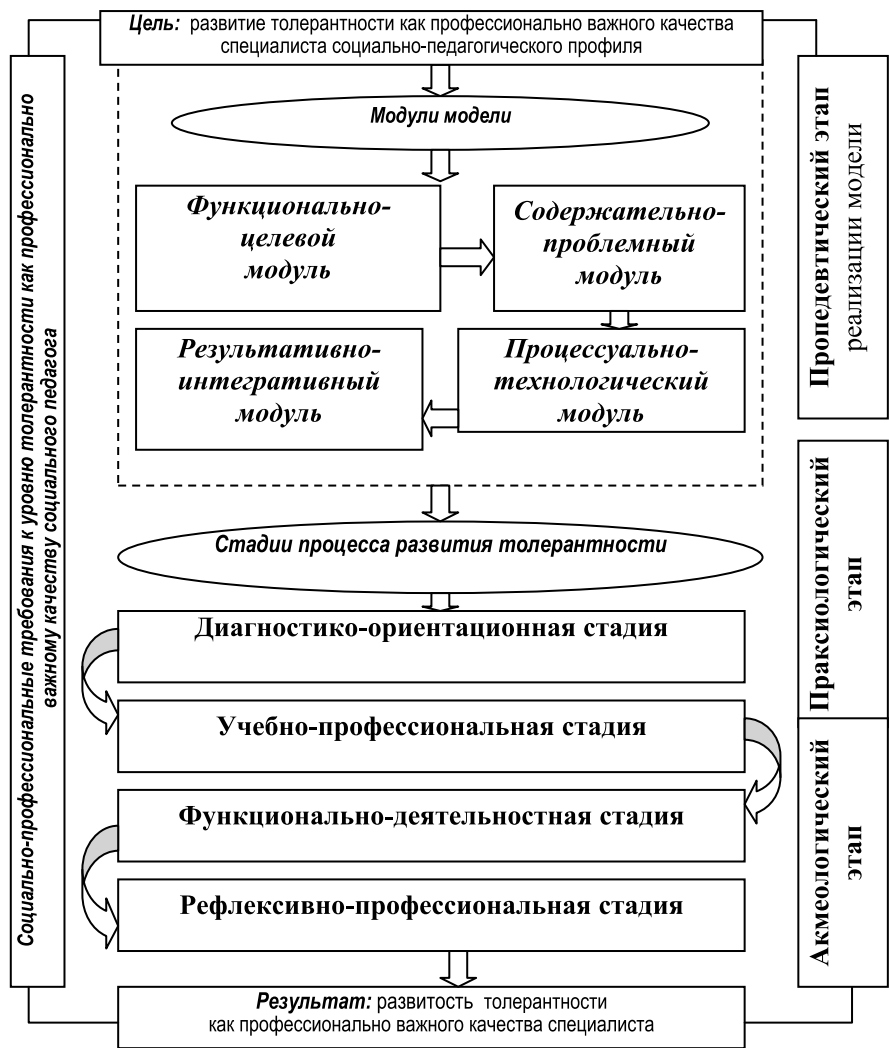
Перед началом обучающего (формирующего) эксперимента по развитию толерантности социальных педагогов в системе «вуз — повышение квалификации — профессиональная переподготовка» было проведено пилотажное исследование, в ходе которого проанкетировано и проинтервьюировано 358 социальных педагогов Москвы и Московской области). Анализ результатов опросов показал: 51,3% специалистов испытывают коммуникативные затруднения в сфере проявления толерантности как профессионально важного качества, что, как правило, снижает эффективность профессиональной деятельности, приводит к неудовлетворенности результатами труда, и в некоторых случаях формирует неадекватную профессионально-личностную самооценку специалиста. В определенной мере этот факт объясняется тем, что в традиционной системе непрерывной подготовки специалистов социально-педагогического профиля отсутствует целостная концепция целенаправленного и систематического развития толерантности данных специалистов как профессионально важного качества личности.

Развитие толерантности — длительный и сложный процесс, состоящий из нескольких стадий, в ходе которых необходимо преодолеть своеобразное противоречие: сначала ограничить нежелательные формы ком-

муникативного поведения обучающихся, научить их приемам коммуникативного самоконтроля, формируя нравственно-волевую сферу личности в процессе профессионального развития, с тем чтобы подготовить специалиста социально-педагогического профиля к овладению более высоким уровнем толерантности. Процесс развития толерантности у специалистов социально-педагогического профиля в системе «вуз — дополнительное профобразование», включает в себя **стадии**: а) *диагностико-ориентационную* (комплексная диагностика профессионально-личностных особенностей студентов вузов, слушателей курсов повышения квалификации, анализ полученных результатов, осознание обучающимися в системе непрерывного образования установок, ценностных ориентаций личности, которые обеспечивают мотивацию на развитие их толерантности как специалистов социально-педагогического профиля); б) *учебно-профессиональную* (формирование индивидуальной системы знаний о толерантности и особенностях ее проявления, которые обеспечивают внутренние условия развития данного феномена); в) *функционально-деятельностную* (становление и развитие индивидуальной техники проявления толерантности в реальных условиях социально-педагогической деятельности в периоды практики, стажировки, волонтерской работы при выполнении разнообразных функций специалиста социально-педагогического профиля); г) *рефлексивно-профессиональную* (сформированность системы индивидуальных способов самона-

блюдения и самоанализа, которая выступает условием самосовершенствования и саморазвития толерантности специалиста социально-педагогического профиля) [7].

На схеме представлена практико-ориентированная модель развития толерантности социальных педагогов в системе непрерывного образования включает в себя взаимосвязь модулей, среди которых: *функционально-целевой* модуль (персонифицированные ориентиры обеспечения профессионально-личностного роста обучающихся в сфере толерантности, реализация индивидуальных профессионально-образовательных маршрутов, траекторий развития профессионально-коммуникативной компетентности специалистов); *содержательно-проблемный* модуль (профессионально-прикладное и практико-ориентированное содержание учебных дисциплин, обеспечивающее развитие профессионально-коммуникативной толерантности специалистов); *процессуально-технологический* модуль (научно-методическое, материально-техническое обеспечение процесса развития толерантности специалистов, совокупность вариативных образовательных технологий; накопление опыта проявления толерантности и освоенных профессионально-коммуникативных компетенций в различных видах практики, стажировки); *результативно-интегративный* модуль (мониторинг уровня сформированности профессионально-коммуникативной толерантности специалистов социально-педагогического профиля с привлечением внешних экспертных систем).

Практико-ориентированная модель развития толерантности специалистов социально-педагогического профиля в системе непрерывного образования

В психолого-педагогическом обеспечении процесса развития толерантности социальных педагогов в системе «вуз — дополнительное профобразование» в органическом единстве представлены: диагностика индивидуаль-

ных особенностей студентов, слушателей курсов повышения квалификации; развитие рефлексивной культуры специалистов социально-педагогического профиля; профессиональная интеграция участников процесса развития то-

лерантности (в том числе в ходе организации и проведения индивидуально-ориентированной практики).

Главное место в психолого-педагогическом сопровождении и технологическом обеспечении исследуемого процесса принадлежит системе спецкурсов, семинаров-практикумов, тренингов, направленных на развитие подструктур толерантности социального педагога.

В ходе экспериментальной работы был апробирован тренинг «Толерантность специалиста социально-педагогического профиля: единство личностного и профессионального» (проводился и в вузе, и на курсах профессиональной переподготовки). Серьезное внимание в ходе тренинга уделялось этнопсихологической подготовке, психологическим аспектам геронтологии, психологии религиозных убеждений. Определенные сложности возникли в процессе работы по изменению социально-перцептивных стереотипов обучающихся (антропологических, этнонациональных, социально-статусных, социально-ролевых, экспрессивно-эстетических, вербально-поведенческих). Цикл занятий был посвящен рассмотрению ситуаций в профессиональной деятельности социального педагога, требующих высокого уровня коммуникативной толерантности. К ним были отнесены ситуации, возникающие в ходе консультирования, при взаимодействии с администрацией, коллегами, сотрудниками административных и правоохранительных органов, представителями общественных и религиозных организаций. При проведении спецкурсов, тренингов использовались интерактивные методы обуче-

ния, индивидуально-ориентированная суггестотерапия, психофизиологическая гимнастика, логотерапия, скриботерапия, библиотерапия.

В процессе лонгитюдного исследования у выпускников вуза, которые затем в течение семи лет периодически являлись слушателями курсов повышения квалификации, профессиональной переподготовки, были отмечены изменения в таких важных показателях, которые прямо (или опосредованно) отражают уровень развитости и степень проявления толерантности социального педагога в реальной профессиональной практике. В частности, были диагностированы изменения в направленности личности специалиста на диалогическое общение по методике незаконченных предложений С.Л. Братченко (табл. 1). С помощью этой методики были определены шесть смысловых установок личности на общение: диалоговая, авторитарная, манипулятивная, альтерцентристская, конформистская и интерферентная.

Приведем краткие содержательные характеристики данных установок: *диалогическая направленность* — ориентация на равноправное общение, сотрудничество, взаимопонимание и взаимодействие; *авторитарная направленность* — стремление быть понятым другим при возможном игнорировании проблем другого, проявление эгоцентризма в общении, наличие авторитарных установок; *манипулятивная направленность* — стремление понять партнера по общению, с тем чтобы использовать его в личных целях, изменить его поведение в нужном направлении; *альтерцентристская направленность* — ориентация на добровольный отказ от рав-

Таблица 1

Результаты диагностики направленности личности социального педагога на общение (по методике С.Л. Братченко), %

Вид направленности	Студенты 3-го курса вуза (n = 213)	Специалисты соц.-пед. профиля, которые работают в организациях, являющихся базами практики и стажировок вузов (n = 208)	Выпускники программы проф. переподготовки «Менеджмент в социально-педагогической деятельности» (n = 212)
Диалогическая	18,1	40,5	55,8
Авторитарная	35,7	21,8	12,1
Манипулятивная	20,2	15,3	8,2
Альтерцентристская	8,2	8,1	14,6
Комфортная	8,3	7,2	6,1
Индифферентная	9,5	7,1	3,2

ноправия в общении в пользу партнера, стремление максимально понять другого (даже при отсутствии понимания своей позиции этим другим); *комфортная направленность* — ориентация на более сильного партнера, на формальное его принятие и понимание (без действительного личностно-искреннего понимания и принятия); *индифферентная направленность* — отсутствие выраженной ориентации личности в сфере общения, отстраненность в общении, безразличие к проблемам другого, возможна установка на сугубо деловые отношения с партнером.

В исследовании С.Л. Братченко доказано, что асимметрия коммуникативной направленности личности будущего специалиста психолого-педагогического профиля в процессе общения может быть скорректирована в сторону диалогичности еще во время обучения в вузе [2].

На итоговом этапе эксперимента было проведено сравнение экспертных оценок (экспертами выступали специалисты и представители администрации баз практики, педагоги-психологи,

преподаватели вуза) и самооценок участников экспериментальной работы (выпускники вузов и программ профессиональной переподготовки) по сформированности отдельных показателей толерантности специалистов социально-педагогического профиля (была применена пятибалльная шкала оценивания) В таблице 2 указан средний балл.

На итоговом этапе эксперимента были зафиксированы значимые изменения ($p < 0,01$) в частоте проявления стратегий поведения в конфликтных ситуациях (по методике К. Томаса). Так, в экспериментальных группах значительно увеличилось количество испытуемых, выбирающих стратегию «сотрудничество» (для студентов вуза этот показатель увеличился с 13,8 до 26,5%; для групп повышения квалификации — с 21,5 до 33,2%), по стратегии «компромисс» — для студентов вуза показатель увеличился с 11,2 до 24,7%; для групп повышения квалификации — с 22,6 до 38,6%. Кроме того, для экспериментальных групп было зафиксировано снижение частоты выбора стра-

Таблица 2

Результаты экспертной оценки и самооценки участниками ЭГ степени сформированности отдельных показателей проявления толерантности специалистов социально-педагогического профиля в реалиях их профессиональной деятельности (max — 5 баллов)

Срезы <i>Показатели</i>	2011 г.		2014 г.	
	Эксперт. оценка	Само- оценка	Эксперт. оценка	Само- оценка
	Вуз / Повышение квалификации			
Способность к открытости восприятия и принятия особенностей других культур	3,52/3,64	4,08/4,13	4,26/4,53	4,59/4,62
Развитость умений и навыков социальной перцепции, адекватной интерпретации коммуникативных и поведенческих реакций различных этнических групп	3,17/3,35	3,24/3,67	4,02/4,35	4,13/4,36
Умения преодолевать конфликтные ситуации в межэтнической среде	3,21/3,46	3,21/3,42	3,87/3,96	3,85/4,02
Умения выстраивать личностно-деловое общение с учетом особенностей религиозных воззрений коммуникантов, специфики их поведения, обусловленной религиозными нормами	3,08/3,37	3,17/3,94	3,62/3,74	3,67/3,96

тегии «соперничество» (для студентов вуза этот показатель снизился с 37,9 до 21,2%; для групп повышения квалификации — с 26,8 до 13,1 %).

Многофакторный анализ результатов многолетней опытно-экспериментальной работы по развитию толерантности социальных педагогов в системе «вуз — курсы повышения квалификации» позволяет констатировать, что каждый специалист неповторим и своеобразен в сфере профессиональных коммуникаций, различаясь по внутренним механизмам приспособления к условиям коммуникативной ситуации. Коммуникативное своеобразие у каждого не исключает, но предполагает проявление определенных *типических черт толерантности*, общих для некоторой группы специалистов. Разработанная авторская типология ин-

дивидуальных стилей проявления толерантности социального педагога учитывает их (стилей) обусловленность не только природными, индивидуальными особенностями, но и профессионально-деятельностными характеристиками специалиста.

На основе проведенного анализа научных трудов по проблеме индивидуальных стилей общения и деятельности [2, 8, 13], а также обширного эмпирического (опытно-практического) материала (полученного за 15 лет выполнения исследования) были определены и обоснованы синергетический, результативно-адаптивный, избирательный индивидуальные стили проявления толерантности социального педагога, которые характеризуются различными комплексами типологических особенностей. Так, для социаль-

ных педагогов *синергетического стиля* характерны: направленность на взаимодействие (по анкете Б. Басса); высокий уровень эмпатии; незначительное преобладание интуитивности над рефлексивностью; ориентация на положительный эмоциональный климат в детском и педагогическом коллективах; в конфликтных ситуациях наиболее часто встречаются стратегии сотрудничества и компромисса; более выражены возбудимость, эмоциональность (по тесту К. Леонгарда); высоки экстраверсия, подвижность и динамизм (по личностному опроснику Р. Кеттелла); высокие показатели по шкалам гибкости поведения и синергичности (по методике «Самоактуализационный тест» Э. Шострем); в ситуациях фрустрации склонность к безобвинительным и разрешающим формам эмоционально-коммуникативных реакций (по тесту С. Розенцвейга); для эмоционального самоконтроля, как правило, используют самовнушения, техники поисковой активности, субмодальностного редактирования (В. Макдональд), включения ресурсного состояния; легко ориентируются в быстро меняющейся обстановке, умеют найти правильную тактику коммуникативного поведения, создавать атмосферу доброжелательности.

Социальные педагоги *результативно-адаптивного стиля* проявляют преобладание мотивов, связанных с достижением поставленных целей, ориентацию как на результат, так и на процесс профессиональной деятельности, незначительное преобладание рефлексивности над интуитивностью; могут испытывать затруднения в эмпатии, открытости; наиболее характерны левополушарная, аудиальная репрезента-

тивные системы; в стратегиях поведения в конфликтных ситуациях преобладают компромисс, сотрудничество, редко проявляется соперничество; наиболее выражены педантичность, застревание; интроверсия; высоки показатели по шкалам принятия агрессии, познавательных потребностей, поддержки; в ситуациях фрустрации склонны проявлять самообвинительные и самозащитные формы эмоционально-коммуникативных реакций (по тесту С. Розенцвейга); для эмоционального самоконтроля наиболее успешно используют рационализацию, самоубеждение, технику аффирмирования, технику превращения замешательства в понимание (О. Киндджук); устойчивы в состоянии напряжения; могут испытывать трудности ориентации в быстро меняющейся ситуации; умело контролируют и корректируют свое коммуникативное поведение до тех пор, пока это не приведет к планируемым результатам; свои нежелательные эмоциональные состояния и подобные состояния у детей гасят переключением на другую деятельность.

Для социальных педагогов *избирательного стиля* характерны: направленность на себя (по анкете Б. Басса), на достижение результата; некоторые затруднения в проявлении эмпатии, принятии позиции собеседника; среди акцентуаций характера у них наиболее выражена циклотимность, может проявляться и демонстративность; они склонны к относительно высокой эмоциональной лабильности; имеют высокие показатели по шкалам спонтанности, самоуважения, контактности. В ситуациях фрустрации, как правило, проявляют внешнеобвинитель-

ные и препятственно-доминирующие эмоционально-коммуникативные реакции (по тесту С. Розенцвейга); для эмоционального самоконтроля наиболее успешно используют самоинструктаж, отключение-переключение, технику аффирмирования. В работе с трудными детьми, подопечными, клиентами используют суггестивные способности, проявляя поисковую активность.

Тот или иной стиль проявления толерантности социального педагога в чистом виде в реальности практически не встречается, можно говорить лишь о преобладании отдельных типологических проявлений. В то же время эвристическое значение типологии стилей проявления толерантности социального педагога не может быть сведено лишь к констатациям общего и особенного: данная типология необходима как одно из оснований главного — определения содержания *дифференцированной* работы со студентами (будущими социальными педагогами), а также со слушателями курсовой подготовки (специалистами-практиками) в системе повышения квалификации, обладающими различными типами, а потому требующими индивидуализации профессиональной подготовки и переподготовки [9, 13].

В ходе исследования был определен комплекс условий, обеспечивающих эффективность процесса развития толерантности специалистов социально-педагогического профиля в системе непрерывного образования, который включает в себя следующие составляющие: а) *субъектно-значимые условия* (осознание специалистом уникальности как своей индивидуальности, так и индивидуальности других;

принятие субъектом социально-педагогической деятельности профессиональной этики взаимоотношений; отсутствие блокирующего воздействия социальных и микросредовых (семейных и др.) стереотипов и личностно-авторитарных установок на процесс развития толерантности специалиста; позитивное влияние ближайшего окружения субъекта (семьи, коллектива, неформальной группы и др.) на развитие и проявление толерантности; адекватная самооценка индивидуально-личностных коммуникативных проявлений и профессионального поведения; аутопсихологическая готовность к овладению толерантным поведением; осознание уровней собственного эгоцентризма и ассертивности; положительное отношение к себе; референтность носителей толерантного поведения — участников процесса непрерывного профессионального образования); б) *индивидуально-профессиональные условия* (идентификация себя как личности и профессионала; осознание ведущего мотива собственного коммуникативного поведения (или необходимости его изменения), наличие внутренней установки на саморазвитие толерантности как профессионально важного качества специалиста; мотивированность и активность студентов в овладении толерантно-ориентированными профессионально-коммуникативными компетенциями в учебной и внеучебной деятельности; высокий уровень профессионально-этической и коммуникативно-толерантной культуры преподавателей вузов, а также наличие их мотивационной, когнитивной и поведенческой готовности к деятельности по развитию толерантности спе-

циалистов социально-педагогического профиля; целенаправленная самообразовательная деятельность студентов в сфере развития толерантности как профессионально важного качества специалиста; принятие деонтологических норм и ценностей социально-педагогической деятельности); в) *образовательно-технологические условия* (приоритетность реализации интерактивных, позиционно-ролевых, диалоговых, тренинговых профессионально-образовательных технологий с учетом возрастных особенностей студенческой молодежи; реализация структурно-логических межпредметных связей; включенность студентов в активную социально-педагогическую деятельность; активизация потенциала различных видов практики, волонтерской работы, стажировок в сфере развития толерантности специалистов; разработанность психолого-педагогического сопровождения процесса развития толерантности).

В результате многолетней экспериментальной работы (2000–2014 гг.) в системе непрерывной профессиональной подготовки социальных педагогов мы пришли к следующим выводам: а) процесс развития толерантности в системе «вуз — курсы повышения квалификации» протекает сообразно соответствующему хронологу возрастного развития личности (студент, молодой специалист, социальный педагог-профессионал); хронология как относительно замкнутый пространственно-временной континуум, в контексте которого системно, на основе глубинных связей с ним происходит преобразование находящегося

в нем субъекта, то есть в психологическом плане хронология включает в себя единство характерных особенностей для определенного возраста видов деятельности, социальной ситуации развития, психических новообразований; б) существует взаимосвязь развития толерантности социальных педагогов с их индивидуально-типологическими свойствами и поло-возрастными особенностями личности; в) толерантность как профессионально важное качество развивается у студентов вуза и взрослых обучающихся (специалистов-практиков) на курсах повышения квалификации при условии, что в учебном процессе университета и курсовой подготовки реализуются специализированные психолого-педагогические технологии, которые моделируют профессионально-ролевое поведение специалиста в различных ситуациях личностно-делового взаимодействия.

Литература

1. *Бондырева С.К.* Толерантность (введение в проблему) / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. — М.: САГ, 2003. — 240 с.
2. *Братченко С.Л.* Развитие у студентов направленности на диалогическое общение в условиях групповой формы обучения: Автореф. [Развитие у студентов направленности на диалогическое общение в условиях групповой формы обучения] дисс. канд. псих. наук. — Л., 1987. — 16 стр.
3. *Мардахаев Л.В.* Профессиональная культура социального педагога [Профессиональная культура социального педагога] / Л.В. Мардахаев // Социальная педагогика / Под. ред. В.А. Никитина. — М.: МГПИ, 2000. — С. 234–238.
4. *Никитина Н.И.* Методология и технология работы социального педагога [методологии и технологии социальной работы педагога] / Н.И. Никитина, М.Ф. Глухова. — М.: Владос, 2007. — 405 стр.
5. *Овчаров Р.В.* Справочник социального педагога [Справочник социального педагога] / Р.В. Овчаров. — М.: Сфера, 2005. — 385 стр.
6. *Никитина Н.И.* Ситуационно-контекстный подход к развитию профессионально-коммуникативной толерантности специалистов соци-

ально-педагогического профиля [Ситуационно-контекстный подход к развитию профессионально-коммуникативной толерантности специалистов социально-педагогического профиля] / Н.И. Никитина, С.Н. Толстикова // Инновации в образовании. — 2012. — №10. — С. 14–24.

7. Никитина Н.И. Развитие профессионально-коммуникативной толерантности специалистов социально-педагогического профиля в системе непрерывного образования [Развитие профессионально-коммуникативной толерантности специалистов социально-педагогического профиля в системе непрерывного образования] / Н.И. Никитина, С.Н. Толстикова // Ученые записки Российского государственного социального университета. — 2011. — №7 (95). — С. 140–145.

8. Реан А.А. Социальная педагогическая психология [Социальная педагогическая психология] / А.А. Реан, Л.Я. Коломинский. — СПб. Питер, 2000. — 286 с.

9. Толстикова С.Н. Коммуникативная толерантность в системе профессионально значимых качеств социального педагога [Коммуникативная толерантность в системе профессионально значимых качеств социального педагога] / Н.И. Никитина, С.Н. Толстикова // Ученые записки Мо-

сковского гуманитарного педагогического института. Выпуск 1. — М: Моск. гуманитарная. пед. ин-т, 2002. — С. 33–39.

10. Камерон С. Социальная педагогика и работа с детьми и молодежью: Воспитание и образование [Социальная педагогика и работа с детьми и молодежью: Воспитание и образование] / Ч. Камерон, П. Мосс. — Лондон: Джессика Кингсли, 2011 — 246 р.

11. Бернер С. Социальные ценности работы: моральное ядро профессии [Социальные ценности работы: моральное ядро профессии] / С. Бернер // Британский журнал по социальной работе. 2004. — № 34 (1). — С. 109–123.

12. Хортон Дж. Терпимость: Философия и практика [Терпимость: Философия и практика] / Дж. Хортон, П. Николсон. — Лондон: Ашгейт издательская компания, 1992 — 168 с.

13. Ямазаки Я. Изучение стилей и типологии культурных различий: теоретические и эмпирические сравнения [Изучение стилей и типологии культурных различий: теоретические и эмпирические сравнения] / Я. Ямазаки. — Департамент организационного поведения, школа управления, Кливленд, 2002. — 68 с.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ОСНОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПЕДАГОГИКИ

С.А. Васильева

Аннотация: статья посвящена изучению влияния протестантского движения «Религиозное общество друзей» на ранний этап становления пенитенциарных учреждений нового типа в Великобритании и США в первой половине XIX века. Эпоха европейского Просвещения привела к радикальным изменениям в системе уголовного правосудия. Конец XVIII — начало XIX столетия принято считать началом «эры карательной сдержанности»: постепенное законодательное ограничение санкций в виде смертной казни приве-

ло к качественным изменениям всей системы уголовных наказаний в целом.

«Религиозное общество друзей» (квакеры) впервые предложили рассматривать наказание как средство перевоспитания осужденного. Социально активные лидеры квакерского движения основали в 1818 г. «Общество улучшения тюремного содержания и исправления малолетних преступников», которое продолжило борьбу за ограничение смертной казни и изменение тюремной системы. Идеологи квакеров проявили стремление

придать тюрьме такое устройство, при котором она могла бы благотворно влиять на умственную и нравственную природу заключенного. Именно квакеры впервые заговорили о наказании как о средстве перевоспитания осужденного посредством религии и образования. Материал подготовлен на основе источников, ранее не переведенных на русский язык.

Ключевые слова: пенитенциарные реформы, «Религиозное общество друзей», квакеры, тюремная благотворительность, «Общество улучшения тюремного содержания и исправления малолетних преступников», филладельфийская и оборнская системы тюремного содержания.

Гуманистические основы пенитенциарной педагогики — особой отрасли педагогической науки, изучающей деятельность по исправлению лиц, совершивших преступления, — были заложены в XIX столетии. Именно в этот период, как в западных странах, так и в России, были внесены существенные изменения в тюремные порядки: предложены первые методики религиозно-нравственного, умственного и физического воздействия на заключенных, отработаны передовые концепции «исправительного воспитания». Подобные реформаторские проекты, направленные на гуманизацию пенитенциарной системы, обозначили новую эру в уголовном правосудии и содержании заключенных.

Задача настоящей статьи — проследить конкретное влияние протестантского движения «Религиозное общество друзей», именуемых в народе просто квакерами, на становление базовых

принципов пенитенциарной педагогики а также создание и апробацию первых педагогических систем перевоспитания заключенных. Пристальный анализ социальной активности, публицистической и политической деятельности лидеров квакерского движения дает основание сделать предположение о значительной роли «друзей» в определении «духа» пенитенциарных реформ в Великобритании и США в XIX веке. Однако данная гипотеза требует более аргументированного подтверждения.

«Отцом» британской пенитенциарной реформы по праву считают Самуэля Ромилли — активного государственного и общественного деятеля, чьи страстные речи в парламенте способствовали законодательному ограничению применения смертной казни. В качестве альтернативы карательной политики государства С. Ромилли предлагал «адекватное преступлению наказание», основанное на принципах одиночного заключения и физического труда как основных средств перевоспитания. Реформатор провозгласил принцип, в соответствии с которым целью уголовного наказания, согласованной с нравственной природой человека и интересами государства, должно в первую очередь выступать *исправление преступника* [7]. С. Ромилли добивался в сфере исполнения наказаний организации хорошо продуманной и внятной государственной политики, имеющих не столько карательные, сколько исправительные цели.

В силу своей политической и социальной активности С. Ромилли был очень близок к английским квакерам, развернувшим в начале XIX века широкомасштабные социальные проекты.

В 1808 г. знаменитый филантроп, квакер по вероисповеданию, Уильям Аллен основал «Общество распространения информации о смертной казни и улучшения тюремной дисциплины». Государственно-правовые взгляды С. Ромилли и богословские принципы «друзей» обрели практическую направленность в деятельности этого общества. Квакеры успешно применяли методы агитации общественного интереса в вопросах острой критики смертной казни «как средневекового анахронизма в сфере исполнения наказаний». Активисты общества занимались тиражированием брошюр, эссе, памфлетов и сочинений, осуждающих смертную казнь с различных позиций: экономической, политической, религиозной. Обращая внимание общественности на тот факт, что тюрьмы Лондона и Англии в целом были переполнены должниками и осужденными за мелкие кражи, известный британский филантроп и аболиционист Т. Кларксон указывал на потенциальную выгоду организации труда в тюремных стенах. Он считал, что подобная возможность означает для заключенных не только шанс «ликвидировать свою задолженность», но и повод воспринимать себя не как преступников, а как свободных честных тружеников — маляров, столяров, ткачей [2, с. 203]. По мнению Кларксона, современные ему уголовные законы, словно «написанные кровавым пером под диктовку Драконта-язычника!», противоречили христианской морали, дискредитировали утвержденные предыдущим столетием религиозные и гражданские свободы [4, с. 7]. Реформаторы вроде С. Ромилли, Т. Кларксона,

Дж. Идена стремились наполнить наказание элементами, отражающими его социальный смысл, и, таким образом, заложили основы принципа трудового воспитания осужденных.

В отличие от «активных государственников», теологи «Религиозного общества друзей» видели свою миссию в формировании идеологических основ принципа *религиозно-нравственного воздействия* на заключенного. Основу духовного учения квакеров составляет «доктрина внутреннего света» — вера в то, что частица Бога существует внутри каждого человека независимо от возраста, пола, социального положения, расовой или национальной принадлежности, а также (что имело определяющее значение!) от нравственного облика. Именно «внутренний свет» дает возможность даже самому закоренелому преступнику, как бы глубоко он ни погряз в грехах и преступлениях, покаяться, обратиться и исправиться. Смертная казнь, по стойкому убеждению квакеров, лишает человека такой возможности. Исходя из этого искупление требует глубокого и длительного по времени раскаяния, возможного только в условиях *гуманного тюремного заключения*. Так, вера в святость жизни и возможность покаяния и нравственного очищения как основа религиозной и социальной доктрины квакеров, становится краеугольным камнем их аболиционизма в отношении смертной казни и базовым принципом общественной борьбы за исправительное тюремное заключение. Концепция религиозно-нравственного перевоспитания, разработанная знаменитыми квакерами-филантропами Т. Баксто-

ном, Э. Фрай, С. Герни, предопределила основной вектор развития данного направления пенитенциарных реформ на последующие десятилетия как в Европе, так и за океаном.

В течение первого тридцатилетия XIX века постепенное законодательное ограничение санкций в виде смертной казни перенаправило русло социальной энергии квакеров с борьбы за отмену высшей меры наказания на активную реформацию тюремного заключения на основе все тех же фундаментальных принципов «Религиозного общества друзей» — свидетельств «внутреннего света», истины, любви и отказа от насилия. С этого момента тюрьмы уже не рассматривались ими только как места содержания лиц, опасных для общества, в самой же практике заключения предполагалось найти средство борьбы с преступностью. Больших успехов добились квакеры, основавшие первые религиозные филантропические общества помощи арестантам в молодой американской республике. Формирование новой американской государственности представило шанс, которого были лишены европейские страны, — возможность начать социальный эксперимент с чистого листа. Так, члены «Общества облегчения страданий арестантов» в Пенсильвании добились от законодательного собрания штата устройства тюрем нового типа с принципом одиночного заключения «без всяких развлечений и занятий, наедине с самим собой, Богом и Библией» [5, с. 3]. Данная система получила название *филадельфийской*, или *пенсильванской*, и признана исторически первой прогрессивной пенитен-

циарной системой, согласно которой тюрьма организована таким образом, что отбывание наказания благотворно влияет на умственную и нравственную природу заключенного.

Однако система одиночного (кейлейного) заключения была воспринята сторонниками реформ неоднозначно. Оппозицией выступило образованное в Нью-Йорке тюремное общество из представителей иных протестантских течений — кальвинистов, пресвитериан, лютеран. Необходимость исправления наказанием признавалась ими единодушно, но квакерская идеализация природы человека подвергалась критике. Альтернативная тюремная система, именуемая по первой практике — *оборнская* (по названию тюрьмы в Нью-Йорке) — предполагала приучение заключенных к труду и общему порядку путем совместных работ. Данной системы исполнения наказаний предполагала устройство отдельных тюрем, где заключенные днем занимались общим трудом, а ночью запирались отдельно. Спустя одно-два десятилетия элементы первых американских исправительных систем были внедрены во многих европейских странах. Таким образом, к началу европейской пенитенциарной реформы американские квакеры чувствовали себя уже признанными лидерами и даже учителями в пенитенциарном деле, накопив уникальный практический опыт.

Изменения в пенитенциарной системе Великобритании связаны с деятельностью еще одного детища квакеров — «Общества улучшения тюремного содержания и исправления малолетних преступников», созданного в 1818 году. В преамбуле Устава было обозна-

чено: «Увеличение преступности ставит перед обществом и государством задачу поиска качественно новых методов борьбы с преступностью... Миссия общества — создание мощных мотивов воздержания от повторного преступления путем удаления, насколько возможно, склонности к нарушению закона, формирования стойкого отвращения к пороку, воспитания добродетелей, моральных принципов и навыков честного труда» [3, с. 7–8]. Идеологи квакеров были убеждены: в человеке идет постоянная борьба между добром и злом, светом и тьмой, Богом и Сатаной, и если помочь осужденному противиться духу злобы и вражды, его склонность к преступлению и пороку уступит место религиозным добродетелям, и именно это станет самой эффективной превенцией повторных преступлений и гарантией безопасности «оздоровленного изнутри общества».

Таким образом, реформаторы представляли нравственное возрождение личности в качестве главной цели наказания. В таком ракурсе тюремные стены превращались не столько в средство ограждения общества от опасных элементов, сколько в «инкубатор роста» для полноценного нравственно оздоровленного члена коллектива. Идеализация природы человека, вера в его безграничные возможности и свидетельство «внутреннего света» в каждом позволяли квакерам надеяться, что подобная трансформация позволит в будущем свести к минимуму практику уголовных наказаний. Чтобы ускорить это заманчивое будущее, члены общества с энтузиазмом включились в процесс кардинального изменения условий тюрем-

ного содержания. Большинство британских тюрем в течение 1816–1820 гг. были проинспектированы и закреплены для посещения за определенной квакерской ячейкой.

Идеолог и теолог «друзей» Т. Бакстон, рассматривая уголовно-исполнительную практику, позволяет себе такое суждение: «Если мы до сих пор цепляемся за идею, что тюремное заключение вместе с удержанием должно сочетать глубокие и интенсивные страдания, то должны быть готовы к неизбежным последствиям такого отношения». Кроме того, он высказал предположение, предвосхитившее исследования известных педагогов-пенитенциаристов XIX–XX столетий: «В социальных условиях кроются корни преступности: невежество, праздность и разврат развивают порочные привычки, которые подчиняют поведение и поступки». Условия тюремного содержания становятся главным фактором, определяющим дальнейшее формирование личности и поведения заключенного. Тюремь, где условия плачевны и предлагают только «грязь, лень, скудную пищу, пренебрежение здоровьем, и режим, где беззаконие — норма» только усилят порочные склонности, особенно у несовершеннолетних нарушителей, впервые попавших за решетку [1, с. 15–17]. Совершенно очевидно, заключает Т. Бакстон, что приговариваемый к тюрьме имеет право на *сохранение своего физического и психического здоровья*.

Предложения, выдвинутые Т. Бакстоном, легли в основу программных документов Общества и пенитенциарных стратегий будущих реформаторов XIX столетия. Прокламация духовного

лидера квакеров оформлена в виде об-разной проповеди, адресованной во-ображаемому представителю закона: «Вы не можете подвергать его (заклю-ченного. — *С. В.*) пыткам и позорным мучениям... (Бакстон приводит худшие примеры телесных наказаний и пыток в долговых тюрьмах Лондона — *С. В.*). Вы не имеете никакого права ограничи-вать его в чистом воздухе, полноценном и достаточном питании, а также воз-можности осуществления своих физи-ческих потребностей... не имеете пра-ва оставлять его раздетого, страдаю-щего от холода, не обеспечив возмож-ностью прилечь ночью на отдых... (впер-вые представлен перечень минималь-ных бытовых требований к режиму тю-ремного содержания. — *С. В.*). Вы не име-ете по той же причине права разрушать его нравственную сторону, принуждая сидеть без дела в развратной компа-нии, смешав несовершеннолетних и ре-цидивистов, а также подвергать опас-ности его здоровье, смешав в тесной непроветриваемой камере среди вред-ных испражнений здоровых и тяжело-больных (названы прогрессивные идеи раздельного содержания различных ка-тегорий и нравственно-трудового пере-воспитания в условия тюремного за-ключения. — *С. В.*). [1, с. 17–18].

Таким образом, именно в идеоло-гических установках британских ква-керов и первых опытах прогрессивных пенитенциарных систем американ-ских «друзей» исправительная идея наказания приобрела более ясные очертания и практическую направлен-ность. Пенитенциарные учреждения нового типа — первые исправитель-

ные тюрьмы — не только обеспечи-вали санитарные нормы содержания, но и учитывали создание условий для нравственного перевоспитания осуж-денных, что для квакеров было зада-чей первостепенной важности. В даль-нейшей судьбе пенитенциарных ре-форм, связанных с совершенствовани-ем системы пенитенциариев, влия-ние квакеров значительно снизится, уступив место иным государственным и национальным интересам [6, с. 46]. Однако в рассматриваемое тридца-тилетие представители «Религиозно-го общества друзей» активно способ-ствовали утверждению новых гумани-стических принципов тюремования и концептуальных основ пенитенциар-ной педагогики.

Литература

1. *Buxton Th.F.* An Inquiry, whether Crime and Misery are Produced or Prevented by our Present System of Prison Discipline, 3rd ed., London, J & A Arch. 1818.
2. *Clarkson Th.* A Portraiture of Quakerism. New-York: pub. by S. Stansbury, 1806.
3. The Government of Gaols, Houses of Correc-tion, and Penitentiary // Society for the Improve-ment of Prison Discipline, and for the Reformation of Juvenile Offenders. London: pr. by T. Bensley, 1821. 2nd ed.
4. Tract no. III «On the Effects of Capital Punish-ment, as applied to Forgery and Theft (including the sentiments of some eminent authors, with some account or recent occurrences and proceedings)». London: pr. by John M'Creery, 1818.
5. *Галкин М.Н.* Материалы к изучению тюремно-го вопроса. 2-е изд. СПб., 1868.
6. *Тарасов О.А., Васильева С.А.* Особенности «второй волны пенитенциарных реформ в Евро-пе и США и ее влияния на изменение условий со-держания осужденных женщин // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 46–52.
7. *Тепляшин П.В.* Истоки и развитие английско-го тюремования: монография. Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2005.

ПУТИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ К ПРИМЕНЕНИЮ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. С. Епифанов

Аннотация: в статье рассматривается проблема устранения психологического барьера у сотрудников уголовно-исполнительной системы, возникающего в связи с необходимостью применения технических средств в профессиональной правоохранительной деятельности в условиях научно-технического прогресса. Проблема адаптации сотрудников к использованию технических средств разрешается на основе совершенствования специальной технической подготовки. В статье отмечается, что деятельность человека, работающего с электронными средствами в процессе осуществления правоохранительных функций, подвержена психологическим нагрузкам, которые могут привести к неврозам и психосоматическим состояниям. Автор выделяет необходимые психологические качества, которыми должен обладать сотрудник для успешного использования технических средств в правоохранительной деятельности, в том числе высокая психофизиологическая выносливость, способность выдерживать длительное эмоциональное напряжение, связанное с применением различных приборов и устройств, интеллектуальная активность, умение анализировать непрерывно меняющуюся информацию, принимать решения в условиях дефицита времени и другие. В статье названы причины, препятствующие эффективному применению научно-технических средств сотрудни-

ками: неуверенность в эффективности и положительных результатах применения технических средств; сомнение в правомерности использования технических средств в конкретной ситуации служебной деятельности, трудности при работе с новыми, незнакомыми техническими средствами, неумение эксплуатировать тот или иной прибор или устройство, отсутствие опыта применения технических средств в конкретных ситуациях, возникающих в процессе правоохранительной деятельности. Устранение у сотрудников психологического барьера, препятствующего использованию ими научно-технических средств, достигается психологической установкой на необходимость применения техники в правоохранительной деятельности. В процессе обучения необходимо сочетать методики эксплуатации приборов с навыками по организации и тактике применения различной аппаратуры в конкретных ситуациях. Следует уделять особое внимание практическому тренингу обучаемых по типовым тактическим приемам использования научно-технических средств при решении игровых задач. Необходимо усвоение сотрудниками знаний, умений и навыков за счет работы с новой техникой и посредством моделирования служебной деятельности. Целесообразно пропагандировать элементы положительного опыта применения научно-технических средств в уголовно-исполнительной деятельности.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, уголовно-исполнительная система, сотрудники уголовно-исполнительной системы, применение технических средств, психологические качества сотрудников, психология принятия решения по применению технических средств, устранение психологического барьера, совершенствование технической подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Объективным фактором развития уголовно-исполнительной системы (УИС) на современном этапе можно считать научно-технический прогресс. Его достижения обуславливают применение новых методов и технологий реализации правоохранительных функций в УИС. Воздействие научно-технического прогресса на пенитенциарную сферу проявилось в уголовно-исполнительном законодательстве [1]. Так, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) содержится ст. 83 «Технические средства надзора и контроля», под которыми согласно ч. 1 ст. 83 УИК РФ подразумеваются аудиовизуальные, электронные и иные технические средства. Эти средства, а также другие виды специальной техники применяются сотрудниками учреждений, исполняющих наказания, в процессе обеспечения режима и безопасности для предупреждения преступлений и иных правонарушений, получения информации о поведении осужденных в строгом соответствии с принципом законности [2]. В связи с этим представляется актуальным вопрос психологической адаптации юристов — сотрудников УИС к процессам, возникающим в учреждениях, испол-

няющих наказания, в связи с внедрением достижений научно-технического прогресса, необходимостью использования технических средств в профессиональной правоохранительной деятельности.

В условиях научно-технического развития деятельность сотрудников УИС опосредована различными техническими устройствами. С одной стороны, техника способствует повышению эффективности выполнения профессиональных функций. Но, с другой стороны, следует учитывать, что на психическую деятельность человека, работающего с электронными приборами, накладывается специфическая нагрузка [3]. Длительная и высокая напряженность, обусловленная проведением мероприятий с использованием технических средств, может в отдельных случаях отрицательно сказаться на здоровье человека, вызывая неврозы и психосоматические состояния.

В настоящее время от сотрудника, использующего технические средства в процессе решения задач обеспечения режима и безопасности, предупреждения и раскрытия преступлений и иных правонарушений требуется высокая надежность выполнения служебных функций, способность работать в экстремальных условиях, бдительность, стойкость к воздействию отрицательных факторов, связанных с эмоциональной напряженностью правоохранительной деятельности в УИС.

Немаловажной является обязанность надлежащего соблюдения правовых и этических норм в отношении осужденных. Результаты прикладных психологических исследований показывают, что осужденные, особенно мо-

лодежного возраста, склонны считать любую неприятную случайность, возникшую в ходе их отношения с персоналом, преднамеренной провокацией администрации учреждения, например появление очереди осужденных на реализацию права на телефонные переговоры [4]. При этом очевидно, что надлежащим образом организованные администрацией учреждения УИС телефонные переговоры осужденных способствуют поддержанию социально полезных связей [5], что, в свою очередь, благоприятно отражается на состоянии правопорядка в исправительном учреждении.

Вместе с тем необходимость качественного получения информации, используемой для обеспечения режима и безопасности, предупреждения и раскрытия правонарушений в учреждениях, исполняющих наказания, посредством применения технических средств и методов обуславливает усложнение профессиональной деятельности сотрудников УИС, ее интеллектуализацию. Представляется, что в современных условиях осуществления правоохранительной деятельности, ориентированной на внедрение научно-технических достижений, сотрудники УИС должны обладать следующими необходимыми психологическими качествами [6]:

– высокая психофизиологическая выносливость, способность выдерживать длительное эмоциональное напряжение, связанное с применением различных приборов и устройств;

– интеллектуальная активность, умение анализировать непрерывно меняющуюся информацию, принимать решения в условиях дефицита времени;

– высокий уровень самостоятельности и персональной активности, способность решать профессиональные задачи, умение согласовывать свои действия с действиями других сотрудников;

– умение видеть несколько возможных путей решения служебной задачи в зависимости от характера мероприятия, технических возможностей аппаратуры выбирать соответствующие ситуации тактические способы применения специальных технических средств;

– способность длительное время сохранять устойчивое внимание, контролировать работу аппаратуры, несмотря на физическую и интеллектуальную усталость, раздражители;

– способность объективно оценивать свои достижения, силы и возможности, упорство в преодолении трудностей;

– уравновешенность и самообладание в конфликтных ситуациях;

– эмоциональная устойчивость при принятии ответственных решений;

– способность к быстрой реакции в условиях дефицита времени, быстрая реакция на внезапное зрительное впечатление посредством определенных движений.

В результате внутреннего психологического настроя на достижение поставленной цели сотрудник способен мобилизоваться на сложные виды профессиональной деятельности, в том числе на выполнение правоохранительных функций с использованием технических средств, готовить для этого необходимую материальную базу, выполнять поставленные задачи в экстремальных условиях [7].

Принятие решения сотрудником УИС об использовании какого-либо тех-

нического средства в конкретной ситуации служебной деятельности, по существу, означает оценку ситуации и выбор одного из возможных вариантов действий. При этом качество, оптимальность решения во многом определяют опытом сотрудника в вопросах применения специальных, криминалистических технических средств и методов в УИС [8].

К психологическим особенностям процесса принятия решения по применению технических средств можно отнести:

- актуальное осознание неопределенности результата в начале использования технического средства;
- сознательное санкционирование применения техники;
- процесс определения цели применения технических средств и выбор способа их применения;
- переживание процесса решения, особенно неопределенности цели и результата на этапах выбора цели и санкционирования применения технических средств.

В соответствии с решаемыми задачами выбирается способ использования конкретного вида специальной техники. Оптимальное решение по выбору тактического приема использования технических средств основано на анализе информации о каждом из возможных вариантов тактики применения различных приборов и устройств, стоящих на вооружении УИС.

С точки зрения инженерной психологии действия сотрудников УИС по применению технических средств имеют двухуровневую структуру. На первом уровне могут рассматриваться простые действия, где значимую роль играют ис-

полнительные, в идеальном варианте доведенные до автоматизма, операции по эксплуатации приборов, устройств, приспособлений. На втором уровне преобладает мыслительный компонент. Для него характерно изменение обстоятельств действия, при этом мыслительные процессы в ходе применения специальной техники обеспечивают точное решение поставленных перед сотрудником УИС задач. Суть мыслительных процессов состоит в непрерывном анализе информации, выявлении важных сведений, выборе варианта действия и оценки последствий принятого сотрудником решения, связанного с использованием технических средств.

Процессу применения технических средств в УИС свойственны познавательный, поисковый, управленческий и фиксирующий элементы.

Познавательный элемент проявляется в восприятии сотрудником УИС посредством технических средств каких-либо фактов, явлений, обстановки в процессе обеспечения правопорядка и безопасности. Поисковый элемент связан с поиском, обнаружением значимых объектов и информации. Управляющий элемент обусловлен использованием техники как средства управления (радиосвязь, дистанционное управление видеокамерами и другими техническими средствами). Фиксирующий элемент связан с закреплением, удостоверением, фиксацией на материальных носителях информации о событиях, фактах, объектах, явлениях и процессах, которые при определенных условиях могут выступить в качестве доказательств противоправной деятельности.

Вместе с тем анализ использования научно-технических средств в процес-

се деятельности по обеспечению правопорядка позволяет говорить о существовании у сотрудников УИС психологического барьера, препятствующего их эффективному применению, который может создаваться по следующим причинам:

- неуверенность в эффективности и положительных результатах применения технических средств;

- сомнение в правомерности использования технических средств в конкретной ситуации служебной деятельности;

- трудности при работе с новыми, незнакомыми техническими средствами;

- неумение эксплуатировать тот или иной прибор или устройство;

- отсутствие опыта применения технических средств в конкретных ситуациях, возникающих в процессе обеспечения правопорядка и безопасности в учреждениях УИС.

Разрушение психологического барьера, препятствующего процессу применения сотрудниками УИС специальной техники, предполагает создание специализированной установки поведения, то есть сознательного осмысления каждым сотрудником целесообразности и необходимости применения техники как средства повышения эффективности их служебной деятельности.

По мнению ученых — пенитенциарных психологов, важными формами предупреждения психологических барьеров служат развитие коммуникативных качеств, творческого мышления, социально-психологический тренинг и инновационные игры [9]. Их сущность состоит в том, что в процессе дискуссии, проигрывания конкретных ситуа-

ций или анализа трудностей, которые могут возникнуть при внедрении новшества, у персонала должны формироваться соответствующие мотивы и необходимые качества, вырабатываться правильная позиция относительно инноваций.

Отметим, что целенаправленное воздействие на сотрудника УИС применительно к предстоящей служебной деятельности начинает осуществляться при получении базового специального образования, а также продолжается в ходе профессиональной подготовки.

Профессиональная подготовка — один из существенных моментов приспособления человека к технике, направленный на приобретение им знаний, умений и навыков. При этом наличие у сотрудника навыков использования специальной техники освобождает его сознание от мысленного поиска различных способов и рекомендаций, контроля над двигательными действиями по эксплуатации конкретного прибора или устройства. При этом концентрируется внимание не на технических манипуляциях с прибором, а непосредственно на объекте применения аппаратуры (например, на объекте наблюдения, надзора).

Формирование стойкой психологической установки на необходимость активного применения достижений науки и техники обеспечивается органичным сочетанием методики эксплуатации с глубоким знанием правовых, организационных и тактических основ применения специальных технических средств в конкретной ситуации служебной деятельности. Это обуславливает необходимость совершенствовать профессиональную техническую подготовку со-

трудников УИС [10], ориентировать обучение кадров в сфере правоохранительной деятельности:

- на изучение назначения и характеристик научно-технических средств, используемых для решения правоохранительных задач;

- привитие прочных навыков эксплуатации различных приборов и устройств, стоящих на вооружении структурных подразделений УИС, — субъектов правоохранительной деятельности;

- определение пределов допустимости применения специальной техники, прочное знание основных положений нормативных правовых актов, регламентирующих процесс использования технических средств в УИС;

- изучение и отработка типовых тактических приемов использования различных технических средств в тренировочных ситуациях, приближенных к реальным;

- умение оформлять необходимые служебные документы, требующиеся для планирования соответствующих мероприятий, закрепления результатов применения научно-технических средств в правоохранительной деятельности УИС.

В заключение сформулируем ряд выводов:

1. Устранение психологического барьера у сотрудников в отношении использования научно-технических средств, достижение стойкой психологической установки на необходимость применения техники в правоохранительной деятельности возможны при сочетании знания сотрудниками методики настройки и эксплуатации приборов и устройств с навыками по органи-

зации и тактике применения различной аппаратуры в конкретных ситуациях, возникающих в ходе проведения мероприятий по предупреждению и раскрытию преступлений, укреплению правопорядка и безопасности.

2. В целях успешной адаптации сотрудников УИС к использованию научно-технических средств в правоохранительной деятельности на этапе профессиональной подготовки особое внимание следует уделять практическому тренингу обучаемых по типовым тактическим приемам использования научно-технических средств при решении игровых задач. Особую важность в ходе технической подготовки приобретают условия, создающие обстановку служебной деятельности сотрудников УИС при реализации правоохранительных функций в учреждениях, исполняющих наказания.

3. При организации специальной технической подготовки сотрудников правоохранительных органов ведущая роль должна отводиться необходимости усвоения обучающимися знаний, умений и навыков за счет работы с новой техникой и посредством моделирования различных типовых ситуаций служебной деятельности. Кроме того, целесообразно пропагандировать элементы положительного опыта применения научно-технических средств в УИС, особенно теми сотрудниками, которые ранее эти средства успешно не применяли. Это позволит воспитать у сотрудников УИС уверенность в положительных результатах, сформировать благоприятную психологическую установку на применение научно-технических средств в правоохранительной деятельности.

Литература

1. Елифанов С.С. Пути совершенствования уголовно-исполнительного законодательства по вопросу применения технических средств в предупреждении правонарушений в условиях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 47–49.

2. Елифанов С.С., Моисеев Н.Д. О законности применения технических средств при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в тюрьмах в условиях развития уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2013. № 2 (81). С. 9–12.

3. Лебедев В.И. Экстремальная психология. Психическая деятельность в технических и экологически замкнутых системах: учебник. М., 2001. С. 3.

4. Сочивко Д.В., Полянин Н.А., Голышева Ю.А. Мужской и женский путь духовности в местах лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 60–74.

5. Датий А.В. Характеристика мужчин, осужденных к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. 2013. № 4. С. 126–133.

6. Мариновская И.Д., Тихомиров С.Н. Юридическая психология: учеб. пособие. М., 2005. 384 с.

7. Киселев А.М. О психологической готовности сотрудников и подразделений уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных ситуациях // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1. С. 42–45.

8. Елифанов С.С. Предупреждение рецидивной преступности в исправительных учреждениях посредством проведения мероприятий с использованием технических средств // Человек: преступление и наказание. 2011. № 4 (75). С. 73–77.

9. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Психология деятельности личности и коллектива сотрудников пенитенциарных учреждений: учеб. пособие. Рязань, 1999. 198 с.

10. Елифанов С.С. Совершенствование организации специальной технической подготовки сотрудников УИС на основе внедрения инновационных образовательных технологий // Человек: преступление и наказание. 2011. № 1 (72). С. 119–121.

МАРКЕРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЛИЧНОСТИ

А.В. Болдырев, Т.А. Болдырева, Л.В. Тхоржевская

Аннотация: Эмоциональное выгорание рассматривается как механизм развития профессиональных деструкций личности, обладающий сходной с общим адаптационным синдромом динамикой, но имеющей специфическую локализацию эффектов на уровне семантического пространства личности профессионала. Авторами были выделены специфические условия труда, в которых возрастает вероятность развития эмоционального выгорания. Эмпирическое исследование было реализовано

посредством сравнительного метода. Сравнение проводилось между группами учителей средних общеобразовательных школ, специалистов центров социальной защиты населения и сотрудников уголовно-исполнительной системы. С использованием данных обследования по методикам В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» и Н.Е. Водопьяновой «Профессиональное выгорание» эмпирически были выделены по две группы сотрудников каждой профессии с признаками

эмоционального выгорания и без таковых. У выделенных групп исследовались атрибутивный стиль (методика оценки атрибутивного стиля СТОУН-В), смысло-жизненные ориентации, качественные характеристики агрессии, а также особенности семантического пространства. Цель сравнения состояла в выявлении таких признаков, которые были бы обязательными для сотрудников, демонстрирующих признаки эмоционального выгорания, и не зависели от особенностей профессиональной деятельности. Наиболее универсальные признаки эмоционального выгорания были обнаружены на уровне семантического пространства. Они проявились прежде всего в особенностях коннотативного значения понятия, обозначающего предмет труда, и в семантической удаленности понятия «моя работа» от понятий «успех», «радость», «счастье», «надежда». В результате могут быть обозначены некоторые количественные признаки — синдромы эмоционального выгорания при оценке семантического пространства посредством методики семантический дифференциал. Проведенное исследование позволяет констатировать локализацию основных симптомов эмоционального выгорания на уровне смыслового пространства личности. Приведенные данные могут быть использованы в скрининговой диагностике эмоционального выгорания.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональное выгорание, семантическое пространство, семантический дифференциал, уголовно-исполнительная система, феномен недоверия, смысло-жизненные ориентации, семантическая удаленность, коннотативное значение, предмет труда.

Подготовка и профессиональное становление специалиста, работающего с людьми, в среднем занимает 7–10 лет. В этот промежуток включены как годы обучения в учреждении профессионального образования, так и первые годы работы по профессии, когда молодой специалист осваивает и основные профессиональные навыки, и усваивает главные профессиональные ценности. Сформулированный С.Л. Рубинштейном принцип развития психики человека в деятельности объясняет значимость полноценной трудовой деятельности в процессе становления специалиста, невозможности профессионального развития без реализации знаний, умений и навыков в реальных условиях работы.

Однако эмоционально насыщенное взаимодействие с людьми, выступающими в качестве предмета труда учителей, коррекционных педагогов, социальных работников, сотрудников уголовно-исполнительной системы, врачей, среднего медицинского персонала лечебных учреждений и других специалистов, работающих в системе «человек — человек» чревато развитием так называемого синдрома эмоционального выгорания, способного снизить эффективность трудовой деятельности, деформировать личность специалиста. В результате освоивший, казалось бы, умения, получивший навыки, узнавший структуру трудовой деятельности специалист оказывается непригодным профессионально, время и усилия, затраченные на его формирование, не оправдывают себя.

По разным источникам, эмоциональному выгоранию подвергаются от 20 до 80% специалистов социано-

мических профессий. Так, по данным В.М. Лымаренко с соавторами, более 24% врачей скорой помощи в той или иной степени подвержены синдрому эмоционального выгорания, А.А. Обознов и О.Н. Доценко констатируют, что у 48% учителей, включенных в проведенное ими исследование, продемонстрировали признаки синдрома эмоционального выгорания, по данным Т.В. Рединой, 29% педагогов коррекционных школ обнаруживают признаки синдрома эмоционального выгорания [3, 5, 7]. Столь широкая распространенность эмоционального выгорания обуславливает актуальность исследования данного явления, выделения четких и однозначных параметров ее описания, надежных диагностических признаков.

Обозначенная проблема многоаспектна, обилие публикаций по данной проблематике существенно осложняет выделение категориальной отнесенности эмоционального выгорания. Действительно, можно выделить, как минимум, два подхода к эмоциональному выгоранию.

С точки зрения медицинского подхода эмоциональное выгорание представляет собой обратимое состояние, спровоцированное трудовым стрессом, патологическое влияние которого может быть ослаблено рядом лечебных мероприятий. С точки зрения подхода сугубо психологического эмоциональное выгорание рассматривается как процесс неблагоприятных и сложных по своей структуре смысловых изменений личности, обладающих признаками необратимости и тенденцией к генерализации на все сферы социально-психологического функционирования

субъекта [1, 2, 8].

Общим моментом в обозначенных подходах является признание стрессорной природы эмоционального выгорания. Однако место и роль стресса в эмоциональном выгорании остаются дискуссионным вопросом. Выступает ли стресс пусковым механизмом эмоционального выгорания, является ли сенсibiliзирующим элементом деструктивного разрешения внутриличностных и нравственных конфликтов, возникающих в процессе трудовой деятельности, которые по сути своей также неизбежны и даже необходимы для личностного становления профессионала?

Конфликт и характер его разрешения оказываются наиболее значимыми для содержания самосознания личности профессионала. Последнее, в свою очередь, ставит вопрос о причинно-следственных связях эмоционального выгорания и профессиональных деструкций. Данная проблематика получила широкое освещение в работе О.А. Щербининой [9].

Наполнение самосознания теми или иными ценностями, приоритет установок не возникают у человека отдельно от преобразований общественного мнения. Разные аттитюды общества в отношении социальной успешности человека, престижности профессии, личностной значимости и социальной полезности реализуемой трудовой деятельности могут формировать предпосылки для конфликта между возможностями личности и социально одобряемыми формами достижения желаемого социального статуса. С одной стороны, существует широкая вариативность форм и моделей достижения ожидаемого социального статуса, что свя-

зано с работой, профессией, трудовой деятельностью, с другой стороны, отмечается конфликт критериев социальной успешности человека в современном общественном сознании.

Как минимум, можно выделить два полярных критерия, которые могут восприниматься конкретной личностью как взаимоисключающие, — индивидуальное благополучие или социальную полезность. В работе Н.М. Мухамеджановой проанализированы проблемы и неразрешенные противоречия свободы и порядка в модернизирующихся обществах Запада и Востока [4]. Автор акцентирует внимание на побочном эффекте модернизации — искажении идентичности личности в обществе с пластичными, многовариативными устоями, а точнее, хаотичными, неупорядоченными общественными аттитюдами. Личность с искаженной и/или рассогласованной идентичностью в наибольшей мере подвержена генерации стрессовых стимулов. Будучи важнейшей сферой социального функционирования взрослого человека, трудовая деятельность становится основной плоскостью и проявления, и обретения смыслов собственного существования.

Е.Л. Солдатова и А.А. Шевченко проанализировали связь динамики эмоционального выгорания и кризисов эго-идентичности профессионалов. Утрата и рассогласование ценностной сферы приводят к усугублению проявлений эмоционального выгорания у представителей социэкономических профессий. Неблагоприятная самооценка, страх неуспешности распространяются с трудовой деятельности на межличностные, семейные взаимоотношения [8]. Возникает, таким образом, эффект «замы-

кания» в искаженных смыслах и ценностях, расстроенной эго-идентичности человека, нарушения целостности личности, что не позволяет профессионалу овладеть стрессовыми, а нередко и экстремальными условиями профессиональной деятельности [6].

Сформированная неблагоприятная самооценка, сенсibilизированная повторяющимися ситуациями неуспешности в типичных трудовых ситуациях, заставляет человека переосмысливать систему критериев объективной оценки процесса и результатов своего труда. Следовательно, эмоциональное выгорание опосредует развитие профессиональных деструкций личности. Так, к числу специфических для уголовно-исполнительной системы профессиональных деструкций можно отнести феномен недоверия, характерные признаки которого в семантическом пространстве могут пониматься как базовый смысловой элемент образа мыслей, стратегии и тактики профессионального, а затем и бытового поведения пенитенциарных служащих.

Таким образом, эмоциональное выгорание может рассматриваться как фиксированный на уровне смысловых личностных структур эффект адаптации профессионала к стрессогенным условиям трудовой деятельности. В связи с этим можно предположить, что наиболее универсальные диагностические признаки эмоционального выгорания будут локализованы именно в сфере смысловой, на уровне семантического пространства личности. Изложим обобщенные результаты наших многолетних исследований в данном направлении.

Мы объединили данные исследования эмоционального выгорания, ко-

торые проводились нами на протяжении 7 лет, у учителей средних общеобразовательных школ, педагогов интернатных учреждений, коррекционных педагогов в специальных коррекционных школах, сотрудников отделов безопасности, воспитательных отделов учреждений уголовно-исполнительной системы, специалистов учреждений социальной защиты населения. Подобного рода объединение представляется возможным по ряду причин.

Во-первых, речь идет о тех специалистах, в чьи функциональные обязанности входит непосредственное взаимодействие с людьми как с предметом профессиональной деятельности.

Во-вторых, их профессиональная деятельность протекает всегда в ситуации повышенной эмоциональной нагрузки.

В-третьих, с точки зрения статистического анализа (а именно в оценке достоверности различий по выборке с помощью критериев Стьюдента и Манна — Уитни) можно говорить о валидности подобных сравнений, так как существенных различий по параметрам отношения к предмету своего труда, собственной профессиональной деятельности между выборками специалистов не отмечалось. Генеральная выборка, таким образом, обладает достаточной гомогенностью.

В-четвертых, исследование проводили с помощью одних и тех же психодиагностических методик, с одним и тем же типом обработки данных.

В целом исследование проведено на генеральной выборке в количестве 632 человека, из них 341 — сотрудники уголовно-исполнительной системы, 217 — сотрудники образова-

тельных учреждений и 64 человека — сотрудники учреждений социальной защиты населения. В целом по выборке сотрудников с признаками эмоционального выгорания примерно равное распределение мужчин и женщин: мужчин — 48% (245 человек) и 52% (305 человек). Все включенные в выборку специалисты проявляли признаки эмоционального выгорания по данным психодиагностических методик: В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» и Н.Е. Водопьяновой «Профессиональное выгорание». Включенные в генеральную выборку респонденты проявляли симптомы эмоционального выгорания как по первой, так и по второй методике.

Стаж работы в должности составлял от 3 до 8 лет, средний возраст по генеральной выборке — 37,5 года, у педагогов — 41,2, у специалистов учреждений социальной защиты населения — 36,1, у сотрудников уголовно-исполнительной системы — 35,4 года. Отметим, что значимых корреляционных связей с возрастом и стажем профессиональной деятельности ни у педагогов, ни у сотрудников уголовно-исполнительной системы нам обнаружить не удалось. У сотрудников учреждений социальной защиты населения выявлена обратная корреляционная связь на уровне $-0,512$ (коэффициент Спирмена) между возрастом и уровнем эмоционального выгорания по данным методики В.В. Бойко.

Семейное положение специалистов также не имеет значимых корреляционных связей с уровнем эмоционального выгорания.

Группу сравнения составили сотрудники без признаков эмоционального

выгорания в количестве 821 человека, сотрудники уголовно-исполнительной системы — 430 человек, педагоги в целом — 318 человек, сотрудники учреждений социальной защиты — 73 человека, из них мужчин — 409 (49,8%), женщин — 412 (50,2%). Различий с выборкой сотрудников с признаками эмоционального выгорания по параметрам стажа и возраста, семейного положения выгорания отмечено не было (по расчету *t*-критерия Стьюдента для оценки достоверности различий по выборке).

У сотрудников, вошедших в группы сравнения, измерялись поведенческие и эмоционально-смысловые компоненты. Оценивались уровень агрессии и агрессивности, эмоциональное состояние, смысложизненные ориентации, атрибутивный стиль и семантическое пространство. Различия оценивались как между группами сотрудников с признаками эмоционального выгорания и без таковых, так и между сотрудниками с признаками эмоционального выгорания, работающими в разных сферах и имеющих разный уровень эмоционального выгорания.

Агрессия и агрессивность различаются по типам своего проявления у респондентов в зависимости от уровня эмоционального выгорания, по отношению к каждой сфере трудовой деятельности можно выделить специфические закономерности трансформации поведенческих проявлений агрессии и уровня агрессивности по мере развития эмоционального выгорания, общим является не столько повышение общего уровня агрессивности, сколько смена одних форм агрессии на другие, часто менее конструктивные в конкрет-

ных ситуациях профессионального взаимодействия.

В области оценки эмоционального состояния можно отметить сравнительное снижение настроения, однако дисфорический фон также нельзя выделить как универсальный признак эмоционального выгорания.

В отношении атрибутивного стиля обращает на себя внимание невыраженность какой-то общей тенденции в отношении объяснения собственных успехов и неудач, хотя обязательным является снижение общего показателя оптимизма (по данным теста СТОУН-В).

Наиболее ярко выраженными общими тенденциями для всех категорий специалистов с признаками эмоционального выгорания оказались в семантическом пространстве.

Семантическое пространство исследовали посредством метода семантического дифференциала. Был использован вариант семантического дифференциала, включающий в себя 12 шкал (гладкое — шершавое, женственное — мужественное, горячее — холодное, смутное — ясное, сильное — слабое, тихое — громкое, хорошее — плохое, маленькое — большое, острое — тупое, кислое — сладкое, сложное — простое, пассивное — активное), которые объединены в три типовых фактора оценки, силы и активности. Каждый фактор может быть оценен от +12 до -12 баллов.

Для оценивания респондентам были предложены понятия, которые составляют актуальную профессиональную ситуацию. Среди прочих были понятия, обозначающие предмет труда — то есть людей, с которыми непосредственно работают специалисты. Для сотрудни-

Таблица 1

Средний диапазон значений по факторам оценки, силы и активности у специалистов с признаками эмоционального выгорания и без таковых коннотативного значения понятия, обозначающего предмет труда

Фактор	Группа специалистов с признаками эмоционального выгорания	Группа сотрудников без признаков эмоционального выгорания
Оценка	-2±2,4	4±3,9
Сила	-1±3,1	3±2,7
Активность	6±2,9	1±4,6

ков УИС — это «осужденный», для педагогов — «мои ученики», «мои воспитанники», для сотрудников учреждений социальной защиты было выбрано понятие «мои подопечные». Обнаружилась интересная закономерность: на уровне значений факторов оценки, силы и активности сотрудники с признаками эмоционального выгорания по сравнению с сотрудниками без признаков такового демонстрируют существенные различия в коннотативном значении соответствующих понятий.

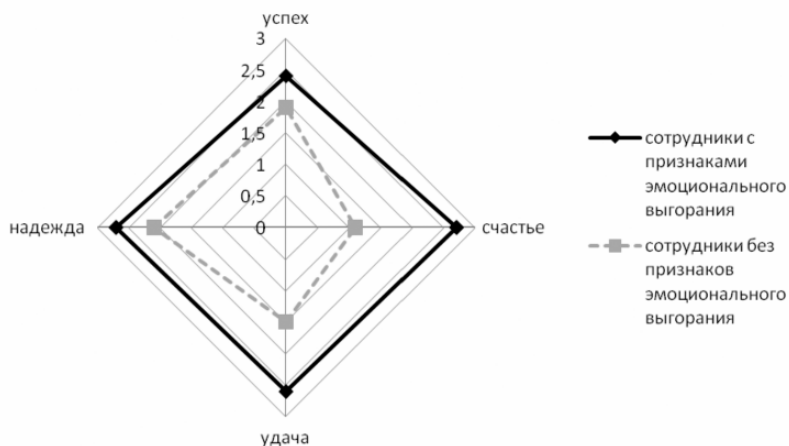
Для сотрудников с признаками эмоционального выгорания предмет труда обладает низкой оценкой, часто выходящей в диапазон отрицательных значений, отрицательной или невысокой силой и высоким уровнем значений по фактору активности.

У сотрудников без признаков эмоционального выгорания чаще по факторам оценки и силы предмет труда обладает значениями, не выходящим за диапазон положительных, по фактору активности отмечен большой разброс возможных значений по выборке.

В таблице представлены наиболее характерные значения по факторам оценки, силы и активности с учетом стандартного отклонения у респондентов с эмоциональным выгоранием и без признаков такового. При-

мечательно, что эти значения обладают сравнительно небольшим разбросом по выборке респондентов с признаками эмоционального выгорания, в отношении респондентов из группы сравнения можно отметить, что при довольно большом разнообразии значений по выборке по факторам в отношении предмета труда по факторам оценки и активности отмечается низкий разброс по фактору силы.

Иными словами, можно говорить о том, что при формировании синдрома эмоционального выгорания трансформируется прежде всего отношение к предмету труда. На уровне коннотативного значения оно, судя по полученным нами данным, приобретает выраженное своеобразие, отраженное в снижении оценки и силы понятия, обозначающего предмет труда. Предмет труда теряет свою привлекательность для специалиста, обладает либо нейтральной, либо отрицательной эмоциональной окраской, воспринимается в подавляющем большинстве случаев как явление неприятное, нередко угрожающее, одновременно с этим значимость, ценность человека или людей, выступающих в качестве предмета труда, также снижается. Модификация поведения специалиста как бы становится независимой от свойств личности учени-

Семантическая удаленность понятий «успех», «надежда», «счастье», «удача» от понятия «моя работа» (в координате 0 — понятие «моя работа»)

ка, подопечного, осужденного, от характера отношений, которые складываются в процессе профессионального взаимодействия между ними.

Еще одним признаком, общим для всех специалистов с эмоциональным выгоранием, выступает семантическая удаленность понятия «моя работа» и понятий, обозначающих позитивные эмоции и состояния. Можно сказать, что это понятия, которые символизируют качество жизни человека: «успех», «счастье», «радость».

Семантическая удаленность — это условное расстояние от одного объекта семантического пространства до другого. В качестве объектов семантического пространства при этом выступают предложенные к оцениванию методом семантического дифференциала понятия, система координат задается факторами оценки, силы и активности. Поскольку семантическое пространство каждого человека обладает

индивидуальными характеристиками, в том числе разнообразием интервалов пространства, мы приводим схематическое изображение, в котором выделены три интервала. Для большей наглядности семантическое расстояние представлено тремя интервалами: понятия могут быть семантически близкими, среднеудаленными и семантически удаленными.

На гистограмме в сравнительном аспекте представлена семантическая удаленность понятия «моя работа» от других, предложенных к оцениванию.

Данные, представленные на ней, показывают, что понятие «работа» у сотрудников с признаками эмоционального выгорания располагается в большей семантической удаленности от понятий «успех», «счастье», «надежда», «удача», чем у сотрудников без признаков эмоционального выгорания.

Можно констатировать, что понятие «работа» не связывается у сотруд-

ников, переживающих эмоциональное выгорание, с достижениями, смысловые категории, свидетельствующие о благополучии, находятся в иной плоскости семантического пространства личности. Значит, работа не выступает для сотрудников, подверженных эмоциональному выгоранию, условием собственного благополучия, тем не менее она не столько вызывает негативную оценку или неприятные эмоции, сколько выделена в отдельный контекст жизненного пространства. Личное счастье, эмоциональный комфорт как бы вынесены за скобки работы, профессии, не смотря на то что эти сферы для взрослого человека являются наиболее затратными с точки зрения как времени, так и признаков социального статуса, которые именно работа, занимаемая должность обеспечивают.

Выделенные признаки в семантическом пространстве сочетаются с рядом установок, на вербальном уровне фиксирующих разобщенность эмоционального благополучия и результатов, эффекта от реализуемой профессиональной деятельности. Установки чаще всего носят специфический для отдельных профессий характер и вербальное оформление, однако в наиболее обобщенном виде они могут быть сформулированы так:

- «профессиональные проблемы со мной не связаны, я ничего не могу поменять на работе»;
- «работа — это лишь способ материального обеспечения жизни»;
- «нравственное и моральное удовлетворение получают не от работы».

Таким образом, эмоциональное выгорание действительно фиксирует некоторые элементы рассогласованности эго-идентичности профессионала на уровне семантического пространства. Приведенные маркеры имеют количественные характеристики, что может быть использовано для скрининговой диагностики.

Литература

1. *Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С.* Синдром выгорания : учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 336 с.
2. *Китаев-Смык Л.А.* Выгорание персонала, выгорание личности, выгорание души // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2. С. 43–50.
3. Исследования хронического профессионального стресса у врачей скорой медицинской помощи Невского района Санкт-Петербурга / В.М. Лымаренко [и др.] // Вестник Российской военно-медицинской академии. 2012. № 3. С. 39–45.
4. *Мухамеджанова Н.М.* Проблема свободы и порядка в модернизирующихся обществах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7. С. 53–59.
5. *Обознов А.А., Доценко О.Н.* Эмоциональная направленность учителей как личностный ресурс их устойчивости к выгоранию // Педагогический журнал Башкортостана. 2011. № 5. С. 227–237.
6. *Посохова С.Т.* Личностный адаптационный синдром в экстремальных условиях профессиональной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 7–13.
7. *Редина Т.В.* Эмоциональное выгорание педагогов коррекционных образовательных учреждений // Знание Понимание. Умение. 2010. № 1. С. 222–227.
8. *Солдатова Е.Л., Шевченко А.А.* Взаимосвязь психического выгорания и показателей статусов эго-идентичности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Психология. 2013. Т. 3. № 3. С. 13–16.
9. *Щербинина О.А.* Асоциальная личность как объект исследования современной психологии // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 4. С. 281–285.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЕЛЫ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ОТДЕЛАМИ БЕЗОПАСНОСТИ С ДРУГИМИ СЛУЖБАМИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ РЕЖИМА И НАДЗОРА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РФ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ

Д. В. Горбач

Аннотация: автор статьи отмечает, что в последние годы произошли серьезные изменения в криминальном составе контингента уголовно-исполнительной системы и вопросы взаимодействия отделов и служб исправительных колоний по обеспечению порядка и безопасности выходят на первый план. Исправительные колонии как вид исправительных учреждений в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года предполагается реорганизовать в тюрьмы, которые предполагают наиболее высокую степень изоляции осужденного от общества и предназначены для содержания лиц, отличающихся повышенной степенью общественной опасности, высоким уровнем социально-нравственной запущенности. Именно эта категория криминально опасных лиц представляет реальную угрозу для безопасности общества и одновременно является если не совсем безнадежной, то крайне трудной категорией в плане исправительно-го воздействия.

Ключевые слова: взаимодействие, отделы и службы, обеспечение режима, отделы безопасности, осужденные, исправительные учреждения.

При организации эффективного взаимодействия отделов безопасно-

сти (режима) с другими службами по обеспечению режима в учреждениях УИС важное значение приобретает правильное определение его эффективности.

В настоящее время термин «эффективность» широко применяется в технике, экономике, праве и других отраслях знаний. В большинстве случаев под эффективностью понимаются результативность, действенность, достижение поставленных задач. Такое определение эффективности дается в Большой советской энциклопедии, толковых словарях русского языка В.И. Даля и С.И. Ожегова.

Вместе с тем в литературе по науке управления можно встретить более развернутое определение эффективности. В его содержание включаются не только достижение поставленных задач, но и выполнение их с минимальными затратами материальных средств, человеческой энергии и времени. Иными словами, необходимо не просто выполнить поставленные задачи, но и сделать это наиболее оптимальным способом. Такое определение эффективности является более полным.

Совершенствование организации взаимодействия структурных подразделений исправительного учреждения, по мнению некоторых ученых-пенитенциаристов, вызвано:

- отсутствием или недостаточностью правового регулирования отдельных вопросов организации взаимодействия;

- некомпетентностью в вопросах организации взаимодействия ряда руководителей исправительных учреждений и структурных подразделений;

- слабой служебно-боевой подготовкой сотрудников исправительных учреждений к совместным действиям в различной оперативной обстановке или полной неготовностью к ним;

- отсутствием методического обеспечения по организации взаимодействия.

Эффективность взаимодействия отделов и служб определяется через результативность их действий в ходе достижения установленных целей по обеспечению порядка в исправительной колонии (ИК). Показатели, на которые ориентируется эффективность взаимодействия, должны отражать степень качества изучаемого явления, а эталон оценки эффективности можно рассматривать в постановке и достижении конкретных результатов. Следовательно, полученные результаты представляют интерес с точки зрения изучения их эффективности в соотношении с поставленными перед взаимодействием целями.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что эффективность взаимодействия — это свойство, характеризующее результативность достижения поставленных перед отделами и службами целей в ходе их согласованной работы по обеспечению порядка в исправительной колонии.

Для теории и практики исполнения наказаний интересна проблема оценки

эффективности взаимодействия. Система оценки эффективности взаимодействия отделов и служб в исправительной колонии представляет собой основанную на совокупности методологических и методических положений деятельность, направленную на измерение фактических результатов осуществления взаимодействия по достижению цели обеспечения порядка в ИК.

Структурные подразделения учреждения УИС действуют в пределах своей компетенции, используя соответствующие силы, средства и методы. Успех деятельности зависит от согласованности их действий.

Деловое, творческое взаимодействие всех отделов и служб в процессе организации разносторонней деятельности ИК носит объективный характер. Оно обусловлено:

- общностью задач, решаемых всеми отделами и службами ИК;

- осуществлением деятельности отделов и служб ИК в одних и тех же условиях и направленностью ее в отношении одних и тех же лиц из числа осужденных;

- различием компетенций частей и служб ИК и имеющихся в их распоряжении сил, средств и методов борьбы с правонарушениями среди осужденных.

Однако взаимодействие не проявляется само собой, а возникает через субъективную деятельность руководителей отделов и служб учреждения. В связи с этим их задача состоит в организации и поддержании четкого и непрерывного взаимодействия. Организационная структура этой службы спроектирована таким образом, чтобы обеспечивать четкую согласованность де-

ятельности всех звеньев по обеспечению порядка, надзора, охраны и безопасности в учреждении.

Отделы безопасности привлекают всех сотрудников колонии к осуществлению мероприятий по укреплению правопорядка, устранению причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Предупреждение и пресечение антиобщественных поступков и преступлений осужденными возможно только при объединении усилий всех служб и отделов под руководством службы безопасности. Основными требованиями для обеспечения эффективного взаимодействия по обеспечению порядка в ИК являются:

- строгое определение функций каждой службы учреждения УИС, реализация которых связана с обеспечением порядка в учреждении;
- выявление проблем и задач по обеспечению порядка, успешное решение которых требует комплексного использования сил и средств;
- установление субъектов взаимодействия;
- уточнение функций каждого из взаимодействующих субъектов;
- обеспечение согласованности в использовании сил и средств;
- информационное обеспечение взаимодействующих сторон;
- обеспечение координации деятельности взаимодействующих служб.

Основными причинами слабого взаимодействия в исправительных учреждениях являются:

- слабая нормативная регламентация взаимодействия;
- слабая осведомленность сотрудников одних структурных подразделе-

ний о функциональных обязанностях других подразделений;

- плохой уровень организации информационного обеспечения;
- незнание сотрудниками принципов взаимодействия.

На основании приведенных положений, по нашему мнению, в целях совершенствования взаимодействия по обеспечению режима в исправительных учреждениях необходимо:

- при разработке должностных инструкций для сотрудников отделов и служб учреждения четко указывать порядок взаимодействия в целях обеспечения режима между ними;
- внести изменения в процесс планирования обучения сотрудников учреждений УИС, а также служебно-боевую подготовку сотрудников отделов безопасности (режима), в планы учений и практических занятий, ориентируя их на вопросы взаимодействия при практических действиях всех служб;
- планирование раз в квартал и проведение в исправительных учреждениях тактико-специальных занятий по действиям при нарушениях режима отбывания наказания с целью отработки тактики и вопросов взаимодействия сотрудников отделов безопасности (режима) и других отделов и служб ИУ;
- разработку единых, научно обоснованных методик обучения и переподготовки руководителей отделов безопасности (режима) исправительных учреждений, включение в учебные программы вопросов по организации взаимодействия и совместным действиям с другими службами в различных условиях;

– внесение в учебные планы, рабочие учебные программы и тематические планы изучения профильных дисциплин образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России, вопросы организации взаимодействия между структурными подразделениями учреждения УИС.

Литература

1. Горбач Д.В. Некоторые вопросы условно-досрочного освобождения лиц, которым смертная казнь заменена в порядке помилования // Человек: преступление и наказание. 2011. № 4. С. 54–55.

2. Ворощук В.Б. Историко-правовой анализ функционирования колоний-поселений (с мо-

мента образования по 2001 г.] // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 129–134.

3. Стрелков Д.О. Особенности подготовки молодых специалистов в области организации режима и надзора в исправительных учреждениях // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1(88). С. 155–160.

4. Хабаров А.В. Организация и правовые основы деятельности подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению безопасности осужденных и персонала в условиях модернизации инженерно-технических средств : дис.... канд. юрид. наук. Псков, 2011. 224 с.

5. Организация управления в уголовно-исполнительной системе : учебник : в 3 т. / под общ. ред. В.У. Ялунина; науч. ред. В.М. Анисимков, Б.Б. Казак, Н.П. Барабанов. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. Т. 3: Специальная часть. 427 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ АНТИКРИЗИСНОЙ ПЕРЕГОВОРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В. В. Вахнина

Аннотация: автором представлено теоретическое обоснование развития антикризисной переговорной компетентности сотрудников органов внутренних дел. Одной из психологических причин (и условий) возникновения кризисных ситуаций в переговорной деятельности органов внутренних дел является отсутствие или недостаточная профессионально-психологическая подготовка сотрудников. Антикризисная переговорная компетентность сотрудников органов внутренних дел — это динамически изменяющееся профессионально значимое интегральное личностное образование, состоящее из личност-

ных качеств, навыков и умений, определяющее сознательное отношение и конструктивное построение антикризисного переговорного процесса. Для ее развития необходимы: знание компонентов и структуры антикризисной переговорной компетентности; умение вести вербальный и невербальный обмен информацией; умение проводить диагностирование психологических свойств и качеств собеседника, определять эффективные стратегии, тактики и психотехники, взаимодействовать с субъектами переговоров, организовывать их совместную коммуникативную деятельность для достижения определенных це-

лей переговоров; готовность к применению знаний и умений, присущих антикризисной переговорной компетентности; эмоционально-волевая регуляция в процессе переговоров; желание успешного (антикризисного) ведения переговоров.

Антикризисная переговорная компетентность вырабатывается путем развития базовой переговорной компетентности и ее дальнейшей специализации. Сформированная антикризисная переговорная компетентность позволяет более успешно проводить переговоры, предупреждая возникновение кризисных переговорных ситуаций.

Ключевые слова: профессионально-психологическая подготовка; подготовленность; антикризисная переговорная компетентность; кризисная ситуация.

Одним из путей профилактики и преодоления кризисов переговорной деятельности является профессионально-психологическая подготовленность сотрудников органов внутренних дел к переговорам с преступниками. Анализ практики переговоров сотрудников органов внутренних дел в ситуациях, связанных с фактом совершения преступления, показал, что необходимо совершенствовать профессионально-психологическую подготовку сотрудников, проводить обучение «системному видению переговорной ситуации».

Проведенный анализ переговоров в ситуации, связанной с фактом совершения преступления, показал необходимость разработки концептуально-методических основ двух видов профессионально-психологической подготовки сотрудников ОВД к перегово-

ворной деятельности с преступниками: общей переговорной компетентности и специальной — антикризисной переговорной компетентности.

Профессионально-психологическая подготовка ориентирована на повышение гибкости профессиональных навыков и умений, обеспечение их качественного функционирования при высокой психической напряженности в различных переговорных ситуациях; формирование умений и навыков использования психологических средств воздействия и приемов составления психологического портрета, психологического наблюдения, визуальной психодиагностики, установления психологического контакта в ситуации затрудненного общения.

Практика свидетельствует о том, что успешность проявления профессиональных навыков и умений в кризисной ситуации во многом зависит от развитости профессионально-психологических качеств личности переговорщика. В рамках проведенного исследования перечень профессионально важных качеств выявляется путем оценки психологических особенностей личности специалиста-переговорщика, успешно проводившего переговоры с преступниками. Кроме того, методом исследования является анализ специфики преодоления кризисов переговорных ситуаций, возникающих во время террористических актов и других кризисных ситуаций. Наиболее важными интегративными качествами для переговорщика являются развитый интеллект, обеспечивающий способность к анализу и прогнозу динамики событий, высокая стрессоустойчивость, базирующаяся на уме-

нии формировать ресурсное состояние и креативность, способствующая проявлению надситуативной активности, а также толерантность, эмпатия и интуиция.

В силу разнообразия ситуаций и уровня их кризисности возникает необходимость, с одной стороны, вводить повышенные требования к профотбору и проводить специализацию переговорщиков, а с другой — обеспечить применение максимально приближенных разнообразных форм и методик их подготовки к реальностям затрудненного переговорного процесса.

В процессе профессионально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел к переговорной деятельности в кризисных ситуациях, как установлено в ходе проведенных нами исследований, должны решаться следующие основные задачи:

а) ориентация в организации первоначальных действий органов внутренних дел в различных кризисных ситуациях, в том числе в ситуации захвата заложников;

б) формирование компетентности по ведению переговоров с преступниками на различных этапах спецоперации; усвоение особенностей выполнения задач сотрудниками на различных должностях: начальника оперативного штаба, руководителя группы ведения переговоров, переговорщика, психолога-эксперта;

в) изучение особенностей ведения переговоров с преступниками в различных ситуациях затруднений, связанных с фактом совершения преступления по различным мотивационным основаниям. Составление и анализ психологического портрета преступника.

Среди основных компонентов системы психологического обеспечения работы с переговорщиками следует выделять: отбор кандидатов с необходимыми профессионально важными качествами; обучение их приемам экспресс-диагностики актуальных психических состояний и личностных особенностей партнеров по переговорам; формирование навыков гибкости коммуникации и переговоров и оказания адекватного психологического воздействия; практическая отработка умений и навыков рефлексивного анализа в моделируемых и реальных условиях переговоров.

Профессионально-психологическая подготовка может осуществляться на лекционных, семинарских и практических занятиях в форме деловых (ролевых) игр. Антикризисная переговорная компетентность формируется и развивается в ходе практической деятельности (опыт практической деятельности), а также при прохождении специального курса и закреплении полученных знаний, умений и навыков в полевых условиях: на учениях или в реальной переговорной деятельности.

Подготовка переговорщиков включает в себя несколько уровней формирования переговорного профессионализма (переговорной эффективности): базовая коммуникативная подготовка; профессиональная переговорная компетентность; антикризисная переговорная компетентность переговорщика.

Анализ практики свидетельствует о том, что спонтанная поисковая активность субъекта переговоров, направленная на профилактику и разрешение кризисных ситуаций в переговорах, вы-

ражается в различных формах поведения: давление (противодействие) или игнорирование (уход). Наличие переговорной грамотности возникает после начальной переговорной подготовки, проявляющейся в осведомленности, позволяющей конструктивно решать проблемы и противоречия межличностного взаимодействия, без особого осознания и понимания механизмов, лежащих в их основе.

Профессиональная переговорная компетентность — это система научных знаний о переговорах и умений управлять ими, целенаправленно развиваемых в процессе специально организованного обучения применительно к ситуациям учебного и профессионального взаимодействия субъектов переговорного процесса, а также совместной деятельности.

Высшим уровнем переговорной подготовки является антикризисная переговорная компетентность личности сотрудника органов внутренних дел, под которой понимается динамически изменяющееся профессионально значимое интегральное личностное образование, состоящее из личностных качеств, навыков и умений, определяющее сознательное отношение и конструктивное построение антикризисного переговорного процесса. Антикризисная переговорная компетентность личности сотрудника органов внутренних дел выступает необходимым условием профессионального мастерства.

Итак, непредсказуемость и неповторимость переговоров с преступником в кризисных ситуациях требует знаний, устойчивых навыков, гибкости в ходе ведения диалога, а все это — резуль-

тат серьезной целенаправленной подготовки.

Выделенные нами психологические уровни формирования профессиональной переговорной эффективности позволили рассматривать личность специалиста-переговорщика, направленного на развитие профессиональных способностей и профессионально важных качеств, обеспечивающих конструктивное решение проблем межличностного взаимодействия в процессе ведения переговоров в различных ситуациях, связанных с фактом совершения преступления.

По нашему мнению, система подготовки переговорщиков носит комплексный характер и подразумевает привлечение различных специалистов. Динамичность, насыщенность и креативность — основополагающие принципы системы такой подготовки.

В настоящее время в различных подразделениях органов внутренних дел создаются группы ведения переговоров, деятельность которых направлена на разрешение конфликтных ситуаций без применения силы (антикризисные переговоры): взаимодействие с толпой, ведение переговоров в ситуации захвата заложников, переговоры с представителями общественно-политических организаций.

На практике руководители органов внутренних дел осуществляют управление группой ведения переговоров, координируют ее действия, однако им приходится достаточно часто лично вступать в переговоры, ведь ситуация, связанная с фактом совершения преступления, обусловленная необходимостью ведения переговоров с преступниками, может возникнуть непредвиденно, в лю-

бое время, на любой территории или объекте. Умение вести переговоры в экстремальных ситуациях — обязательное требование к значительному числу сотрудников органов внутренних дел.

Стихийно приобретенный сотрудниками органов внутренних дел опыт ведения переговоров без специального и целенаправленного обучения не всегда обеспечивает успех операции. Необходимо специальная подготовка, направленная на формирование и развитие переговорной компетентности сотрудников органов внутренних дел, гибкости поведенческих и коммуникативных реакций.

В ходе специальной психологической подготовки в наибольшей мере решаются вопросы по снижению числа элементов неизвестности в общей системе предстоящих действий, формируются и активизируются специфические качества, необходимые именно для выполнения данной задачи [2, с. 37, 40].

Формирование антикризисной переговорной компетентности, навыков реального взаимодействия с преступниками представляется наиболее сложным этапом подготовки специалистов-переговорщиков. Проблема состоит не только в том, что сложно смоделировать кризисную ситуацию, но и в том, что не всегда возможно предугадать все особенности ее дальнейшего развития. Как правило, анализ специфики переговоров осуществляется *post factum*. Восприятие и интерпретация произошедших событий имеют определенную степень субъективизма, что следует учитывать в ходе психологического анализа особенностей переговорного процесса.

Антикризисная переговорная компетентность, ее становление происходят в деятельности, которая развивает переговорное мастерство посредством включения в процесс реальной коммуникации, развитие коммуникативных навыков идет через многократное повторение действий и операций в условиях реально осуществляемой деятельности [3, с. 203].

Повышение эффективности переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел, преодоление кризисов в их переговорной деятельности предусматривают современное изучение особенностей этих кризисов в различных ситуациях, связанных с фактом совершения преступления (в частности, использование новых моделей переговоров, иных адаптационных возможностей, формирование переговорной компетентности (подготовленности) и готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям при чрезвычайных обстоятельствах), что обеспечит эффективное позитивное разрешение кризисных ситуаций и позволит значительно минимизировать возможные негативные последствия действий преступников.

Литература

1. Поздняков В.М. Профессионально-психологическая компетентность и психологическая культура юристов // Юридическая психология. 2010. № 3. С. 36–39.
2. Корчемный П.А. Психологическая подготовка летного состава к боевым действиям. М., 2012. 153 с.
3. Социальная коммуникация в современном мире: монография / под общ. ред. А.А. Деркача, Е.Б. Перельгиной. М., 2004. 446 с.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ РАЗНЫХ КУРСОВ ОБУЧЕНИЯ

В. В. Шарок

Аннотация: в статье приведен анализ различных подходов к пониманию сущности процесса социально-психологической адаптации студентов, представлены результаты эмпирического исследования особенностей адаптации студентов разных курсов обучения: рассмотрены общие характеристики процесса социально-психологической адаптации студентов, проанализированы гендерные особенности и различия в группах с низким и высоким уровнем социально-психологической адаптации.

Ключевые слова: социально-психологическая адаптация, копинг-стратегии, психологические защиты, удовлетворенность учебным процессом.

Актуальность исследования социально-психологической адаптации студентов обусловлена ее влиянием на успешность их обучения в университете и включенность в студенческую жизнь. Изменения, происходящие в жизни первокурсников, могут иметь не только позитивный, но и негативный характер: вызывать эмоциональный дискомфорт, тревогу, влиять на успеваемость и удовлетворенность учебным процессом. В ходе обучения в университете студенты постепенно адаптируются к новым условиям, однако специфика процесса адаптации отражается на их дальнейшей судьбе. В связи с этим для проведения эффективных мероприятий, направленных на повышение социально-психологической адаптации студентов,

важно знать факторы, которые способствуют и препятствуют процессу адаптации.

Изучению адаптации студентов посвящено много научных работ. Авторы сходятся во мнении о том, что это сложное, многофакторное явление, но выделяют различные его составляющие. Так, одни под адаптацией студента понимают процесс приведения основных параметров его социальных и личностных характеристик в состояние динамического равновесия с новыми условиями вузовской среды как внешнего фактора по отношению к студенту [6], в частности, выделяя в сфере адаптации студентов познавательный и коммуникативный аспекты как основные направления учебной деятельности [10].

Другие авторы указывают на конкретные психологические особенности: значимость самооценки студента как показателя его способности к учебной адаптации [2]; динамику развития внимания, памяти и образного мышления [13].

Важно отметить и то, что в литературе существует разделение субъективного и объективного критериев успешности адаптации. Субъективный критерий определяется как степень осознанной или неосознанной удовлетворенности исполнителя различными аспектами жизнедеятельности и самим собой. В качестве же объективного критерия рассматривают эффективность деятельности, которую трактуют как определенный уровень продуктивности, ре-

зультативности деятельности [12].

По другим данным, адаптация студентов связана с преодолением трудностей вхождения в новую социальную среду, установлением внутригрупповых отношений, приспособлением к новым формам обучения [10].

В психологической адаптации студентов различают следующие виды: адаптацию к условиям учебной деятельности (приспособление к новым формам преподавания, контроля и усвоения знаний, к иному режиму труда и отдыха, самостоятельному образу жизни); адаптацию к группе (включение в коллектив сокурсников, усвоение его правил, традиций); адаптацию к будущей профессии (усвоение профессиональных знаний, умений и навыков, качеств) [7].

Таким образом, адаптация к вузу — это сложный и многофакторный процесс, который выражается в студенческом адаптационном синдроме, особенности которого проявляются в зависимости от организации обучения в вузе и от личностных особенностей студентов [4].

К факторам, способствующим адаптации, относятся осмысленность жизни, низкая агрессивность и тревожность, устойчивое положительное отношение к окружающей действительности, субъективное чувство удовлетворенности социальными отношениями, трудом, жизнью. К факторам, препятствующим адаптации, можно отнести трудности в общении, сложные взаимоотношения в новом коллективе, переживания [14].

С социально-психологической адаптацией тесно связаны копинг-стратегии и психологические защиты личности.

Необходимость адаптации к новым условиям может восприниматься студентами как стрессовый фактор, в результате чего они демонстрируют совладающее поведение или прибегают к неосознаваемым психологическим защитами.

Конкретными причинами стресса у студентов вуза могут стать проблемные ситуации, связанные со сложностью изучения специальных дисциплин, избытком информации для освоения во внеаудиторное время, эмоциональное общение с новыми людьми, однокурсниками и преподавателями. В связи с этим возникают состояния острого и хронического напряжения, которые нередко являются причиной нарушения адаптации и провоцируют развитие болезней [5].

Если эмоциональная напряженность достигает чрезвычайно сильной выраженности, то защитные механизмы личности начинают использоваться или сверхинтенсивно, или, напротив, не справляются с ней, в результате чего появляется социально-психологическая дезадаптация [9].

Ряд исследователей выделяют оптимальные копинг-стратегии, способствующие скорейшей адаптации студентов. Так, оптимальными для преодоления кризиса учебной адаптации являются проблемно-ориентированный стиль, субстиль «социальное отвлечение» и ситуационные копинг-стратегии «планирование решения проблемы», «ассертивные действия», «положительная переоценка», а также низкая выраженность или отсутствие в совпадающем поведении стиля, ориентированного на избегание, эмоционально-ориентированного сти-

ля и копинг-стратегий «принятие ответственности» и «импульсивные действия» [11].

Существуют различия в выраженности копинг-стратегий у иногородних студентов в зависимости от длительности пребывания в городе, где происходит обучение [3], и дальнейших намерений остаться в этом городе или вернуться домой [8].

Сохранность личностной адаптации или нарастание проявлений дезадаптации у студентов зависят от структуры личности, преобладания позитивных или деструктивных механизмов психологической защиты, от выраженности позитивных или негативных копинг-механизмов.

В группе студентов со стойкими проявлениями дезадаптационных процессов выражена нестабильность механизмов психологической защиты, а именно регрессии, вытеснения и отрицания, что способствует формированию аномального реагирования в диапазоне от личностного, далее к патопсихологическому, до фрагментарного и эпизодического психопатологического реагирования [1].

Таким образом, изучая проблему социально-психологической адаптации студентов, важно учитывать разные факторы: социально-демографические характеристики студентов, особенно их межличностных отношений и индивидуально-психологические особенности.

Цель исследования: выявление особенностей социально-психологической адаптации студентов разных курсов обучения.

Предмет исследования: социально-психологическая адаптация и связан-

ные с ней психологические особенности студентов 1-го, 2-го и 4-го курсов.

Объектом исследования стали студенты Национального минерально-сырьевого университета «Горный»: 30 студентов 1-го курса (21 девушка и 9 юношей, средний возраст = 18,12, SD = 1,64); 27 студентов 2-го курса (22 девушки и 5 юношей, средний возраст = 18,62, SD = 0,74) и 30 студентов 4-го курса (27 девушек и 3 юношей, средний возраст = 20,73, SD = 0,52). Общее число респондентов: 87 человек.

Методы исследования: 1) психодиагностические: авторская анкета, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджера и Р. Даймонда, опросник Плутчика — Келлермана — Конте Life Style Index, опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса; 2) статистические: таблицы сопряженности с использованием критерия Хи-квадрата Пирсона, корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции r Спирмена, сравнительный анализ с использованием t -критерия Стьюдента для независимых выборок, дисперсионный анализ с использованием F -критерия Фишера. Статистическая обработка результатов осуществлялась с помощью программы Statistica 6.0.

Проведенное эмпирическое исследование социально-психологической адаптации студентов позволило выявить некоторые особенности этого феномена. Результаты анкетирования следующие.

31% студентов являются жителями Санкт-Петербурга, 69% приехали из других городов. 35,6% студентов живут с родителями, 58,7 — в общежи-

тии, 3,4 — самостоятельно в отдельной квартире, 2,3% снимают комнату.

В качестве причины выбора университета 41,4% студентов указали высокий рейтинг и престиж Горного университета, возможность получить качественное образование; 28,7 — что таково было их желание; 12,6 — отметили, что получают нужную профессию; 9,2 — получили рекомендацию от кого-либо из близких поступать в Горный университет; 4,5 — считают обучение в Горном университете перспективным; 2,3% в качестве причины указали высокий профессионализм преподавателей.

33,3% опрошенных студентов полностью удовлетворены учебой в университете, 40,2 — скорее удовлетворены, 20,7 — выбрали средний вариант между удовлетворенностью и неудовлетворенностью, 3,4 — скорее не удовлетворены, 2,3 — полностью не удовлетворены. 44,9% студентов полностью удовлетворены своей учебной группой, 31,0 — скорее удовлетворены, 17,2 — выбрали нечто среднее между удовлетворенностью и неудовлетворенностью, 4,6 — скорее не удовлетворены, 2,3% полностью не удовлетворены. Свой социальный статус в группе 24,2% студентов оценивают как высокий, 70,1 — как средний, 3,4 — как низкий, 2,3% воздержались от ответа.

Основные отличия учебы в университете от учебы в школе, по мнению опрошенных студентов, следующие: 27,6% отмечают, что в университете больше ответственности, 17,2 — полагают, что учеба в университете серьезней, 17,2 — отмечают наличие свободы, 15,0 — большой объем самостоятельной работы, 6,9 — отмечают, что учеба в университете интереснее, 6,9 — ука-

зали на большее количество информации, 3,4 — отметили, что учиться в университете хуже, 5,7% затруднились с ответом.

Ожидания от учебы в Горном университете распределились следующим образом: 46% студентов ожидают получения качественного образования, 20,7 — получения диплома о высшем образовании, 8,0 — возможности перспективного трудоустройства, 6,9 — интересного обучения, 6,9 — новых друзей, 3,4 — чуда, 2,3 — возможности самореализации, 2,3 — сложности, 1,1 — легкости в обучении, 1,1 — необходимости переучиваться, 1,1% — уверенности.

60,9% студентов отметили, что получают достаточно информации от куратора группы, 39,1% — что информации недостаточно, 81,6 — чувствуют себя свободно с преподавателями, 18,4% — нет.

Способствует адаптации первокурсников, по мнению опрошенных, следующее (%): взаимодействие с преподавателями (36,6), взаимодействие с одноклассниками (28,6), университетская атмосфера (12,6), совместные университетские мероприятия (10,3), личные особенности (9,2), необходимая информация (5,7), время (4,6), интерес студентов (1,1), внеучебные мероприятия (1,1), учеба (1,1).

В качестве факторов, мешающих адаптации первокурсников, опрошенными были выделены следующие (%): личные особенности студентов, мешающие установлению взаимоотношений (31), новые требования (18,3), организационные моменты (17,2), произошедшие изменения (16), отношение старшекурсников (6,8), высокомерие

других студентов (3,4), чрезмерная концентрация на учебе (1,1), недостаточный уровень знаний (1,1). 13,8% опрошенных отметили, что адаптации первокурсников ничего не мешает.

Тревогу или напряжение у студентов вызывают следующие ситуации (%): учебные требования (сессия, курсовые работы, рефераты) (63,2), организационные моменты (в основном очереди) (9,1), конфликтные отношения с преподавателями (9,1), недостаточное количество информации (5,7), публичные выступления (3,4), нехватка времени (2,3), одноклассники (1,1). 11,5% опрошенных студентов отметили, что в процессе учебы у них ничего не вызывает тревоги или напряжения.

Средние значения по методике диагностики социально-психологической адаптации К. Роджера и Р. Даймонда следующие (учитывались интегральные показатели и результаты по шкалам, интегральные показатели для которых не предусмотрены): адаптация = 64,51 (SD = 10,09), лживость = 26,06 (SD = 9,71), самопринятие = 74,68 (SD = 15,04), принятие других = 65,18 (SD = 16,01), эмоциональный комфорт = 59,29 (SD = 16,61), интернальность = 63,51 (SD = 14,21), стремление к доминированию = 54,96 (SD = 15,36), эскапизм = 14,87 (SD = 5,89).

Были обнаружены различия в группах с высокой и низкой адаптацией. Группу с низкой адаптацией составили студенты, показатели адаптации которых были ниже 56 (25% выборки), а группу с высокой адаптацией — студенты с показателями адаптации выше 69 (также 25%). Оставшиеся 50% находятся в пределах средних значений.

Выявлены возрастные различия студентов с низким и высоким уровнем адаптации: средний возраст студентов с высоким уровнем адаптации меньше ($B = 18,69$; $H = 19,61$; $t = 2,21$; $p \leq 0,05$). При этом статистически значимых различий по курсу обучения в зависимости от степени адаптации не обнаружено.

Предполагается, что по мере обучения в университете студенты постепенно адаптируются к новым условиям, тем не менее уровень психологической адаптации как черты личности напрямую не связан с курсом обучения, но связан с возрастом студентов. На одном курсе могут обучаться студенты разного возраста. Нормы, предусмотренные для подростков и для взрослых по методике К. Роджера и Р. Даймонда, различны, и для подростков они выше, чем для взрослых. Этим и могут быть объяснены полученные различия: первокурсники обладают более высоким уровнем адаптации потому, что их средний возраст меньше, чем у студентов других курсов. При этом показатели психологической адаптации на 2-м и 4-м курсе одинаковые.

Обнаружены различия в копинг-стратегиях и психологических защитах в зависимости от уровня адаптации. Так, в группе с низким уровнем адаптации сильнее выражена копинг-стратегия «бегство-избегание» ($B = 43,66\%$; $H = 66,38\%$; $t = 3,12$; $p \leq 0,01$) и психологическая защита «регрессия» ($B = 34\%$; $H = 54,14\%$; $t = 2,59$; $p \leq 0,05$), и менее выражена психологическая защита «отрицание» ($B = 42,57\%$; $H = 28,35\%$; $t = -2,35$; $p \leq 0,05$).

Копинг-стратегия «бегство-избегание» и психологическая защита «ре-

грессия» в чем-то похожи. Стратегия бегства-избегания предполагает неконструктивные формы поведения в стрессовых ситуациях: отрицание либо полное игнорирование проблемы, уклонение от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, пассивность, нетерпение, вспышки раздражения, погружение в фантазии, переедание, употребление алкоголя с целью снижения эмоционального напряжения. Регрессия связана с бессознательным обращением к более ранним, менее зрелым и менее адекватным образцам поведения, которые кажутся человеку гарантирующими защиту и безопасность. Регрессия часто связана с легкой сменой настроения, инфантильностью, употреблением психоактивных веществ, в тревожной ситуации с повышенной сонливостью и умеренным аппетитом. Таким образом, бегство-избегание и регрессия являются дезадаптивными способами поведения, поскольку они не помогают решить возникающие проблемы.

Достаточно высокий уровень отрицания у студентов с высоким уровнем психологической адаптации может быть объяснен следующим образом. Согласно одной из концепций механизмы психологической защиты являются продуктами онтогенетического развития и научения. Они развиваются как специфические средства социально-психологической адаптации и предназначены для совладания с эмоциями различной модальности. В частности, отрицание нужно для совладания с эмоцией принятия [9]. С помощью отрицания сознательно непереносимые мысли,

желания, факты и поступки отрицаются путем бессознательного отказа от них. Реальное оказывается как бы несуществующим или трансформируется так, что более не является неприятным или болезненно переживаемым. Таким образом, отрицание способствует адаптации студентов.

Студенты с высоким уровнем адаптации в большей степени удовлетворены учебой в университете ($B = 4,21$; $H = 3,57$; $t = -2,27$; $p \leq 0,05$) и на уровне статистической тенденции в большей степени удовлетворены своей учебной группой ($B = 4,34$; $H = 3,76$; $t = -1,91$; $p = 0,06$) и объемом информации, получаемым от куратора группы ($B = 0,56$; $H = 0,28$; $t = -1,9$; $p = 0,06$).

Удовлетворенность учебой и своим социальным окружением является одним из показателей успешной адаптации, что подтверждает выраженность адаптации как психологической особенности личности.

Студенты с низким уровнем адаптации несколько чаще отмечают в качестве причины выбора Горного университета рекомендации близких людей ($B = 8,7\%$; $H = 19,05\%$), а также затрудняются назвать какую-то конкретную причину выбора, отмечая, что просто так захотели ($B = 17,39\%$; $H = 23,81\%$), или вообще не дают ответа ($B = 0\%$; $H = 9,52\%$), в то время как большинство студентов с высоким уровнем адаптации отмечают, что выбрали Горный университет, так как он лучший ($B = 56,52\%$; $H = 33,33\%$).

Студенты с высоким уровнем адаптации чаще ожидают от учебы в университете получения качественного образования, в то время как студенты с низким уровнем — и качественного образо-

вания ($B = 57,89\%$; $H = 28,57\%$), и просто получения диплома ($B = 10,53\%$; $H = 28,57\%$).

Таким образом, осознанный самостоятельный выбор университета и ожидание получения именно качественного образования связаны с успешной последующей адаптацией. Наличие целей и понимание путей их достижения характеризует хорошо адаптированную личность.

Существенных различий в понимании факторов, способствующих и препятствующих адаптации, не обнаружено, однако выявлены различия в ситуациях, вызывающих тревогу. Студенты с низким уровнем адаптации чаще отмечают в качестве тревожащих ситуации, связанные с проблемами межличностного общения: конфликты с преподавателями ($B = 0\%$; $H = 10,53\%$) и одноклассниками ($B = 0\%$; $H = 5,26\%$). Проблемы в межличностном общении являются серьезным препятствием для успешной адаптации.

При помощи дисперсионного анализа и анализа таблиц сопряженности были выявлены различия между студентами, обучающимися на разных курсах.

Удовлетворенность учебой в университете максимальна на 1-м курсе ($1к = 4,62$, $2к = 3,5$, $4к = 3,73$; $F = 13,64$, $p \leq 0,001$). Наблюдается тенденция снижения удовлетворенности группой по мере обучения в университете ($1к = 4,66$, $2к = 4,15$, $4к = 3,61$; $F = 10,30$, $p \leq 0,001$) и принятия других ($1к = 71,25$, $2к = 63,65$, $4к = 60,53$; $F = 3,51$, $p \leq 0,05$). Психологическая адаптация выше у первокурсников, причем на 2-м и 4-м курсе она одинаковая ($1к = 68,29$, $2к = 62,53$, $4к = 62,50$; $F = 3,25$, $p \leq 0,05$).

Данные различия могут быть объяснены возрастными особенностями в выраженности адаптации и принятия других как личностных характеристик. Принятие других выражается в более высокой оценке удовлетворенностью своим окружением, группой, что, в свою очередь, является одной из составляющих успешной социально-психологической адаптации.

Кроме того, выявлены различия в объяснении причин поступления в Горный университет. Первокурсники в основном в качестве причины выбора указывают, что Горный университет является лучшим ($1к = 72,41\%$, $2к = 29,63\%$, $4к = 23,33\%$), студенты 2-го курса в основном не дают аргументированного ответа, указывая, что просто так захотели ($1к = 10,34\%$, $2к = 51,85\%$, $4к = 26,67\%$), студенты 4-го курса чаще отмечают, что им порекомендовали поступать именно в этот университет ($1к = 0\%$, $2к = 0\%$, $4к = 26,67\%$) ($\chi^2 = 41,51$; $p \leq 0,001$). От обучения в университете первокурсники в основном ожидают получения качественного образования ($1к = 55,56\%$, $2к = 33,33\%$, $4к = 42,86\%$), в то время как студенты 2-го и 4-го курсов чаще, чем первокурсники, ожидают просто получения диплома о высшем образовании ($1к = 3,7\%$, $2к = 33,33\%$, $4к = 25\%$) ($\chi^2 = 42,02$; $p \leq 0,01$).

Полученные различия, возможно, отражают специфику каждой из учебных групп, обучающихся по разным направлениям подготовки, и не дают достаточного оснований для общих выводов.

Способствовать адаптации, по мнению первокурсников, может проведение совместных мероприятий

(1к = 20,69%, 2к = 4,76%, 4к = 0%) (Хи-квадрат = 41,51; $p \leq 0,05$). В качестве фактора, препятствующего адаптации, первокурсники чаще отмечают личностные особенности, негативно влияющие на межличностные отношения (1к = 34,78%, 2к = 25,93%, 4к = 23,08%), и реже учебные требования (1к = 4,35%, 2к = 29,63%, 4к = 19,23%) (Хи-квадрат = 28,08; $p \leq 0,05$). Соответственно учебные требования реже вызывают тревогу у первокурсников (1к = 48,15%, 2к = 58,33%, 4к = 79,31%) (Хи-квадрат = 31,51; $p \leq 0,01$).

Опрос испытуемых проводился в самом начале учебного года, что сказалось на полученных результатах. Первокурсники на тот момент еще не установили прочных межличностных отношений и испытывали потребность в установлении новых дружественных контактов. Учебные требования не так часто вызывают у них тревогу и не мешают адаптации, поскольку обследуемые первокурсники мотивированы на учебу и получение качественного образования и находятся только в начале учебного процесса, не зная, легко или трудно им будет учиться.

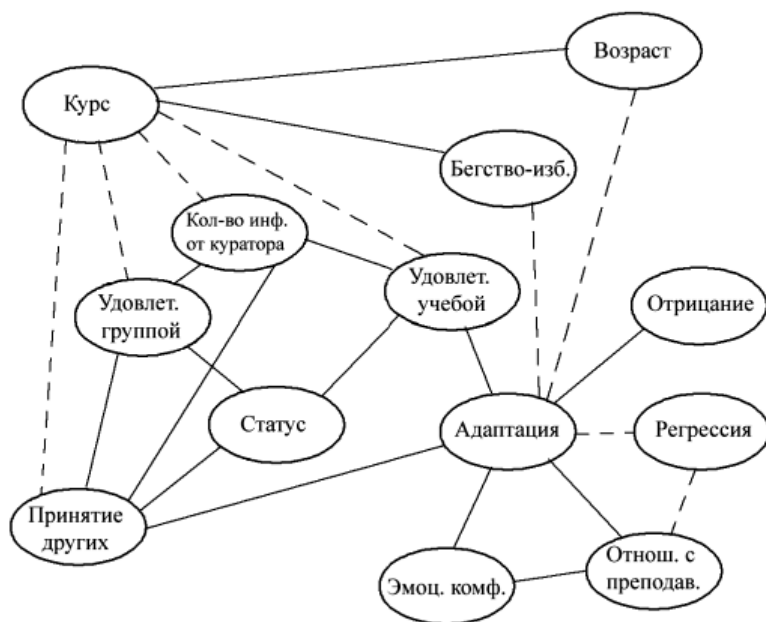
Были обнаружены гендерные различия в личностных особенностях, связанных с социально-психологической адаптацией студентов, и по одному из объективных показателей адаптации к университету. Сравнительный анализ показал, что у девушек сильнее выражены такие копинг-стратегии, как «дистанцирование» ($\text{Ю} = 24,4\%$; $\text{Д} = 49,8\%$; $t = 3,18$; $p \leq 0,01$) и «Поиск социальной поддержки» ($\text{Ю} = 46,2\%$; $\text{Д} = 68,73\%$; $t = 3,39$; $p \leq 0,01$), а также психологическая защита «регрессия» ($\text{Ю} = 29,25\%$; $\text{Д} = 49,87\%$; $t = 2,3$; $p \leq 0,05$). На уровне ста-

тистической тенденции юноши больше удовлетворены учебой в университете ($\text{Ю} = 4,37$; $\text{Д} = 3,88$; $t = -1,89$; $p = 0,06$). Можно предположить, что у девушек подобное сочетание копинг-стратегий и психологических защит не самым лучшим образом сказывается на способности к адаптации.

В результате анализа таблиц сопряженности были выявлены гендерные различия в понимании основных различий между школой и университетом. Так, девушки значительно чаще отмечают, что учеба в университете связана с большей ответственностью ($\text{Ю} = 0\%$; $\text{Д} = 34,29\%$) и большим объемом самостоятельной работы ($\text{Ю} = 6,25\%$; $\text{Д} = 17,14\%$), в то время как юноши чаще считают учебу в университете более интересной ($\text{Ю} = 25\%$; $\text{Д} = 2,86\%$) или затрудняются в выделении различий ($\text{Ю} = 18,75\%$; $\text{Д} = 2,86\%$) (Хи-квадрат = 23,55; $p \leq 0,01$).

Подход девушек к учебе можно охарактеризовать как более осознанный и ответственный. Для них более важными являются интеллектуальные и волевые характеристики учебного процесса, в то время как интерес к учебе у юношей может объяснять их большую по сравнению с девушками удовлетворенность обучением в университете.

Корреляционный анализ подтвердил данные, полученные с помощью других анализов, и показал наличие следующих взаимосвязей: обратной взаимосвязи курса обучения с удовлетворенностью учебой ($r = -0,32$; $p \leq 0,01$) и своей группой ($r = -0,43$; $p \leq 0,001$), количеством информации от куратора ($r = -0,23$; $p \leq 0,05$), принятием других ($r = -0,24$; $p \leq 0,05$); пря-

Результаты корреляционного анализа

мой взаимосвязи удовлетворенности учебной со своим статусом в группе ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$), количеством информации от куратора ($r = 0,33$; $p \leq 0,01$), адаптацией ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$); прямой взаимосвязи удовлетворенности своей учебной группой со статусом в группе ($r = 0,30$; $p \leq 0,01$), количеством информации от куратора ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$), принятием других ($r = 0,48$; $p \leq 0,001$); обратной взаимосвязи адаптации с возрастом ($r = -0,30$; $p \leq 0,01$), копинг-стратегией «Бегство-избегание» ($r = -0,47$; $p \leq 0,01$), регрессией ($r = -0,37$; $p \leq 0,01$), прямой взаимосвязи адаптации с отрицанием ($r = 0,43$; $p \leq 0,05$) и комфортными отношениями с преподавателями ($r = 0,23$; $p \leq 0,05$); прямой взаимосвязи принятием других со статусом в группе ($r =$

$0,33$; $p \leq 0,01$), количеством информации от куратора ($r = 0,24$; $p \leq 0,05$); прямой взаимосвязи эмоционального комфорта и хороших отношений с преподавателями ($r = 0,25$; $p \leq 0,05$); обратной взаимосвязи среднего балла и эскапизма ($r = -0,30$; $p \leq 0,01$). Корреляционная плеяда, демонстрирующая перечисленные выше связи, представлена на рисунке.

Из корреляционного анализа следует, что различные компоненты адаптации взаимосвязаны между собой. При этом ключевыми составляющими являются переменные, относящиеся к межличностному взаимодействию: отношения с преподавателями и куратором группы, удовлетворенность группой и эмоциональное принятие других людей, социальный статус в группе.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Различия в адаптации студентов разных курсов объясняются возрастными особенностями и опытом, полученным в процессе обучения в университете. Адаптация как психологическая черта ярче выражена у первокурсников, что соответствует возрастным нормам.

2. Основным фактором, способствующим адаптации студентов к университету, является фактор межличностного общения: отношения с окружающими людьми (другими студентами и преподавателями), удовлетворенность своим окружением, статус в группе. В свою очередь, характер межличностных отношений определяется психологическими особенностями личности студента.

3. Осознанный подход к обучению, наличие целей и понимание путей их достижения характеризует хорошо адаптированную личность.

4. Существуют копинг-стратегии и психологические защиты, способствующие и препятствующие адаптации. К способствующим относится психологическая защита «отрицание», к затрудняющим — копинг-стратегия «бегство-избегание» и психологическая защита «регрессия».

5. Подход девушек к учебе является более осознанным и ответственным. Для них важны интеллектуальные и волевые характеристики учебного процесса, в то время как интерес к учебе у юношей может объяснять их большую по сравнению с девушками удовлетворенность обучением в университете.

Результаты данного исследования позволяют расширить имеющиеся

представления о процессе адаптации студентов и, как следствие, об удовлетворенности обучением в университете. Зная возможные причины дезадаптации студентов, можно устранять негативные факторы и тем самым повышать социально-психологическую адаптацию студентов и их удовлетворенность учебным процессом.

Литература

1. *Агличева И.В.* Комплексное исследование особенностей личностной адаптации студентов вуза: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Ставрополь, 2006. 233 с.

2. *Бабахан Ю.С.* Самооценка студента как показатель его способности к учебной адаптации // Психологические и социально-психологические особенности адаптации студента. Ереван, 1973. С. 21–25.

3. *Барлас Т.В.* Особенности психической адаптации к мегаполису и копинг-стратегий у студентов // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 26–28 сент. 2013 г.). Кострома, 2013. С. 12–13.

4. *Васильева С.В.* Адаптация студентов к вузам с различными условиями обучения // Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях: психология и педагогика в общественной практике: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000.

5. *Вражнова М.Н.* Система профессиональной адаптации студентов технических вузов в условиях взаимодействия «вуз-предприятие». М.: Технолиграфцентр, 2004. 179 с.

6. *Гришанов Л.К., Цуркан В.Д.* Социологические проблемы адаптации студентов младших курсов // Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов к учебному процессу в вузе. Кишинев, 1990. С. 29–41.

7. *Дубовицкая Т.Д., Крылова А.В.* Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование. 2010. № 2.

8. *Кузнецова С.А., Климов М.Н.* Изучение копинг-стратегий и осмысленности жизни у студентов вуза с разными миграционными установками // Психология стресса и совладающего поведения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 26–28 сент. 2013 г.). Кострома, 2013. С. 35–37.

9. Романова Е.С., Гребенников Л.Р. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика. Мытищи: Талант, 1996. 144 с.

10. Сиомичев А.В. Психологические особенности адаптации студентов в сфере познания и общения в вузе : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1985. 17 с.

11. Сорокина Ю.Л. Преодоление кризиса учебной адаптации студентами педагогического вуза : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 257 с.

12. Тарабрина Н.В., Лазебная Е.О. Успешность профессиональной деятельности и профессио-

нальная пригодность оператора // Психологический журнал. 1994. № 3.

13. Терещенко А.Г. Изменение особенностей психических процессов у студентов в связи с адаптацией к учебной деятельности // Адаптация учащихся и молодежи к трудовой и учебной деятельности. Иркутск, 1986. С. 89–103.

14. Чучелина Е.В. Психологические факторы социально-психологической адаптации студенческой молодежи в условиях вуза: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук. Самара, 2007. 168 с.

ВЛИЯНИЕ СПЕЦИФИКИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА СОСТОЯНИЕ ИХ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Н. Г. Самойлов, А. В. Алёшичева

Аннотация: целью представлено в статье исследования было изучение влияния на психическое здоровье сотрудников уголовно-исполнительной системы специфики их служебной деятельности. В работе приняли участие две группы лиц мужского пола в возрасте от 30 до 45 лет. Первая группа ($n = 31$) состояла из сотрудников оперативных подразделений, а вторая ($n = 29$) из работников финансовой службы. Диагностика симптомов эмоционального выгорания осуществлялась с помощью одной-и-той же методики В.В. Бойко. Кроме того, исследовались особенности их профессиональной деятельности.

В результате анализа полученных данных установлено, что ведущим психотравмирующим фактором являются условия служебной деятельности исследованных лиц. При этом у оперативников по сравнению с финансистами выявлено большее количество стрессоген-

ных влияний, негативно действующих на психическое здоровье.

В наибольшей степени эмоциональное состояние сотрудников уголовно-исполнительной системы отягощают такие симптомы, как тревога и депрессия, переживание обстоятельств, травмирующих психику, и эмоциональное отстранение. Доминирующими симптомами оказались психосоматические и психовегетативные нарушения, усиление которых (а это ярко выражено у сотрудников оперативных подразделений) ведет к ухудшению и ослаблению психического здоровья.

В статье обращено внимание на увеличение степени проявления такого симптома, как редукция профессиональных обязанностей. Объясняется это давлением на психику работников уголовно-исполнительной системы большого количества нормативно-правовых требований, в совокупности создающих так

называемый правовой пресс. Многолетние напряжения психики порождают усиление психологической защиты, проявляющейся в форме правового нигилизма, под которым понимается игнорирование сотрудниками ряда требований к выполнению служебных обязанностей или ослаблению тщательности их реализации.

Показано, что у оперативных сотрудников фаза «истощение» полностью сформировалась. Это означает, что у лиц из этих подразделений вследствие влияния стрессогенных условий несения службы происходит эмоциональное истощение. Результатом его возникновения может быть снижение резистентности и, как установлено, повышение уровня проявления психовегетативных и психосоматических нарушений. Кроме того, эмоциональное истощение влечет за собой возникновение предпатологических состояний и ухудшение психического здоровья сотрудников.

С целью укрепления и сохранения психического здоровья, от состояния которого зависят качество и эффективность профессиональной деятельности, рекомендуется разработать и систематически проводить социально-психологические тренинги, направленные на повышение уровня психического здоровья личного состава сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: *сотрудники уголовно-исполнительной системы, психическое здоровье, эмоциональное выгорание, правовой пресс, специфика служебной деятельности.*

Актуальность проблемы. Психологические исследования в уголовно-исполнительной системе большей ча-

стью направлены на изучение способов и методов воздействия на психику и поведение осужденных, обоснование их ресоциализации, психологической коррекции и т. п. В значительно меньшем количестве исследований ставится цель изучить особенности влияния специфики служебной деятельности на психологическую сферу и психическое здоровье, сопротивляемость психическим нарушениям, развитие предболезненных состояний сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС). В то же время имеющиеся данные литературы об особенностях службы в УИС свидетельствуют о том, что их профессиональная деятельность проходит в сложных, экстремальных, а иногда опасных условиях [2, 5, 10, 11]. При этом в ряде работ показано, что экстремальные и особые условия деятельности приводят к нарушениям в психике, снижению сопротивляемости, нарушению сна, развитию пред- и патологических состояний, а также к формированию негативных качеств личности и снижению эффективности профессиональной деятельности [4, 6, 7, 12, 13]. При этом в большинстве цитированных и других работ подчеркивается, что существенное значение для степени нарушения психики и психического здоровья работников имеет именно специфика профессиональной деятельности [1, 8].

Следовательно, при постановке задачи сохранения и улучшения психического здоровья сотрудников УИС первым этапом должно быть изучение влияния на психику особенностей их служебной деятельности, что освещено в единичных исследованиях. Это позволяет считать данную проблему актуаль-

ной, в связи с чем мы и предприняли настоящее исследование.

Цель исследования — установить влияние на психическое здоровье сотрудников уголовно-исполнительной системы специфики их служебной деятельности.

В авторском представлении под психическим здоровьем сотрудника УИС следует понимать такую организацию его психологической сферы, которая обеспечивает ему гармоничное взаимодействие с руководством и коллегами по службе, психологический комфорт в служебной среде, высокие адаптивные возможности к оперативной деятельности в экстремальных ситуациях, самоконтроль и психологическую стойкость к психотравмирующим факторам.

В исследовании приняли участие 60 сотрудников уголовно-исполнительной системы мужского пола в возрасте от 30 до 45 лет, имеющих трудовой стаж от 5 до 15 лет. Исследуемые лица составляли две группы: первая ($n = 31$) — это сотрудники оперативных подразделений, вторая ($n = 29$) состояла из сотрудников финансовой службы.

Исследование проводилось по плану научной работы Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова. Подбор для участия в исследовании сотрудников оперативных подразделений и финансовой службы обусловлен гипотетическим представлением о существенных различиях в специфике их служебной деятельности, влияние которой на психическое здоровье и предполагалось изучить.

Влияние специфики их профессиональной деятельности изучалось при

помощи контент-анализа. В результате было установлено, что служба оперативных сотрудников УИС сопровождается особыми и чрезвычайными ситуациями, такими как освобождение заложников, поиск лиц, совершивших побег, то есть она в отличие от деятельности работников финансовой службы требует ответственности за правомерность применения оружия, а сами сотрудники подвергаются возможности получения ранения и угрозе жизни.

Эмоциональное выгорание исследовалось путем применения методики диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко [3]. Анализ количественных данных производился с учетом рекомендаций Е.В. Сидоренко [9].

Результаты исследования. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что степень выраженности симптомов эмоционального выгорания у сотрудников исследованных групп существенно различается (табл.). Наиболее выраженными симптомами в фазе напряжения были тревога и депрессия. Различие между сотрудниками оперативной группы и финансовой службы по этим симптомам составляет 5,08 балла, то есть у первых тревога и депрессия проявляются в значительно большей степени. Необходимо отметить, что лица из этой же группы также переживают обстоятельства, которые травмируют психику более глубоко, чем их коллега из группы сравнения: разница составляет 4,09 балла.

Наименее выраженным оказался такой симптом, как недовольство собой: здесь различия между группами были равны 1,12 балла.

Следует отметить, что среди всех симптомов фазы напряжения симптом

**Показатели симптомов эмоционального выгорания
сотрудников уголовно-исполнительной системы (в баллах, $\bar{X} \pm m$, n = 60)**

Исследуемые симптомы	Группы сотрудников УИС		Уровень достоверности	
	Основная группа	Группа сравнения	t	p
	Фаза напряжения			
Тревога и депрессия	15,94±1,31	10,86±1,24	2,82	<0,01
Загнанность в клетку	7,75±0,36	6,53±0,31	2,65	<0,05
Недовольство собой	6,33±0,42	5,21±0,38	2,0	<0,05
Переживание психотравмирующих обстоятельств	14,30±0,84	10,21±0,62	3,90	<0,001
Фаза напряжения	44,32±3,80	32,81±3,70	2,17	<0,05
Фаза резистенции				
Неадекватное выборочное эмоциональное реагирование	12,40±0,85	9,63±0,79	2,40	<0,05
Эмоционально-моральная дезориентация	11,62±0,31	10,34±0,36	2,78	<0,01
Расширение сферы экономики эмоции	14,58±1,20	11,02±1,17	2,13	<0,05
Редукция профессиональных обязанностей	15,66±0,81	12,04±0,75	3,29	<0,01
Фаза резистенции	54,26±4,01	43,03±3,86	2,12	<0,05
Фаза истощения				
Эмоциональный дефицит	13,77±0,84	10,61±0,62	3,06	<0,01
Эмоциональное отстранение	14,32±1,23	10,80±1,12	2,12	<0,05
Личностное отстранение	11,45±0,97	7,68±0,95	2,79	<0,01
Психоматические и психовегетативные нарушения	22,19±1,76	15,80±1,48	2,79	<0,01
Фаза истощения	61,73±4,07	45,89±3,75	2,82	<0,01

тревога и депрессия является сложившимся, так как его уровень равен 15,94 балла. В целом по фазе напряжения у сотрудников оперативной группы было 44,32, а у финансистов 32,81 балла, то есть различие равно 11,51 балла. Это следует трактовать как наличие в профессиональной деятельности сотрудников финансовой службы значительно меньшего количества стрессогенных факторов и, естественно, более низкого уровня напряжения психики.

Симптомы фазы резистенции у исследованных субъектов обеих групп имели большую степень выраженности, чем в предыдущей фазе. Среди симптомов фазы резистенции наибольшую выраженность (15,66 балла) имели симптомы редукции профессиональных обязанностей, то есть они были сложившимися. Это факт, свидетельствующий о проявлении исследуемыми лицами правового нигилизма, что означает стремление челове-

ка игнорировать или осуществлять частично какие-то требования к выполнению своих служебных обязанностей. Причинами такого явления может быть влияние на психику сотрудников УИС большого количества инструкций, указов, распоряжений и иных документов (обозначенного как правовой пресс) и, кроме того, большого нервно-психического напряжения, связанного со спецификой профессиональной деятельности. Очевидно, у всех исследованных сотрудников уголовно-исполнительной системы имеется интенсивно выраженная правовая регламентация их служебной деятельности, что и позволило выявить достаточно высокий показатель этого симптома и в группе сравнения, у сотрудников финансовой службы.

Однако в группе оперативных сотрудников этот показатель выше на 3,62 балла, что можно трактовать необходимостью проявления активного сопротивления давлению правовой регламентации как одного из негативных компонентов службы, то есть рост этого показателя обусловлен именно спецификой их служебной деятельности, весьма часто осуществляемой в особых или экстремальных условиях. Следует также отметить, что такой симптом, как расширение сферы экономики эмоций, у сотрудников этой группы проявлялся на 3,56 балла интенсивнее, чем в группе сравнения. Это означает, что специалисты-оперативники тратят значительно больше энергии для выполнения своих служебных обязанностей и вынуждены экономить свои эмоциональные проявления, у них более ярко проявляется механизм психологической защиты.

Относительно такого симптома, как неадекватное выборочное эмоциональное реагирование, можно отметить, что он проявлялся значительно активнее у сотрудников основной группы: различия с группой сравнения равны 2,77 балла. Увеличение степени выраженности данного симптома можно трактовать как подтверждение ослабления контроля эмоциональных реакций у сотрудников основной группы по сравнению с группой сравнения. В группе оперативных сотрудников наблюдается более высокий уровень нервно-психического напряжения и вследствие этого более частые эмоциональные вспышки и срывы. Это также подтверждается значительным ростом у них показателей по всей фазе резистенции. В группе оперативных сотрудников этот показатель больше на 11,23 балла, а общая сумма баллов в основной группе равна 54,26 — это означает, что у них фаза резистенции близка к полному формированию.

Наиболее выраженными количественными показателями характеризуется фаза истощения, причем именно ее симптомы больше других влияют на состояние психического здоровья исследованных лиц. Доминирующими симптомами этой фазы у лиц из основной группы являются психосоматические и психовегетативные нарушения, наиболее убедительно свидетельствующие об ухудшении психического здоровья. Наличие существенных отклонений в эмоциональной сфере, частично исключения эмоций в ответ на психотравмирующие воздействия условий профессиональной деятельности отмечается по всем исследованным симптомам, причем в основной группе в значи-

тельно большей степени. Так, уровень проявления такого симптома, как эмоциональный дефицит, прямо подтверждает этот вывод: у оперативников он равен 13,77, а у финансистов — 10,61 балла.

Аналогичная картина и по количественному проявлению такого симптома, как эмоциональное отстранение: у первых он равен 14,32, а у вторых — 10,80 балла. В поведенческих реакциях, и особенно во взаимоотношениях с окружающими, сотрудники оперативно-подразделения также демонстрируют меньшую гибкость и адекватность обстоятельствам, что подтверждается большей степенью их личностного отстранения, чем это проявляется у финансистов.

Суммарный показатель всей фазы истощения равен 61,73 балла — это означает, что фаза истощения у них полностью сформировалась. Таким образом, следует подчеркнуть, что в фазе напряжения сформированным симптомом были тревога и депрессия, в фазе резистенции — редукция профессиональных обязанностей, а в фазе истощения появляются доминирующие симптомы — психосоматические и психовегетативные нарушения. Это означает, что исследованные оперативные сотрудники имеют предпатологические изменения как в психике, так и в соматике. Более того, опираясь на эти факты, можно считать, что состояние психического здоровья этих сотрудников уголовно-исполнительной системы интенсивно ухудшается.

Сравнение степени проявления симптомов и фаз эмоционального выгорания у сотрудников УИС, выполняющих на службе различные професси-

ональные операции, позволяет отметить, что у оперативников зарегистрировано психическое истощение, причем обусловлено оно именно спецификой их служебной деятельности.

В наибольшей степени эмоциональное состояние исследованных лиц тягостят такие симптомы, как тревога и депрессия, переживание психотравмирующих обстоятельств и эмоциональное отстранение. Таким образом, можно констатировать, что увеличение степени проявления перечисленных симптомов, а также психосоматические и психовегетативные нарушения являются объективными факторами, приводящими к ухудшению психического здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Выводы

1. Степень проявления различных симптомов и фаз эмоционального выгорания у сотрудников оперативных и финансовых подразделений уголовно-исполнительной системы характеризуется большей выраженностью ее у первых. Наиболее выражены симптомы в фазе истощения. Доминирующими симптомами являются психосоматические и психовегетативные нарушения, классифицированные как предпатологические явления, вызывающие ухудшение их психического здоровья.

2. Эмоциональное и личностное отстранение сотрудников от психотравмирующих обстоятельств, и особенно редукция профессиональных обязанностей, вызваны стрессогенными факторами их служебной деятельности, которые представляют собой следствие влияния опасных и экстремальных условий службы. Ухудшение психиче-

ского здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы вызывает также необходимость неукоснительно следовать многочисленным указам, уставам, инструкциям, что можно обозначить как правовой пресс. Эти особенности служебной деятельности формируют правовой нигилизм, что ведет к редукции профессиональных обязанностей и снижению эффективности выполнения оперативных задач.

3. С целью снижения уровня эмоционального выгорания, особенно оперативных сотрудников уголовно-исполнительной системы, а значит, повышения их сопротивляемости к психотравмирующим факторам служебной деятельности, что обеспечит уменьшение нарушений в психосоматике, повышение способности к психологической защите и, как следствие, улучшение психического здоровья, необходимо разработать и периодически проводить социально-психологический тренинг для сотрудников уголовно-исполнительной системы, основанный на обязательном учете специфики их служебной деятельности, основными задачами которого были бы обучение способам и методам саморегуляции, формирование психологической и особенно эмоциональной устойчивости, самоконтроля и самовосстановления, что послужит основой для улучшения и укрепления психического здоровья.

Перспективой дальнейших исследований может быть изучение влияния специфики служебной деятельности на психику сотрудников разных подразделений уголовно-исполнительной систе-

мы с учетом их возраста, пола, опыта работы и разработка методов сохранения и укрепления их психического здоровья.

Литература

1. Алёшичева А.В. Влияние психолого-правовых факторов на психическое здоровье инкассаторов в условиях их профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Харьков, 2011. 20 с.

2. Ахмедилин Р.Л. Основы пенитенциарной психологии : учеб. пособие. Новокузнецк, 2013. 68 с.

3. Бойко В.В. Методика диагностики уровня эмоционального выгорания. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара, 2001. С. 161–169.

4. Даровская Н.Д. Индивидуальные особенности психической адаптации личности в опасных профессиях : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 20 с.

5. Дмитриев А.В., Сафронов В.П. Основы пенитенциарной психологии : учеб. пособие. М., 2003. 176 с.

6. Карояни А.Г., Сыромятников И.В. Прикладная военная психология. СПб., 2006. 480 с.

7. Кирьянова Е.Н. Проявление риска в деятельности специалистов опасных профессий : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 20 с.

8. Самойлов Н.Г. Влияние профессиональной деятельности на психику сотрудников правоохранительной деятельности // Вестник Харьковского национального университета внутренних дел. 2011. № 613. С. 286–296.

9. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2003. 350 с.

10. Черкасова М.А., Поздняков В.М. Особенности профессионального выгорания у сотрудников уголовно-исполнительной системы на различных этапах прохождения службы // Прикладная юридическая психология. 2013. № 1. С. 12–18.

11. Черкасова М.А. Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников уголовно-исполнительной системы России : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 2014. 28 с.

12. Lopes L.L. Risk and distributional inequality. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 2007, no. 10, p. 265–485.

13. Wyatt Garry. Risk taking and risk avoiding behavior: The impact of some dispositional and situational variables. J. Psychology, 2013, Vol. 129, no. 4, p. 437–447.

СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

А. В. Поминов

Аннотация: в статье анализируется п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором говорится о необходимости определения целевой направленности информационных материалов путем назначения лингвистической экспертизы по материалам уголовного дела. Помимо этого, при необходимости рекомендуется привлечение психологов, историков, политологов и других специалистов.

В рамках данной статьи обозначены основные подходы в определении целевой направленности информационных материалов средствами судебной психолингвистической экспертизы, позволяющей аккумулировать знания в области лингвистики и психологии и стать продуктивным решением для суда.

Задача статьи состоит в установлении границ использования судебной психолингвистической экспертизы как комплексной по содержанию, но единой или комиссионной по способу организации при рассмотрении уголовных дел, связанных с экстремизмом. Выделяются основные признаки, различающие лингвистическую и психолингвистическую разновидности судебной экспертизы, приведены ключевые содержательные единицы судебной психолингвистической экспертизы.

Целевая направленность речевой деятельности характеризуется конечной и промежуточной целями, а промежуточная цель относится к речевому действию. При реализации психолингвистического подхода в производстве судебных экспертиз предметом исследования становится речевое действие, в котором, как в единице речевой деятельности, опредмечена психическая активность личности: мотивы, намерения, психические процессы и состояния, а также установки. Речевое действие включает в себя характеризующие речевую деятельность признаки: 1) предметность деятельности; 2) целенаправленность; 3) мотивированность; 4) фазная организация деятельности.

Прагматика мотивированности речи есть не что иное, как коммуникативное намерение, которое не только фиксирует участника общения, но и обозначает конкретную цель высказывания. Психолингвистическая реконструкция из речевого продукта через речевую деятельность в психическую деятельность позволяет выделить информацию о состояниях и содержании внутренних и внешних процессов субъекта, производящего речевой продукт. В результате выделенная целевая направленность, смысловое содержание и коммуникативные формы становятся продуктом судебной психолингвистической экспертизы.

Ключевые слова: судебная психолингвистическая экспертиза, речевая

деятельность, призыв, экстремизм, целевая направленность, фазы речевой деятельности.

В середине XX века В.И. Батовым и М.М. Коченовым было введено понятие судебной психолингвистической экспертизы. По мнению А.А. Леонтьева, в большинстве случаев задачи, решаемые психолингвистической экспертизой, требуют комплексного подхода, то есть использования знаний и в лингвистике, и в психолингвистике, и в психологии [11]. Исследования показывают, что в ходе производства судебной психолингвистической экспертизы рубежи между методами судебной лингвистики и психолингвистики диффузны [7, 22]. А.А. Леонтьев в статье «О психолингвистической экспертизе» [11] достаточно точно определил границы между двумя экспертизами — производство и распространение информации. Предметом лингвистической экспертизы является аспект, связанный с производством информации (написание текстов, статей, лозунгов и т. п.), но в делах, относящихся к экстремистской направленности, мы имеем дело и с процессом распространения этой информации, чаще всего среди неограниченного круга лиц, а этот аспект в большей степени связан с предметом психолингвистической экспертизы.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» определено, что при рассмотрении дел, связанных с экстремизмом, целесообразно назначать комплексную лингвистическую экспертизу; указывается, что к производству

экспертизы могут привлекаться и эксперты по специальности психология, в этом случае назначается комплексная психолого-лингвистическая экспертиза [20].

Задача данной статьи лежит в области определения судебной психолингвистической экспертизы как комплексной по содержанию, но единоличной или комиссионной по способу организации.

Анализ современных теоретических разработок в области производства судебных экспертиз, связанных с речевой деятельностью, позволяет сделать вывод о том, что возможности этого вида экспертиз далеко не исчерпаны.

Проявление речи — результат проекции психического говорящего, читающего, пишущего, воспринимающего. Речевой продукт — результат психической деятельности, где задействованы процессы, связанные с интериоризацией и экстериоризацией внутреннего и внешнего плана действий, а также рефлексивные механизмы. Значит, в речевую деятельность включены: мотив, цель, действия, операции. И в связи с этим мы имеем дело с речью как продуктом психической активности личности, в котором опредмечены мотивы, намерения, психические процессы и состояния, а также установки [17, с. 9].

Таким образом, в ходе судебной психолингвистической, а не лингвистической экспертизы эксперт исследует текст как явление речевой деятельности как проекции психического:

- речь как продукт определенной психической деятельности человека;
- речевую деятельность как психический процесс.

Психолингвистическая реконструкция из речевого продукта в речевую, а

затем в психическую деятельность позволяет открыть огромный пласт информации о состояниях и содержании внутренних и внешних процессов субъекта, производящего речевой продукт.

Юридическое обоснование целевой направленности речевой деятельности как объекта судебной экспертизы

Предметом рассмотрения дел экстремистской направленности могут выступать в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (УК РФ) [22]: публичные призывы к экстремистской (ст. 280) или сепаратистской деятельности (ст. 280.1), публичные действия, возбуждающие ненависть или вражду по определенным социальным признакам (ст. 282). Во всех этих статьях прослеживается идентичность предметов рассмотрения: наличие призывов и их публичный характер. В своем постановлении Пленум Верховного Суда РФ дает разъяснения о том, что публичность — это, во-первых, любая форма обращения к другим людям; во-вторых, обращение носит побудительный характер; в-третьих, важен побудительный характер текста, а не его коммуникативная результативность. В итоге такого концептуального подхода при рассмотрении преступного деяния по данным статьям Пленум резюмирует необходимость обязательного назначения судебной экспертизы для выделения целевой направленности информационных материалов [20].

Информационные материалы — это некая совокупность знаков (символов), несущих определенную информацию. Информация — это прежде всего сообщения о чем-либо, переданные кому-

либо. Процесс передачи сообщения широко рассматривается в социальной психологии и психологии общения как кодировка и декодировка смыслов субъектами коммуникации. Основным средством передачи сообщения выступает речевая деятельность.

Таким образом, задачами исследования становятся: определение наличия в речевом материале таких психолингвистических средств, которые характеризуют речевые высказывания как призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также описание целевой направленности речевой деятельности.

Определение целевой направленности речевой деятельности

Обобщение материалов уголовных дел экстремистской направленности, представленных на судебную экспертизу, позволяет отнести объекты к такому виду человеческой деятельности, как общение. В любом случае лозунг, обращение, печатная продукция, видеоролик в подобных материалах предполагают определенного или неопределенного субъекта общения — потребителя информации (реципиента). Общение предстает одновременно как реальность общественных и межличностных отношений [1, с. 59]. Человек как представитель некой социальной группы общается с другими представителями, другой социальной группы в двух ипостасях: личностной и безличной. Процесс личностного общения будет являться коммуникацией [24], а безличное общение — определяться системой общественных отношений. Опираясь на исследования

С.Э. Крапивенского, под ними будем понимать следующее: «Общественные отношения суть многообразные формы взаимодействия и взаимосвязи, возникающие в процессе деятельности между большими социальными группами, а также внутри них. И поскольку человек включен в каждую из этих групп [этнос, класс, слой внутри класса, сообщество граждан одного государства и т. д.], он выступает в качестве универсального субъективного элемента, или точнее — со-субъекта, ибо каждая такая группа есть совокупность индивидов» [10, с. 58]. Но в любом случае в ходе экспертизы мы ведем речь о едином процессе с двумя сторонами: коммуникация и общественные отношения.

В результате в процессе общения человек неизбежно проявляет свою личность и индивидуальные характеристики. Таким образом, перед экспертом-психолингвистом стоит задача выделения той самой дельты (диапазон, по Г.М. Андреевой [1]). Решение этой задачи позволяет выделить из социально обусловленной (культурно, исторически) общественной роли индивидуальные характеристики, индивидуальные аспекты, которые реципиент воспринимает.

Важным в исследовании процесса общения становится коммуникативное влияние, которое возможно тогда, когда коммуникатор и реципиент понимают и принимают информацию в сходных полях значения информации [1], «говорят на одном языке». Коммуникативное влияние предстает как ключевое средство, с помощью которого коммуникатор транслирует целевую направленность.

Таким образом, целевая направленность речевой деятельности означает, что «любой акт речевой деятельности характеризуется конечной, а любое речевое действие — промежуточной целью» [13, с. 66], выраженной в коммуникативном влиянии, достижение которой, как правило, планируется субъектом заранее.

Речевая деятельность как объект психолингвистического исследования

Большинство современных исследований рассматривают речевую деятельность в контексте общения. Мы склонны согласиться с мнением А.А. Леонтьева о том, что речевая деятельность обладает инструментальным характером, разворачиваясь в иных видах деятельности [12].

Л.С. Выготский в своих исследованиях характеризует речевую деятельность предметным мотивом, целенаправленностью, а также фазностью построения: ориентировки, планирования, реализации речевого плана, контроля [2, 14]. Основываясь на его исследованиях, А.А. Леонтьев считает, что, являясь инструментом деятельности субъекта, речевая деятельность включает в себя отличительный признак — целенаправленность [13]. Ученый выделяет две единицы речевой деятельности: элементарное речевое действие и речевую операцию [13, с. 65]. Эти две единицы целесообразно назвать предметами психолингвистического судебного исследования. Они включают в себя характеризующие речевую деятельность признаки: 1) предметность деятельности; 2) целенаправленность; 3) мотивированность; 4) фазная организация деятельности [13].

Предметность. Предмет деятельности предстает с двух сторон: «первично — в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойств, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может» [16, с. 143]. Таким образом, осуществляя психолингвистическую судебную экспертизу речевой деятельности для определения ее целевой направленности, мы должны понять и описать предмет деятельности автора текста.

Целенаправленность речевой деятельности. В философских исследованиях одним из ключевых проблемных вопросов выступает совокупность индикаторов, позволяющих отличить целенаправленность от нецеленаправленности. Целенаправленное поведение, речевая деятельность неразрывны с поведением личности и характеризуются такими признаками: пластичность, гибкость, способность достигать одной и той же цели различными способами, основываясь на различных начальных условиях [26]. Современные исследования выделяют два вида поведения человека: нецеленаправленное и целенаправленное. При этом всякое произвольное действие человека следует определять как целенаправленное, то есть допускающее, что если человек совершает произвольное действие, то он произвольно выбирает цель, а не движение [21].

Пластичность — это определенное по рисунку и ритму движение человеческой психики, отражающее его духовный и внутренний мир. Пластичность

деятельности — это ее предметность, которую следует рассматривать как отражение объективных свойств предметов, в том числе субъекта действий [9]. Критерием пластичности становятся раскрытость предметности текста, широта представленности семантики предметности. Именно пластичность текста влияет на охват широкого спектра реципиентов, так как позволяет реципиентам с разным набором декодификаторов осуществить понимание текста, то есть вступить в коммуникацию.

Гибкость — это умение, способность личности изменить способ своих действий в зависимости от изменения целей деятельности и (или) условий, в которых она осуществляется [18]. В речевом акте гибкость отражена в различных формах отношения автора текста к объекту, что также позволяет включить в коммуникацию широкий круг реципиентов.

Мотивированность речевой деятельности проистекает из потребностного уровня субъекта. Мотив субъекта предстает перед исследователем как интериоризированная в речи опредмеченная потребность. Мотивированность речи в ее прагматике определяется целями и задачами речевой деятельности — намерением субъекта, его потребностями, ценностно-смысловым содержанием, мотивами и конкретными установками [8]. Не всегда мотив предстает перед исследователем в открытом виде, так как претерпевает искажение формы своей сути в процессе интериоризации смыслов в слова и речевые конструкты.

Фазное строение речевой деятельности предполагает наличие трех фаз,

которые на разных этапах судебной экспертизы раскрывают ту или иную сторону объекта исследования [5].

Первая фаза — мотивационно-побудительная, суть которой составляет содержание мотивационно-волевой сферы личности. Ключевой единицей фазы становится направленность психической активности субъекта речевой деятельности. Так как в конечном итоге мы ведем речь об акте общения, то ключевым компонентом речевой деятельности выступает коммуникативное намерение, которое не только фиксирует участника общения, но и обозначает конкретную цель высказывания.

Вторая фаза — аналитическая. В ней развернуты процессы проектирования, программирования и планирования деятельности, имеющие прямое касательство к судебному исследованию в части восприятия речи, так как она представляет собой процесс интериоризации плана действий [3].

Третья фаза речевой деятельности — исполнительная и регулирующая. Как мы уже показывали в предыдущих исследованиях, активными становятся «два параллельных пространства психического — реализация высказывания (другая сторона, восприятие их) и рефлексивная деятельность, направленная на осмысление, контроль, понимание и регулирование сказанного (восприятие того)» [19, с. 4].

Приведенная схема структуры деятельности представляет собой последовательность фаз и описывает процесс порождения речевого действия, следовательно, в ходе судебного исследования она может быть реконструирована, восстановлена и описана как процесс.

О предмете психолингвистического судебного исследования

Рассматривая речь с позиции деятельности подхода, мы склонны определить ключевой предмет судебного психолингвистического исследования — речевое действие. При его исследовании анализу будет подвергаться речевое высказывание, которое выступает по отношению к нему формой [14]. В исследованиях в речевых высказываниях выделяют две психолингвистические единицы (одиночные и развернутые), проявляющиеся в двух единицах языка — предложении и тексте (соответственно) [13].

По коммуникативной направленности речевые высказывания подразделяются: 1) на высказывания, служащие для передачи новой информации; 2) высказывания, цель которых — получение необходимой информации (на уровне отдельных высказываний им соответствуют вопросительные предложения); 3) высказывания — побуждения к неречевым и речевым действиям (или императивные высказывания); 4) высказывания-умозаключения [4, с. 54]. В рамках проведения судебного исследования необходимо определить вид высказывания по коммуникативной задаче.

В современной психолингвистике выделяют два компонента: что человек хотел выразить, его намерение («означаемое»), и что нашло отражение в речевом высказывании («означающее»). [4; 6; 13] Центральными задачами речевой деятельности выступают: осознание отражения мысли в языковых конструктах; осознанный отбор; целенаправленное оперирование речевы-

ми высказываниями; [4; 15] и «смысловой контроль» (мыслительной рефлексии). В совокупности реализации эти задачи предreshают осознанность и целенаправленность речевой деятельности. [6; 12]

Основной методологии исследования речевых продуктов в судебной психолингвистики является:

1) положение о том, что целью продуктивной речевой деятельности является: придание мыслям определенных форм и образов и их выражение в определенных языковых конструктах, для рецептивных видов — воспроизведение заданной другим цели [4];

2) утверждение, что задачей речевой деятельности является осознание отражения мысли в адекватных языковых конструктах, в осознанном отборе и целенаправленном оперировании речевыми высказываниями [4, 14];

3) наличие в речевой деятельности «смыслового контроля» (мыслительной рефлексии) предполагает осознанность и целенаправленность речевой деятельности [6, 12].

Таким образом, определяются основные задачи судебной психолингвистической экспертизы информационных материалов:

1) определение содержания целевой направленности (коммуникативно-го намерения);

2) выделение смыслового содержания («означаемого») речевого действия;

3) исследование характера использованной коммуникативной формы (лексико-грамматическое оформление речи).

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология : учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 290 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. 504 с.
3. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 332 с.
4. Глухов В.П., Ковшиков В.А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М.: АСТ, 2007. 318 с.
5. Емелин В.А. Терроризм как патологическая форма обретения идентичности в условиях информационного общества // Прикладная юридическая психология. 2010. № 4. С. 36-43
6. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. М.; Воронеж: Моск. психолого-социал. ин-т, НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
7. Иваненко Г.С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации : монография. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. 228 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
9. Комарова С.Л. Оптимизация отношений субъектов политической деятельности : дис. ... канд. психол. наук. М., 2002. 18 с.
10. Крапивенский С.Э. Социальная философия : учеб. для гуманитар.-соц. специальностей вузов. 3-е изд., испр. и доп. Волгоград: Комитет по печати, 1996. 352 с.
11. Леонтьев А.А. О психолингвистической экспертизе // Методология современной психолингвистики : сб. ст. М. ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 58-70.
12. Леонтьев А.А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 106-123.
13. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. 3-е изд. М. ; СПб.: Смысл ; Лань, 2003. 287 с.
14. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Красанд, 2010. 332 с.
15. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи (материалы к обсуждению). Тбилиси: Мецниереба, 1970. С. 27-32.
16. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения : в 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. II. 320 с.
17. Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 5-20.
18. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб: Питер, 2001 — 592 с.

19. Поминов А.В. Комплексная психолингвистическая экспертиза книги В.М. Тименчик «Семья у нас и у других» // Современные научные исследования. Вып. 2. Концепт. 2014. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54923.htm> (дата обращения: 15.01.2015).

20. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения : 06.12.2014)

21. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине // А. Розенблют, Н. Винер, Дж. Бигелоу. Поведение, целенаправленность и теология. 2-е изд. — М.: Наука, 1983. 344 с.

22. Соснин В.А. Проблема мотивации терроризма в мировой исследовательской практике //

Прикладная юридическая психология. 2009. № 3. С. 18–30.

23. Уголовный кодекс Российской Федерации [по состоянию на 15 июля 2013 г.]. М.: Эксмо, 2013. 224 с.

24. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичёв [и др.]. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

25. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Галерея, 2002. 336 с.

26. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И.Т. Касавина. М.: Канон+ ; Реабилитация, 2009. 1248 с.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НЕГО

Д. В. Горбач, С. В. Строилов

Аннотация: в данной статье проводится анализ возможных проблем, которые могут возникнуть при применении на практике институтов пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него, рассматриваются предложения по совершенствованию уголовного законодательства РФ, касающегося регламентации указанных институтов.

В настоящее время в судебной практике России нет опыта применения данного института уголовного права в силу известных причин. Но, в свою очередь, в судебной практике зарубежных стран существует огромный опыт исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него.

Кроме того, при применении на практике судами данной нормы могут возникнуть проблемы, так как судьи будут руководствоваться только своим субъективным мнением при разрешении ходатайства об условно-досрочном освобождении, поданном осужденным или его адвокатом. На взгляд авторов, следует более тщательно изучить и разработать уголовное законодательство Российской Федерации, регламентирующее исполнение уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы и условно-досрочное освобождение от него.

Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, уголовное законодательство, пожизненное лишение свободы, тяжкое или особо тяжкое преступление, ходатайство.

Современная уголовная политика России направлена, как известно, на либерализацию мер уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, с одной стороны, и на ужесточение мер уголовного наказания за наиболее тяжкие преступления — с другой. На фоне устойчивой динамики роста количества особо тяжких преступлений, наблюдаемой в последние десять лет, а также отсутствия судебной практики применения смертной казни за эту категорию преступлений пожизненное лишение свободы становится необходимой и вынужденной мерой наказания.

Общеизвестно, что действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) предусматривает пожизненное лишение свободы в качестве меры наказания за совершение особо тяжких преступлений, которые имеют наиболее высокую общественную опасность (ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 205, ч. 4 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, 317, ст. 357). Кроме того, пожизненное лишение свободы может быть применено при замене смертной казни в порядке помилования Президентом Российской Федерации (ч. 3 ст. 59 УК РФ).

В настоящее время категория осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, привлекает к себе огромное внимание в Российской Федерации и во всем мире.

В современных условиях существуют определенные проблемы при исполнении уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы. Одной из них является создание условий для трудоустройства осужденных к данному виду наказания. Основная масса осуж-

денных этой категории желают трудиться, потому что для них невыносимо находиться в камере все двадцать четыре часа, но не во всех исправительных учреждениях есть возможность предоставить все условия и помещения для труда, соответствующие требованиям режима и безопасности.

Следующая проблема заключается в невозможности предоставления полноценного медицинского обслуживания осужденным к пожизненному лишению свободы. Например, не во всех регионах, где содержатся осужденные данной категории, есть лечебные учреждения способные принять «пожизненников», больных активной формой туберкулеза. В некоторых учреждениях они содержатся изолированно от основной массы осужденных в целях предотвращения заражения остальных, но больниц с необходимыми условиями режима и безопасности нет, поэтому им предоставляется медицинская помощь не в полном объеме.

Еще одна из основных проблем, возникающих при исполнении пожизненного лишения свободы — это недостаточная ресоциализация и подготовка осужденного к возможному условно-досрочному освобождению от отбывания данного вида наказания, хотя такая возможность закреплена у уголовном законе. По нашему мнению, необходимо создать специализированный орган, который будет заниматься подготовкой лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы, к условно-досрочному освобождению из мест лишения свободы и к жизни в здоровом обществе.

На сегодняшний день в Российской Федерации не существует судебной практики применения рассматриваем-

мого института в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы. Тем не менее в условиях развития УИС изменение и усовершенствование института пожизненного лишения свободы и условно-досрочного освобождения от него должно стать необходимым звеном в оптимизации уголовной политики Российской Федерации.

В процедуре условно-досрочного освобождения принимает участие довольно большое количество субъектов, а вопрос о его применении решают разнообразные специализированные органы. Например, в Англии, Канаде и США это советы по условно-досрочному освобождению, которые определяют сроки его предоставления (в США функционирует Комиссия по условно-досрочному освобождению, во Франции — консультативный комитет при министре юстиции (окончательное решение принимает министр юстиции), в Австрии, ФРГ — суд). Одна из самых распространенных форм условно-досрочного освобождения — это освобождение под надзор.

К условиям применения условно-досрочного освобождения относятся: фактическое отбытие осужденным к пожизненному лишению свободы не менее 25 лет; отсутствие злостных нарушений порядка отбывания наказания в предшествующие 3 года, а также фактов совершения осужденным тяжких и особо тяжких преступлений в период отбывания этого наказания.

При определении оптимального срока лишения свободы как условия условно-досрочного освобождения от пожизненного лишения свободы следует учитывать то, что УК РФ предусматривает за совершение особо тяж-

ких преступлений наказание в виде лишения свободы на срок 20 лет. В целях сохранения правового баланса между лишением свободы на определенный срок и пожизненным лишением свободы срок в 25 лет является оптимальным.

Ранее в уголовном законодательстве была закреплена специальная норма (ст. 46-1 УК РСФСР 1960 г.), содержащая достаточно широкий перечень категорий осужденных, к которым не могло применяться условно-досрочное освобождение. Мы считаем, что в настоящее время рассматриваемый вид освобождения не может применяться в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы: а) за совершение террористического акта, сопряженного с посягательством на объекты, использующие атомную энергию, ядерные материалы, радиоактивные вещества или источники радиоактивного излучения, а также ядовитые, отравляющие, токсичные, опасные химические либо биологические вещества, или повлекшего за собой умышленное причинение смерти человеку (ч. 3 ст. 205 УК РФ); б) создание или участие в преступном сообществе, совершенное лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ). Кроме того, условно-досрочное освобождение не может быть применено в отношении лиц, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы в порядке помилования или амнистии.

Осужденные, отбывающие наказание в виде пожизненного лишения свободы, характеризуются более высокой степенью общественной опасности. В связи с этим необходимо в УК РФ закрепить применительно к рас-

смастриваемому институту понятие «испытательный срок». Еще одной существенной проблемой, которая обязательно возникнет при его применении, является отсутствие четко установленного размера испытательного срока при условно-досрочном освобождении осужденного, отбывающего данный вид наказания. Испытательный срок, на наш взгляд, должен быть не менее десяти лет, в течение которых осужденный подвергается испытанию, способному определить его дальнейшую судьбу.

Существует еще один проблемный вопрос о том, какой, собственно, специализированный орган должен осуществлять контроль за последующим поведением осужденных, которые были условно-досрочно освобождены. В законе на этот счет каких-либо указаний не содержится, а наиболее распространенная точка зрения гласит, что контроль должен осуществляться уголовно-исполнительными инспекциями.

Существуют и мнения на этот счет. Так, Л.В. Яковлева предлагает возложить данную функцию на милицию (сейчас — полиция), не уточняя при этом, на какую именно службу (видимо, на участковых уполномоченных). Высказываются и более кардинальные предложения — о возложении контроля за всеми освобожденными от отбывания наказания. Создавать такой орган Л.В. Иногорова предлагает в рамках Министерства внутренних дел РФ.

На первый взгляд, предложения о возложении функций контроля за условно-досрочно освобожденными на уголовно-исполнительные инспекции кажутся самыми предпочтительными, причем основная мотивировка

такой передачи состоит в том, что полиции, да и МВД России в целом, в принципе не должна быть свойственна такая функция, как исполнение уголовных наказаний, а инспекции как раз наказания исполняют.

Однако что в реальности представляет собой уголовно-исполнительная инспекция? Это два-три сотрудника на район, и рассчитывать на существенное расширение этих учреждений вряд ли приходится. Как при этом сотрудники инспекций могут своими силами контролировать, например, соблюдение состоящими на учете обязанности не посещать определенные места? Во многих случаях, и прежде всего при осуществлении контроля за поведением состоящих на учете по месту жительства, крайне желательно привлечение участковых уполномоченных (инспекторов). Для этого можно принять соответствующую межведомственную инструкцию Минюста России и МВД России.

Несомненно то, что контроль за освобожденными от наказания (кстати, не только условно-досрочно) должны осуществлять специализированные органы, созданные именно для этой цели, тем более что мы относим правоотношения по осуществлению этого контроля к предмету регулирования уголовно-исполнительного законодательства.

Литература

1. *Хабаров А.В.* Организация и правовые основы деятельности подразделений органов и учреждений уголовно-исполнительной системы по обеспечению безопасности осужденных и персонала в условиях модернизации инженерно-технических средств : дис. ... канд. юрид. наук. Псков, 2011. 224 с.

2. *Прокудин В.В.* Видеонаблюдение как важный элемент противодействия посягательствам на

честь и достоинство сотрудников УИС. // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 4. С. 25–28.

3. *Ткачевский Ю.М.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1997. № 2. С. 28.

4. Уголовно-исполнительное право России. М., 2000. С. 450.

5. *Иногамова Л.В.* Контроль за поведением условно-досрочно освобожденных от наказания // Совершенствование деятельности участкового инспектора милиции в современных условиях. Тюмень, 1991. С. 119.

ОХРАНА В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В. В. Шефэр

Аннотация: статья посвящена общетеоретическим, правовым и некоторым прикладным аспектам организации охраны в системе средств обеспечения безопасности в исправительных учреждениях. Выделены основные направления деятельности службы охраны по обеспечению безопасности в исправительных учреждениях, к которым относятся:

– обеспечение изоляции, недопущение побегов и других правонарушений осужденными и содержащимися под стражей лицами;

– недопущение проникновения на объект нарушителей;

– противодействие перемещению вещей, веществ, предметов и продуктов питания, которые осужденным, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений запрещается иметь при себе.

Автор приводит возможные примеры при упущениях в обеспечении безопасности исправительных учреждений, отсутствии взаимодействия между такими структурными подразделениями учреждения, как оперативный отдел, отделы охраны и безопасности. Во

всех приведенных примерах массовых нарушений порядка в исправительных учреждениях прослеживается влияние сил, находящихся за пределами учреждений, тем самым не обеспечивается изоляция осужденных от общества.

Показаны аналитические данные, свидетельствующие о повышении побеговой активности, постоянном высоком уровне попыток проникновения предметов, которые спецконтингенту запрещено иметь при себе.

Выделены факторы, влияющие на выполнение задачи по обеспечению изоляции осужденных в период реформирования уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: безопасность, безопасность государства, личная безопасность, опасность, осужденный, исправительное учреждение, охрана исправительных учреждений, побеговая активность.

Вся деятельность уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) должна строиться на принципах законности, гуманизма, уважения прав чело-

века. В настоящее время для достижения целей уголовно-исполнительного права устанавливается режим исполнения и отбывания уголовного наказания, который включает в себя в качестве одной из составляющих охрану и изоляцию осужденных как средства предупреждения совершения новых преступлений и предотвращения побегов.

Нормативно-правовые основы деятельности службы охраны исправительных учреждений УИС определяются Конституцией Российской Федерации, Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также иными нормативно-правовыми актами Российской Федерации и ведомственными документами Министерства юстиции РФ и Федеральной службы исполнения наказаний.

В соответствии со ст. 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих наказания в виде лишения свободы» учреждения УИС обязаны обеспечивать реализацию уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации и создавать условия для обеспечения правопорядка, законности и безопасности осужденных, персонала, а также должностных лиц и граждан, находящихся на территории учреждений. Кроме того, они должны обеспечивать режим содержания подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве

меры пресечения применено заключение под стражу.

Утвержденное Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314 Положение о Федеральной службе исполнения наказаний возлагает на ФСИН России, кроме всего прочего, полномочия по охране учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, а также организацию в пределах своей компетенции специальных перевозок, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, их конвоирование и охрану на период перевозок.

Охрана учреждений и их объектов — это комплекс мероприятий, проводимый службой охраны совместно с оперативными, режимными и другими службами учреждений в целях обеспечения изоляции, недопущения побегов и других правонарушений осужденными, содержащимися под стражей лицами, проникновения на объект нарушителей, перемещения вещей, веществ, предметов и продуктов питания, которые осужденным, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений запрещается иметь при себе, обеспечения сохранности материальных средств учреждения.

Исходя из данного понятия, выделим основные направления деятельности службы охраны по обеспечению безопасности в исправительных учреждениях (далее — ИУ):

- обеспечение изоляции, недопущение побегов и других правонарушений осужденными и содержащимися под стражей лицами;
- недопущение проникновения на объект нарушителей;

– противодействие перемещению вещей, веществ, предметов и продуктов питания, которые осужденным, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений запрещается иметь при себе.

Правовой институт охраны осужденных в ИУ ориентирован на решение главной цели, стоящей перед местами лишения свободы, — обеспечение основного признака данного вида наказания, которым является принуждение осужденных к изоляции, недопущение совершения данными лицами повторных преступлений в обществе. Таким образом, обеспечение изоляции осужденных способствует обеспечению безопасности общества в целом от преступных посягательств лиц данной категории.

К целям охраны относят не только изоляцию осужденных, но предупреждение побегов и других правонарушений с их стороны. Обеспечение надлежащей изоляции осужденных само по себе должно исключать возможность их побегов из ИУ, поэтому предупреждение побегов и тем более их пресечение — это самостоятельное вспомогательное направление работы ИУ, которое, безусловно, тесно связано с проблемой обеспечения безопасности ИУ.

Общественная опасность побега из места лишения свободы заключается в дезорганизации деятельности исправительного учреждения в связи с отвлечением сил и средств для розыска и задержания бежавшего. Ставится под угрозу общественная безопасность и создается опасность совершения этим лицом нового преступления, дискредитируется в глазах населения деятельность государственных органов по обе-

спечению надежной изоляции преступников от общества.

В 2014 г. в сравнении с 2013 г. количество побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, из охраняемых объектов УИС сократилось на 14,3 % (с 7 до 6 случаев). Не допущено побегов из-под охраны в исправительных колониях особого режима, воспитательных колониях, тюрьмах и при конвоировании. При этом уровень побегов из-под охраны на 1000 осужденных и лиц, содержащихся под стражей, не превысил планового значения — 0,009, пресечено 16 покушений (аналогичный период прошлого года (АППГ) — 15) на побег из-под охраны [4].

Несмотря на то что обстоятельства побегов из-под охраны, причины, способствующие их совершению, а также исчерпывающие меры по их недопущению подробно изложены в указаниях ФСИН России, отдельными руководителями территориальных органов УИС, их заместителями, курирующими вопросы охраны, безопасности, режима и оперативной службы, должных выводов не делается. Работа по планированию и практической реализации изложенных в них мероприятий по профилактике побегов часто должным образом не организована и ресурсами не обеспечена.

Учитывая нынешнее состояние мировой экономики, санкционная политика США, стран Евросоюза и других государств, сложная экономическая ситуация в стране, неудовлетворительное взаимодействие между службой охраны и оперативно-режимными отделами по недопущению проникновения запрещенных предметов на территорию учреждений, могут породить самые тяжелые последствия в виде мас-

совых эксцессов осужденных и дестабилизации правопорядка. В этом случае представители преступного мира могут использовать места лишения свободы в своих целях, организовав там массовые беспорядки, волнения и забастовки.

Примером могут служить волнения, произошедшие в следственном изоляторе № 1 г. Челябинска, где в ночь на 9 декабря 2014 г. произошли массовые беспорядки. Более 100 заключенных устроили погромы в камерах, 8 из них в знак протеста нанесли себе порезы предплечий.

По версии сотрудников исправительного учреждения, беспорядки спровоцировал один из обвиняемых, у которого был обнаружен мобильный телефон. Он отказался выйти из камеры и призвал других заключенных к неповиновению и членовредительству, они начали стучать в двери, лить воду в коридор, устраивать задымление, зажигая вату из матрасов, и призывать других осужденных поддержать акцию протеста [1].

Еще одним примером массовых беспорядков стал случай, произошедший 6 мая 2015 г., — бунт осужденных в лечебно-исправительном учреждении № 3 ГУФСИН России по Нижегородской области.

Правоохранительным органам в ходе расследования удалось выяснить, что массовые беспорядки были организованы двумя криминальными «авторитетами», которые руководили ими вместе с некоторыми правозащитниками и родственниками осужденных. Осужденные С. и М. оказались инициаторами конфликта. До этого они отбывали наказание в ЛИУ-10 ГУФСИН России

по Нижегородской области, где успешно выстраивали выгодные взаимоотношения с администрацией учреждения, оставаясь при этом лидерами группировок осужденных отрицательной направленности [2].

Утром 10 мая 2015 г. в ИК-2 г. Салавата (Республика Башкортостан), где содержатся осужденные, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, произошла акция группового неповиновения. Более 100 осужденных отказались выполнять законные требования администрации. Около 20 из них, избив соблюдавших режим осужденных, забаррикадировались в помещении отряда. Участники акции требовали ослабления режимных требований. Шесть человек, избитых заключенными, госпитализированы [3].

Данные примеры заставляют нас остановиться на одном из важных направлений деятельности отдела охраны по обеспечению безопасности в ИУ — недопущении поступления к осужденным запрещенных предметов, которые наносят вред процессу исполнения наказания. Находящиеся в обороте запрещенные предметы, особенно деньги, спиртные напитки, наркотические средства и психотропные вещества, концентрируют вокруг себя целую инфраструктуру противоправного поведения осужденных, включая криминальные деяния. При этом не стоит забывать об охранительных мерах обеспечения безопасности (охрана осужденных, осуществление проверки их наличия, цензура переписки и др.). Эти предупредительные средства в основном охраняют уголовно-правовые и иные общественные отношения, возникающие в области отправления правосудия

и деятельности органов, исполняющих наказания. По отношению к отдельным категориям осужденных внешние охранительные средства могут дифференцироваться [5].

Проникновение запрещенных предметов в ИУ является действием общественно опасным, поскольку посягает на правопорядок в исправительных учреждениях ФСИН России, тем самым причиняя либо создавая угрозу причинения такого вреда интересам личности, общества и государства, нарушая упорядоченность, согласованность отношений в данной сфере. Проникновение к осужденным запрещенных предметов самым непосредственным образом влияет на безопасность ИУ, причиняет значительный вред правоотношениям, складывающимся в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы.

В ходе реализации мероприятий пропускного режима в учреждениях УИС России силами подразделений охраны во взаимодействии с оперативно-режимными службами в 2014 г. было изъято:

- огнестрельное оружие — 4 ед.;
- газовое оружие — 3 ед. (АППГ — 1, увеличение в 3 раза);
- денежные средства — 3012,8 тыс. руб. (АППГ — 200,1 тыс. руб., увеличение в 15 раз).

При попытке проноса на территорию охраняемых объектов запрещенных предметов задержано 947 человек (АППГ — 2265 человек, уменьшение в 2,3 раза) [4].

Нормальная деятельность по исполнению уголовного наказания в виде лишения свободы возможна лишь в условиях безопасности персонала, осуж-

денных и учреждений УИС в целом. Несмотря на тенденции укрепления правопорядка, в УИС и за ее пределами продолжают действовать факторы, которые способны изменить ситуацию в ту или иную сторону. Это требует постоянного внимания и активной деятельности по созданию безопасных условий при исполнении и отбывании наказания и укреплению защищенности учреждений от возможных угроз и опасных посягательств.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что выполнение задач по обеспечению изоляции осужденных и лиц, содержащихся под стражей, осуществляется в условиях продолжающегося реформирования уголовно-исполнительной системы и осложняется рядом факторов, основными из которых являются: высокая служебная нагрузка на персонал охраны, прогрессирующее ветшание инженерных сооружений на охраняемых объектах, остающаяся высокой побеговая активность осужденных и лиц, содержащихся под стражей (в 2013 и 2014 г. — по 22 случая покушения на совершение побегов). Вместе с тем задачи, поставленные руководством ФСИН России перед службой охраны, в основном выполняются успешно.

Важность рассмотрения надежности обеспечения охраны ИУ в системе средств обеспечения безопасности подтверждается тем, что надежная охрана осужденных является мерой, обеспечивающей неотвратимость наказания, стабильность и эффективность работы ИУ, безопасность общества, осужденных и правопорядок в государстве.

Литература

1. Новости : [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/09/reg-urfo/sizo-anons.html> (дата обращения: 02.06.2015).
2. Новости : [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/07/reg-pfo/pogib-anons.html> (дата обращения: 02.06.2015).
3. Новости : [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/12/bunt.html> (дата обращения : 02.06.2015).

4. О результатах работы по обеспечению охраны объектов уголовно-исполнительной системы в 2014 году и мерах по повышению ее эффективности в 2015 году: письмо ФСИН России от 23 февраля 2015 г. № исх.-08-7683.

5. *Бочкарев В.В.* Уголовно-исполнительные средства обеспечения частнопредупредительной функции лишения свободы // Прикладная юридическая психология. 2014. № 4. С. 175–181.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

D. V. Sochivko, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

Deputy editor:

T. N. Savchenko, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

I. V. Blinnikova, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

Deputy editor:

E. N. Bogdanov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

Executive secretary:

Ye. A. Schelkushkina, PhD in psychology, Ryazan.

Associate editors:

S. K. Bondyрева, academician of Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

R. M. Voronin, doctor of medical sciences, Ryazan.

A. L. Zhuravlev, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Datiy, doctor of medical sciences, Ryazan.

M. G. Debolsky, PhD in psychology, associate professor, Moscow.

A. A. Krymov, PhD in law, associate professor, Ryazan.

M. I. Maryin, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. V. Molostvov, PhD in psychology, Lipetsk.

N. N. Nechaev, academician of the Russian Academy of education, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

A. N. Pastushenya, doctor of psychological sciences, professor, Republic of Belarus.

A. V. Pishchelko, doctor of pedagogical sciences, professor, Moscow.

V. M. Pozdnyakov, doctor of psychological sciences, professor, Moscow.

N. A. Polyinin, PhD in psychology, Ryazan.

V. J. Rybnikov, doctor of medical sciences, doctor of psychological sciences, professor, St. Petersburg.

A. I. Ushatkov, doctor of psychological sciences, professor, Ryazan.

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

METHODOLOGY AND THEORY OF LEGAL PSYCHOLOGY

IDEAS OF MULTIPROFESSIONALISM IN PSYCHOLOGICAL AND ACMEOLOGICAL RESEARCHES

E. N. Bogdanov, A. V. Posokhova

Abstract: The authors emphasize the present-day tendency for professional activities' complication that requires a number of different professional competences but not the only one. Complex types of professional activities have a professional status of activities of so-called multiprofessional profile. Such activities require the formation of space of competences that is called multiprofessional competence. These types of complex activity requiring multiprofessional competencies include managerial and entrepreneurial activity. Their multiprofessional competence consists of the following competencies: their own professional, administrative, economic, legal, psychological, acmeological competence in the field of PR-interactions and others.

Multiprofessional qualities and skills associated with the main areas or functions of complex activities as well as appropriate competences are important in complex activities of multiprofessional profile. Authors notice that multicompetent content of complex professional activities cause a new decision for the problem of activity subjects' professionalism. It becomes obvious that akmeological ideology of mono-professionalism requires substantial elaboration in order to form and develop subjects' professionalism.

Researches of the problem under consideration enables to suggest that multiprofessionalism as a personal and professional characteristic cannot be reduced to the body of knowledge and skills in highly-developed professional spheres, but corresponds to functional system of different types of professionalism that are necessary for effective implementation of complex activities. In such system each type of professionalism is a subsystem of the overall system of multiprofessionalism.

Based on the current understanding of 'professionalism' category it can be argued that concept should be considered in the unity of its main components: multiprofessionalism in activity and multiprofessionalism of a person.

Psychological and acmeological researches allowed to justify the most important definitions related to the problem of multiprofessionalism. Multiprofessionalism of activity should be considered as generalized qualitative characteristics of the subject of labor that are expressed in the following properties:

- high level of competence and multiprofessional qualifications;
- variety of effective professional skills and abilities, including ones based on creative solutions;
- thorough mastery of modern algorithms and ways of different professional tasks' solving;

- high stability of activities” results;
- steady trend to increase their results.

The authors suggest that person’s multiprofessionalism should be regarded as a generalized qualitative characteristic of the subject of labor, which manifests itself in the following properties:

- high level of professional and business skills,
- high level of acmeological invariants of professionalism;
- personal and business creativity;
- high level of professional and personal pretensions;
- high level of normative regulation of activities and relationships.

Thereby, multiprofessionalism in acmeological understanding is a development of new competencies and its improvement, as well as their integration into a single multicompetencional system, which is an important part of multiprofessionalism.

The ideas of multiprofessionalism should be realized in the practice of training in higher educational institutions. Now it is time for multiprofessionals in the relevant areas.

Keywords: acmeology, professionalism, multiprofessionalism, multiprofessional competence, complex multi-functional activities, multiprofessional profile.

REFERENCES

1. *Derkach A.A., Zazykin V.G.* Akmeologiya. [Acmeology], SPb.: Piter, 2003.
2. *Derkach A.A., Zazykin V.G.* Ot podgotovki spetsialistov k podgotovke professionalov [From training of specialists to training of professionals] // Professional'noe obrazovanie. 2013. № 11. pp. 10–12.
3. *Zazykin V.G.* Osobennosti izucheniya akmeologicheskogo ob'ekta [Features of studying acmeological object] // Akmeologiya. 2012. № 3. pp. 20–26.
4. *Pachina N.N.* Poliprofessional'naya kompetentnost': akmeologicheskii rakurs rassmotreniya [Multiprofessional competence: acmeological perspective] // Paradigmalye osnovaniya psikhologii kompetentnosti: materialy 1 Vserossiyskogo simpoziuma. Kostroma 3 fevralya 2012. pp. 69–74.
5. *Pachina N.N.* Razvitie poliprofessional'noy kompetentnosti sub'ekta vysshey shkoly [The development of multiprofessional competence of the subject of the higher school] // Akmeologiya. — Acmeology, 2012. № 2. pp. 49–54.

CONFLICT OF YOUTH AND CRIMINAL SUBCULTURES IN REFORMATORIES FOR UNDERAGE CONVICTS

V. M. Pozdnyakov

Abstract: The paper presents the materials of empirical research of subcultural orientation of underage prisoners in reformatories and its influence (depending on the experience of membership in informal youth associations) on adaptation in correctional institutions and bridging with other prisoners. It has been revealed that the conflict relations among young male prisoners are caused by differences

in value-meaning orientations of subcultures. Differentiation of convicted juveniles in the aspect of penitentiary risks (level of subcultural subjectivity and focus of activity) on four specific types: 1) subcultural-aggressive, 2) situational-manipulative, 3) demonstrative-victimized and 4) conformally-dependent is justified. Specific prevention measures are given for for each of these types.

Keywords: adaptation of convicted prisoners, assertive behaviour, attributes of criminal subculture, fault and other experiences of prisoners, informal youth associations, violations of discipline by prisoners, penitentiary criminality and its forecast, penitentiary mobbing, subcultural identity, typology of prisoners, preventive and psycho-correctional work with prisoners.

REFERENCES

1. *Antonyan Yu.M. Yustitskiy V.V.* Nesovershennoletnie prestupniki s aktsentuatsiyami kharaktera. [Underage criminals with accentuations of character]. — M., 1993.
2. *Vaske E.V.* Evolyutsiya prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossii: psikhologo-pravovoj analiz: monografiya [Evolution of juvenile's crime in Russia: psychological and legal analysis: monograph]. — M., 2009.
3. *Gor'kovaya I.A., Pavlenko A.I.* Rasprostranennost' kriminal'noj subkul'tury v molodezhnoj srede [Prevalence of criminal subculture in youth] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology*. 2014. № 4. pp. 22–27.
4. *Dikopol'tsev D.E., Pozdnyakov V.M.* Vzaimosvyaz' viktimnosti lichnosti i autodestruktivnogo povedeniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh v usloviyakh lisheniya svobody [Relationship between person's victimity and autodestructive behavior of underage convicts under deprivation of liberty] // *Aktual'nye problemy psikhologii i prava. Poterpevschie i svideteli: ot nauchnykh issledovaniy k ehffektivnoj praktike: sb. tez. Mezhdunar. konf. Evropejskoj assotsiatsii psikhologii i prava (Sankt-Peterburg, 24–27 iyunya 2014 g.)*. — Actual problems of psychology and law. Victims and witnesses: from scientific researches to effective practice: proceedings of International conference of European association of psychology and law (SPb, 24–27 June, 2014). — SPb.: St. Petersburg University, 2014. Pp. 205–206.
5. *Doroshenko I.S., Pozdnyakov V.M.* Formirovanie antimanipulyativnoj kompetentnosti sotrudnikov FSIN Rossii v kontekste kontseptsii sub"ektno-souchastvuyushhego ispravleniya osuzhdennykh [Formation of anti-manipulating competence of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation staff in the context of subject-sympathized correction of convicts] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. — *Applied legal psychology*. 2014. № 3. pp. 30–38.
6. *Kovtunen L.V.* Subkul'tura i ee vliyanie na resotsializatsiyu nesovershennoletnikh pravonarushitelej [Subculture and its influence on resocialization of juvenile criminals] // *InVestRegion*. 2013. № 4. pp. 83–88.
7. *Kozhevnikova E.A.* Prestupnost' nesovershennoletnikh s psikhiche-skimi anomaliyami : [Criminality of juveniles with mental anomalies]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Chelyabinsk, 2012.
8. *Kokurin A.V., Kokurina I.V.* Klassifikatsionnye gruppy osuzhdennykh i rekomen-

datsii po ispravitel'nomu vozdeystviyu na nikh [Classificational groups of convicts and recommendations on its correctional influence] // Novainfo.ru. 2015. № 30.

9. *Kostina L.N.* Psikhologicheskoe obespechenie rassledovaniya gruppovykh prestuplenij nesovershennoletnikh [Psychological support in group juvenile criminal investigations]: avtoref. dis. ... d-ra psikhol. nauk. — M., 2009.

10. *Leus E.V., Solov'ev A.G.* Adaptatsionnye tekhnologii resotsializatsii nesovershennoletnikh osuzhdennykh [Adaptive technologies of resocialization of underage convicts] // Psikhologiya i pravo — Psychology and law. 2012. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n3/54179.shtml> (date of adres: 25.07.2015).

11. *Mokretsov A.I.* Penitentsiarnaya subkult'ura // Kul'tura nakaza-niya, ili Sotsiokul'turnye aspekty penitentsiarnoj praktiki / pod obsbh. red. E.G. Bagreevoj. — Culture of punishment or sociocultural aspects of penitentiary practice / ed. E.G. Bagreeva. M., 2013. pp. 59–80.

12. *Novikov V.V., Paleshnik O.P.* Vliyanie aktsentuatsij kharaktera nesovershennoletnikh na profilaktiku ikh destruktivnogo povedeniya v period otbyvaniya nakazaniya v ispravitel'nom uchrezhdenii [Influence of juveniles' accentuations of character on prevention of their destructive behavior during service of sentence in correctional institutions] // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. — Psycho-pedagogic in law enforcement agencies. 2007. № 4 (31). pp. 68–73.

13. *Pastushenya A.N.* Antikriminal'naya ustojchivost' lichnosti: strukturno-soderzhatel'nyj aspekt [Anticriminal person's firmness: structure-content aspect] // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. — Applied legal psychology. 2013. № 2. pp. 31–39.

14. *Petukhov E.V.* Psikhologicheskaya pomoshh' osuzhdennym v samovospitanii [Psychological support of convicts in self-discipline]. M., 1998. pp. 29–37.

15. *Polyanin N.A.* Profilaktika prestupnogo povedeniya nesovershennoletnikh s aktsentuatsiyami kharaktera [Prevention of criminal behavior of und juveniles with accentuations of character] // Novainfo.ru. 2015. № 30-1.

16. *Ponomareva D.I.* Professional'naya deyatel'nost' sub"ektov penitentsiarnykh uchrezhdenij po profilaktike agressivnogo povedeniya i psikhologicheskoy korrektsii lichnosti podrostkov-delinkventov [Professional activity of subjects of penitentiary institutions in prevention of aggressive behavior and psychological correction of delinquent adolescents' personality]: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Tver', 2003.

17. *Serdyuchenko I.N.* Penitentsiarnaya viktimizatsiya osuzhdennykh i ee preduprezhdenie [Penitentiary victimization of convicts and its prevention]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2011.

18. *Smakotina-Latsis I.V.* Destruktivnoe povedenie u podrostkov-pravonarushitelej, osuzhdennykh k lisheniyu svobody [Destructive behavior in convicted juvenile delinquents]. M., 2005. pp. 44–45.

19. *Smirnov V.D.* Osobennosti ispravleniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh s razlichnymi tipami agressivnogo povedeniya [Peculiarities of correction of underage convicts with different types of aggressive behavior]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2000.

20. *Sochivko D.V.* Kriminal'no-pravovoj infantilizm [Criminal-legal infantilism]. M. ; Ryazan', 2015.

21. *Strizhov E.Yu.* Nравstvenno-pravovaya nadezhnost' lichnosti: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty: monografiya [Moral-legal person's reliability: socio-psychological aspects: monograph]. Tambov, 2009.

22. *Stroeva G.V.* Samoispavlenie osuzhdennykh [Self-correction of convicts] // Vektor nauki TGU [Vector of science TSU]. 2011. № 4 (7). pp. 263–267.

23. *Sukharev S.N.* Otvetstvennost' nesovershennoletnikh osuzhdennykh za dezorganizatsiyu deyatel'nosti uchrezhdeniya, obespechivayushhikh izolyatsiyu ot obshchestva: ugovovno-pravovaya i kriminologicheskaya kharakteristika [Responsibility of underage convicts for disorganization of activity of institutions ensuring isolation from society: criminal and criminological characteristic]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2014. С. 9.

24. *Shaporenko A.A.* Portret neformal'nogo lidera v kriminal'noj srede nesovershennoletnikh [Portrait of informal leader in underage criminals] // Mezhdunarodnye nauchno-prakticheskie konferentsii 2014 goda [International scientific-practical conference, 2014]. URL: http://www.asconf.com/rus/archive_view/317 [date: 14.05.2015].

25. *Shemyakina V.V.* Kriminologicheskoe znachenie tyuremnoj subkul'tury v mestakh lisheniya svobody dlya nesovershennoletnikh [Criminological meaning of prison's subculture in places of confinement for underage criminals] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2009. № 22. pp. 122–130.

26. *Brinkmann R.D.* Mobbing. Bullying. Bossing. Heidelberg, 1995.

PECULIARITIES OF MORAL SELF-DETERMINATION OF STUDENTS' YOUTH

A. V. Zobkov, E. N. Malova

Abstract: Peculiarities of students' moral self-determination as a component of their life self-determination are considered in the article. The problem becomes particularly relevant due to new requirements to personality of highschool graduates in the changing social conditions and for moral state of future society as well. The article describes the moral self-determination of students, based on the results of empirical research of students of the Vladimir State University. Students from three departments: Physical and Mathematical, Natural Sciences and Geography and Social Pedagogy and Psychology participated in the research. The description of student's ideas about morality is given, their moral strategies and ethical orientations are characterized. The interrelation of moral orientations of students with their concepts of morality and their moral guidelines is examined. It was revealed that egocentric and «creation of world» moral orientations are the most significant in the structure of students' moral orientations. Based on the results of one-way

ANOVA, the authors revealed differences in views about morality, moral policies and orientations in students from deferent departments. It was revealed that the main differences in views exist between Social Pedagogy and Psychology (SPP) students and students from other two departments. Significant differences in views between students from physical-mathematical and natural-geographical were not found. This is probably due to professional orientation of students. SPP students are trained for work with dysfunctional families, children with deviant behavior and other risk groups. Despite a number of optimistic results of the study, the need to continue research in this area is obvious.

Keywords: moral self-determination, students, youth, moral strategy, moral orientation, morality, the concept of morality, self-determination in life.

REFERENCES

1. *Vorob'eva A.E.* Lichnostnye i gruppovye faktory npravstvennogo samoopredeleniya molodezhi: Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Personal and group factors of moral self-determination of youth: Dissertation PhD]. Moscow, 2010.

2. *Vorob'eva A.E., Kupreichenko A.B.* Stadii npravstvennogo samoopredeleniya molodezhi [Stage of moral self-determination of youth]. Problemy npravstvennoi i eticheskoi psikhologii v sovremennoi Rossii [The moral and ethical issues of psychology in modern Russia]. Moscow: Publ. «Institute of Psychology of the RAS», 2011.

3. *Zhuravlev A.L., Kupreichenko A.B.* Sotsial'no-psikhologicheskoe prostranstvo samoopredelyayushchegosya sub"ekta: ponimanie, kharakteristiki, vidy [Socio-psychological space of the self-defining subject: understanding, characteristics, types]. Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya [Journal of practical psychology of education]. 2007. № 2. pp. 7–13.

4. *Kupreichenko A.B.* Kontseptual'nye osnovy izucheniya npravstvennogo samoopredeleniya lichnosti [Conceptual foundations of the study of moral self-identity]. Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie molodezhi: materialy vtoroi nauchnoi konferentsii [Professional and personal self-determination of youth: proceedings of the second scientific conference]. Samara: Publ. Humanitarian Academy, 2008. pp. 10–15.

GENDER ASPECTS OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN PENITENTIARY SYSTEM

R. N. Kiseleva, O. A. Tobolevich

Abstract: The psychological components of organizational culture — values, beliefs, emotions, standards for correctional officers' behavior that are often the source of resistance to innovation, structural changes and reforming processes are considered in the article. Optimization of psychological components of organizational culture can improve the effectiveness of the correctional institution and provide innovations in prisons. That is why it is important to realize and manage all internal processes taking place within the organizational culture.

Gender aspects of human behavior in organizations leave noticeable traces on the structural components of culture and allow characterizing and even typologizing it. According to the researches, men (masculine) and women (feminine) types of organizational culture can be distinguished. Measurements on the Scale “masculinity — femininity” are important for the choice of methods for personnel motivation’s formation, solving of the most difficult non-standard tasks, conflict resolution, etc.

Features of labor behavior based on the sexual characteristics that are recorded in behavior’s regulatory system for men and women in the organization are described in the article. For example, commonly held view exists in gender subcultures that men should be ready to compete; women are more inclined to cooperate, create. Some other characteristics make it possible to interpret the organizational culture as “male” or “female”. Analyzing the characteristics, the authors conclude that the organizational culture of the penal system is characterized as “masculine”.

Person’s working capacity and readiness to sacrifice personal time and family interests are among the dominant values at the present. More frequently women become the bearers of masculine gender in organizations. Trying to achieve professional or career success, women lose their kindness and gentleness, democratic behavior and acquire the qualities necessary for survival and competition in male environment. This is typical for female managers in closed systems. It should also be pointed out, that such types of subcultures as “barracks” and denial of differences between sexes exist in organizational culture of correctional institutes. Organizational culture of correctional institution can be used as a factor for increasing the efficiency of separate correctional institution and penitentiary system as a whole. Taking into account gender characteristics of the correctional system’s staff can optimize internal processes, reveal staff’s personal potential and accompany the necessary innovations.

Keywords: organizational culture, gender, efficiency, innovation, subculture, masculinity, femininity, norms of behavior and values.

REFERENCES

1. Kozlov V.V., Odegov Yu.G., Sidorova V.N. Organizatsionnaya kul'tura: ucheb. posobie [Organizational culture: a tutorial] / pod red. M.N. Kulapova. M.: — M.: KNORUS, 2013. — pp. 99.
2. Groshev I.V., Emel'yanov V.M., Yur'ev V.M. Organizatsionnaya kul'tura: ucheb. Posobie [Organizational culture: Textbook]. M.: Yunitiy, 2004. — pp. 268–270.
3. Chechkova A.V., Kiseleva R.N. Osobennosti organizatsionnoj kul'tury ispravitel'nykh uchrezhdenij [Features of organizational culture of correctional facilities]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2010. — p. 136.
4. Khofstede G. Organizatsionnaya kul'tura. Upravlenie chelovecheskimi resursami [Organizational culture. Human Resource Management] / pod red. M. Pula, M. Uorrena. SPb., 2002. — p. 54.

APPLIED AND EXPERIMENTAL RESEARCHES

SOME FEATURES OF APPLICATION OF THE CONTENT ANALYSIS METHOD IN FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF VARIOUS SUBJECTS

V. F. Engalychev, I. G. Moiseeva, A. V. Moiseev

Abstract: The article is devoted to the procedure of application of content analysis method's adaptation to different types of forensic psychological examinations. A large number and considerable variety of objects in the expert study determine the relevance of the article. The authors describe the changes in the procedure of the content analysis due to difference of the expert tasks in each types of forensic psychological examination presented in the article. These types are forensic psychological examination of the criminal group, testimonies' credibility, cases on corruption, and cases on protection of honor, dignity and business reputation, as well as texts on matters of counteraction to extremism. To illustrate some features of content analysis usage in these types of forensic psychological examination the authors present the results of comprehensive analyses of the actual texts' extracts submitted to expert studies by law-enforcement authorities.

Thus, in the result of forensic psychological examination of a criminal group some signs of psychological interaction between the communicators are revealed with the help of content analysis. In the course of the forensic psychological study of the testimonies' credibility, it is used to determine the specific extracts of interrogations where signs of reliability or unreliability are found. The most important task of an assessor-psychologist is to evaluate the semantic saturation of utterances within the context of materials on corruption and others.

Moreover, the approach described in article allows to differentiate the professional competences of a forensic assessor-psychologist, to borrow the content analysis method from some other branches of science, to transform it in accordance with the purposes of the specific type of the forensic psychological examination. This article's practical value is the fact that it describes not only the conceptual use of the content analysis as the main method of the expert study, but it also offers its use in combination with other methods. This indicates the complexity of the proposed research, which provides a multilateral study of the presented object that is an essential characteristic of methodology of any kind of forensic psychological examination.

Keywords: content analysis, forensic psychological examination, expert research, expert evidence, method, text analysis, expert task, mediated study personality.

REFERENCES

1. *Aver'ianov L.Ia.* Kontent-analiz. Monografiia [Content analysis. Monograph]. Moscow, RGIU Publ, 2007. 286 p.
2. *Bakanov A.S.* Metod izvlecheniia ekspertnykh znanii v protsesse raboty s iuridicheskoi tekstovoi informatsiei [Method of extraction of expert knowledge in the process of working with legal texts]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology], 2013, no. 4, pp. 122–125.

3. *Engalychev V.F.* Iuridicheskaiia psikholingvistika [Legal psycholinguistics]. Moscow, IUNITI-DANA Publ, 2001. pp. 399–406.

4. *Engalychev V.F., Moiseeva I.G.* K probleme vyavleniia priznakov dostovernosti / nedostovernosti pokazanii v protsesse izucheniia videozapisi sledstvennykh deistvii [To the problem of identifying signs of reliability / unreliability of the evidence in the process of learning video investigative actions]. Materialy vserossiiskogo seminar, prokhodivshogo v g. Nizhnem Novgorode 13–17 maia 2013 goda "Aktual'nye voprosy ekspertizy videozapisei" [Materials of all-Russian seminar "Current issues examination videos"]. Nizhny Novgorod Publ, 13–17 may 2013, 2014, pp. 280–286.

5. *Engalychev V.F., Oselkov A.A.* O psikhologicheskom sodержanii poniatii, opredeliushchikh sodержanie ekstremistskoi deiatel'nosti [About the psychological content of the concepts that define the content of extremist activity]. Sbornik materialov Vserossiiskogo nauchnogo seminar "Psikhologiiia bezopasnosti i psikhologicheskaiia bezopasnost': problemy i perspektivy issledovaniia" [The collection of materials of all-Russian scientific seminar "Psychology of safety and psychological safety: problems and prospects of research"]. Sochi: SHOOT and CD Publ, 2010, pp. 25–34.

6. *Kukushkina O.V., Safonova Iu.A., Sekerazh T.N.* Metodika provedeniia sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, sviazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu [The methodology of forensic psycholinguistic analysis of case files related to countering extremism and terrorism]. Moscow, Publisher of the FBU Federal center of forensic expertise Publ, 2014. 98 p.

7. *Kuptsov M.I., Vidov S.V.* K voprosu o primenenii matematicheskikh metodov pri provedenii psikhologicheskikh issledovaniia i analize ikh rezul'tatov [To the question of the application of mathematical methods in conducting psychological research and the analysis of their results]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology], 2014, no. 3, pp. 131–136.

8. *Moiseev A.V., Moiseeva I.G.* Znachenie kompleksnoi psikhologo-lingvisticheskoi sudebnoi ekspertizy v rassledovanii ugovolnykh del korruptsionnoi napravlenosti [The Importance of a comprehensive psycho-linguistic forensic expertise in investigation of criminal cases of corruption]. Materialy III nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Aktual'nye problemy sudebno-ekspertnoi deiatel'nosti v ugovolnom, grazhdanskom, arbitrazhnom protsesse i delam ob administrativnykh pravonarusheniakh" [Proceedings of the III scientific-practical conference with international participation "Actual problems of forensic expertise in criminal, civil, arbitration proceedings and Affairs about administrative offences"]. UFA Publ, 16 October 2014, pp. 76–79.

9. *Ratinov A.R., Konysheva L.P., Kroz M.V., Ratinova N.A.* Psikhologo-pravovaia otsenka vrazhdebnoi napravlenosti materialov SMI i publicnykh vystuplenii [Psycho-legal assessment of hostile orientation to the media and public speaking]. Moscow, 2005. pp. 63–83.

10. *Savchenko T.N.* Struktura i opisaniie empiricheskikh issledovaniia [The structure and description of empirical studies]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia [Applied legal psychology], 2007, no.1, pp. 89–97.

11. *Sitkovskaia O.D.* Sudebno-psikhologicheskaiia ekspertiza [Forensic psychological expertise]. Moscow, IUNITI-DANA Publ, 2001. pp. 196–197.

12. *Sochivko D.V.* Problema metodologii prikladnoi (iuridicheskoi) psikhologii [The problem of methodology applied (legal) psychology], 2011, no. 2, pp. 8–17.

13. *Chufarovskii Iu.V.* Iuridicheskaiia psikhologiia [Legal psychology]. Moscow, Right and law Publ, 1997. 320 p.

14. *Iuzhaninova A.L.* Psikhologo-iuridicheskie kriterii unizheniia chesti i dostoinstva grazhdan i sotsial'no-psikhologicheskaiia sudebnaia ekspertiza [Psychological and legal criteria humiliation of honor and dignity of citizens and socio-psychological forensic examination]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta* [Izvestiya of Saratov University], 2009, no.4, pp. 100–104.

15. *Iuzhaninova A.L.* Sudebno-psikhologicheskaiia ekspertiza v grazhdanskom protsesse: V 3 ch. Ch.2. Zashchita chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava, 2002. 104 p.

TO THE QUESTION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF CONVICTS

E. V. Chernysheva

Abstract: Based on empirical material, the problems of socio-psychological adaptation of convicted men serving sentences in correctional institutions are discussed in the article. Interpersonal relations in the family, emotional rejection, physical abuse, lack of education, living conditions and the local environment have a great influence on the crimes. By means of correlation and factor analysis, the dependence of criminological characteristics of the convicts and peculiarities of socio-psychological adaptation are revealed. The level of socio-psychological adaptation decreases during serving of sentence: difficulties in communicating with people, unwillingness to compromise appear; extreme forms of behavior — passive or aggressive are formed; deformation of legal awareness can be tracked; discrepancy between personal attitudes and attitudes of the society is formed. Criminological factors (alcohol or drug dependence, physical violence to themselves and to others, unwillingness to work, running away from home, drives to the police and others) disorganize mental activity and after release lead to criminal recidivism. Many prisoners sentenced for more than five years adapt to the conditions of the correctional facility and follow criminal traditions. Developing readiness to overcome challenges, responsibility for actions — are possible ways to assist with socio-psychological adaptation. Convicts are in need of help of various experts; the development of psychological programs to improve their adaptive capacity is required.

Keywords: psychology of the convicted men, criminal behavior, social-psychological adaptation, imprisonment, psychological help.

REFERENCES

1. *Bondar A.* Profilaktika prestupnosti i yeje rezul'taty [Prevention of crime and its results]. *Zakonnost'* — Legality, 2002, no. 9.

2. *Krainova N.A.* Nekotoryje aspekty adaptacii osuzhdennyx v iapravitel'nom uch-rezhdenii [Some aspects of adaptation of convicts in prison]. *Vestnik VAGU — Herald VAGU*, 2006, no. 27/28, pp. 113–121.

3. *Ovcharenko I.A.* Rol' social'noi izolyacii sredi lic, osvobozhdayemyx iz mest lisheniya svobody, v preduprezhdenii recidiva prestupleniy [The role of social adaptation of persons released from places of imprisonment, in preventing recidivism]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo universiteta — Herald of the North-Caucasian state technical University*, 2006, no. 2, pp. 100–106.

4. *Terekhin V.I., Chernyshov V.V.* Organizaciya ocenki urovnya resocializacii social'noy adaptacii osuzhdennyx [Organization of assessment of the level of resocialization of social adaptation of convicted]. *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye — Man: crime and punishment*, 2013, no. 4 (83), pp. 29–36.

5. *Shelestukov V.N.* Pravovaya priroda social'noy adaptacii osuzhdennyx: voprosy teorii i praktiki [The legal nature of social adaptation of convicts: theory and practice]. *Biznes v zakone — Business in law*, 2011, no. 5, pp. 98–104.

6. *Yuzhanin V.E.* Problemy social'no-psihologicheskoi adaptacii osuzhdennyx, otbyvshih dlitel'nyue sroki lisheniya svobody, i zlostnyh narushytelei rezhima [Problems of socio-psychological adaptation of prisoners who have served long terms of imprisonment, and malicious violators mode]. *Ugolovno-ispolnitel'noye pravo — Penal law*, 2011, no. 1, pp. 57–60.

SOME CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONS COMMITTED TRAFFIC ACCIDENT UNDER THE INFLUENCE OF ALCOHOL

S. A. Krasnenkova, E. A. Shhelkushkina

Abstract: The results of empiric study of peculiarities off persons who have been convicted for violation of road rules and operational imperfection of transport facilities resulted in death by an accident are presented in the article. “Resonance” traffic accidents where obvious and blatant violation of rules by the drivers who were under the influence of alcohol and that resulted in death of two or more persons entail proposals to heighten responsibility for such actions. The law governing criminal responsibility for alcohol-impaired driving will become operative in 2015. Formal approach to inner factors of person’s criminal behavior is one of the most important shortcomings of the applicable legislation. True reasons for delinquents’ breaking behavior are ignored when sentencing. Due to renewal of legislation, increase in a number of notions and legal clauses with psychological content, the actuality of problem connected with their implementation increase significantly. These problems are of major significance at the stage of preliminary investigation.

Criminological and psychological characteristics of drunken offenders who serve criminal penalty in correctional facilities are presented in the article. The conclusion that traffic accident under the influence of alcohol is naturally accompanied by the

“breakdown” behavior that is the behavior of a delinquent who is characterized by formed criminal predisposition, which is typical for persons who have committed intended crime with serious consequences. Revealing of criminological and psychological characteristics of the mentioned convicts will make it possible to diagnose disposed to criminal behavior persons, devise measures for its prevention and develop means for legal preventive measures of influence on a specific convict. Herein is the actuality of the conducted research. We hope that the article will be interesting not only for penitentiary psychologists but will improve the quality of preliminary investigation of traffic accidents committed under the influence of alcohol.

Keywords: traffic accidents, under the influence of alcohol, delinquency, criminal's personality, convict, empiric research, psychological characteristics, criminological peculiarities of a person.

REFERENCES

1. *Antonyan Yu.M.* Kriminologiya: uchebnik dlya bakalavrov [Criminological textbook for bachelors]. M.: Izd-vo YUrajt, 2013. 523 p.
2. *Vishki L.* Transportnye prestupleniya i kriminologicheskie teorii lichnosti [Transport crimes and criminological theories of personality]. M., Fond VNII BD MVD Rossii. SR-775. 36 p.
3. *Dageľ P.S.* Neostorozhnost'. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy [Recklessness. Legal and criminological problems]. M.: Yurid. lit., 1977. 8 p.
4. *Ivanova V.V.* Preduprezhdenie ugolovno-nakazuemykh narushenij pravil bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [Prevention of criminal violations of road rules]: diss. ... kand. yur. nauk. M., 1995. 144 p.
5. *Korobeev A.I.* Transportnye prestupleniya [Transport crimes]. — SPb.: Izd-vo Yur. tsentr «Press», 2003. 325 p.
6. *Krasnenkova S.A.* Izuchenie lichnostnykh osobennostej vinovnikov dorozhno-transportnykh proisshestvij s tyazhkimi posledstviyami [Study of personal characteristics of traffic accidents' culprits] // Gumanitarnyj vektor [Humanitarian bulletin]. 2015. №1 [41]. pp. 111 — 117.
7. *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [Mechanisms of criminal behavior] / pod red. V.N. Kudryavtseva. M.: Nauka, 1981. 248 p.
8. *Rabochaya kniga penitentsiarnogo psihologa: posobie* [Working book of penitentiary psychologist] / pod red. A.I. Mokretsova, V.P. Golubeva, A.V. SHamisa. — M.: VNII MVD Rossii, GUIN MVD Rossii, 1997. 208 p.
9. *Svedeniya o pokazatelyakh sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. Svedeniya za 12 mesyatsev 2014 g* [Information about indices of traffic security. Information for 12 months of 2014]. [sajt]. URL: www.gibdd.ru/stat/ (data obrasheniya 07.05.2015).
10. *Sobchik L.N.* Vvedenie v psikhologiyu individual'nosti [Introduction to psychology of personality]. — M: IPP-ISP. 2000. pp. 72–125.
11. *Chuchaev A.I.* Transportnye prestupleniya: problemy kvalifikatsii i nakazaniya [Traffic crimes: problems of classification and punishment]: avtoref. diss. ... kand. yur. nauk. M., 1990. pp. 24–25.

12. *Shhelkushkina E.A.* Psikhodinamika lichnosti osuzhdyonnykh za ubijstvo [Psychodynamics of convicted for murder]: diss. ... kand.psikhol.nauk. Ryazan', 2011. 118 p.

CHARACTERISTICS OF CRIMINAL SUBCULTURE OF PERSONS CONVICTED AND SERVING SENTENCES FOR CRIMES OF AN EXTREMIST NATURE

P. N. Kazberov

Abstract: Criminal subculture, being a component of culture in general, occupies special place among different sub-cultures because of the importance of negative consequences of its manifestations. The fact that criminal subculture is often defined as anti-culture confirms this statement. Meanwhile, criminal subculture as a phenomenon is not monolithic and uniform. Differentiation of its constituent elements can be determined, including the analysis of characteristics of convicts serving sentences for various crimes. In this case, we are talking about persons convicted for crimes of an extremist nature. Significant differences in behavior and in personal characteristics of convicted for crimes of an extremist nature from the ones convicted of other crimes have been revealed in the course of research work in 2013–2015 on the issue of countering the spread of extremism in state penitentiary. Experts on subcultural manifestations note that subculture differs from the dominant culture in behavior of its bearers, slang (jargon), clothing and other outward paraphernalia. Above all, according to experts, the subculture differs from the dominant one in their own system of values. Just in the sphere of political interests, beliefs and values are the most significant differences between convicted of extremist activities and convicted of other crimes.

Socio-demographic characteristics of persons convicted of extremist activity in prisons are not much different from their fellow extremists out of prison, but they stand out against the mass of prisoners. The only exceptions are the sphere of education and professions. Convicted of extremist activity, as other categories of convicted persons, have low educational level; a similar pattern is observed in the field of profession's mastering. The conducted surveys and interviews with persons convicted of extremist activities make it possible to determine that most of them are supporters of so-called "right" political extremism. Convicted persons share the value system of this political movement and at the same time give preferences in politics, literature, cinema and other spheres of culture. Ideological components of the extremist right-wing political movement deserve special attention.

Keywords: criminal subculture, culture, convicted, denomination, politics, extremism, penitentiary system, political extremism, teens, Nazism.

REFERENCES

1. *Belikov S.V.* Antifa. Molodezhnyj jekstremizm v Rossii. [Antifa. Youth extremism in Russia] M.: Algoritm. 2012. 256 s. — M.: Algorithm. 2012. 256 p.

2. *Emelin V.A.* Terrorizm kak patologicheskaja forma obretenija identichnosti v uslovijah informacionnogo obshhestva [Terrorism as a pathological form of finding identity in the information society]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology*, 2010, no. 4, pp. 36–43.

3. *Kazberov P.N.* Aktual'nye voprosy psihologicheskogo obespechenija dejatel'nosti uchrezhdenij UIS novogo tipa (na primere vospitatel'nyh centrov) // *Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy* [Topical issues of psychological support activity of the institutions of a new type of UIS (by the example of educational centers)]. 2011. № 5 (108), pp. 13–16.

4. *Kazberov P.N.* Metodicheskie osobennosti psihokorrekcionnoj raboty s osuzhdennymi, otbyvajushhimi nakazanie za terroristicheskiju i jekstremistskiju dejatel'nost' [Methodical features of psychological work with inmates serving sentences for terrorist and extremist activity]. *Ugovovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie — The penal system: law, economics, management*, 2013, no. 3, pp. 19–21.

5. *Kazberov P.N.* Osobennosti psihologicheskaj raboty s osuzhdennymi za terroristicheskiju i jekstremistskiju dejatel'nost' prikladnaja juridicheskaja psihologija [Features of psychological work with convicted for terrorist and extremist activities applied legal psychology]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology*, 2013, no. 4, pp. 61–66.

6. *Kazberov P.N.* Problemnye voprosy psihologicheskogo izuchenija projavlenij jekstremizma i terrorizma [Problematic issues of the psychological study of the manifestations of extremism and terrorism] // *Juridicheskaja psihologija*. 2015. no. 2, pp. 8–10.

7. *Kazberov P.N., Kulakova S.V., Fadeeva K.F.* O posledstvijah jekstremal'nyh uslovij dejatel'nosti dlja sotrudnikov silovyh struktur [The consequences of the extreme operating conditions for power structures' employees]. *Nauchno-issledovatel'skie publikacii — Scientific and research publications*, 2014, no. 12 (16), pp. 36–41.

8. *Kazberov P.N., Kulakova S.V., Fadeeva K.F., Meshkova L.V.* Psihologicheskie aspekty podgotovki sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy k dejstvijam v jekstremal'nyh situacijah [Psychological aspects of penitentiary system staff's training to act in extreme situations] // *Nauchno-issledovatel'skie publikacii, — Scientific and research publications*, 2014. no. 12 (16). pp. 29–35.

9. *Kiselev A.M.* O psihologicheskaj gotovnosti sotrudnikov i podrazdelenij ugovovno-ispolnitel'noj sistemy k dejstvijam v jekstremal'nyh situacijah [On the psychological readiness of employees and departments of the correctional system to act in extreme situations]. *Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology*, 2014, no. 1, pp. 42–46.

10. *Kravchenko A.I.* Kul'turologija: Uchebnoe posobie dlja vuzov. [Cultural studies: a manual for schools] M.: Akademicheskij proekt, 2001. 212 s. — M.: Academic project. 2001. 212 p.

11. *Sosnin V.A., Nestik T.A.* Sovremennij terrorizm: Social'no-psihologicheskij analiz [Modern terrorism: socio-psychological analysis]. M.: IP RAN, 2009. 112 s. — IP RAS, 2009. 112 p.

12. *Sochivko D.V.* Psihodinamiki duhovnosti i religioznosti osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta [Psychodynamics of spirituality and religiosity condemned youth] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2012. № 4. S. 116–126 — Applied legal psychology, 2012, no. 4, pp. 116–126.

13. *Sochivko D.V., Gavrina E.E.* Podsoznanie terrorista [Subconscious of terrorist]. Moscow, PER SJe, 2012. 192 p.

14. *Chulisova A.P.* Rol' jetnointegrirujushhih i jetnodifferencirujushhih obrazov prirody v psihokorrekcionnoj rabote s osuzhdennymi za nasil'stvennyye prestuplenija [The role of ethno integrated and ethno differentiating images of nature in psycho correctional work with convicted of violent crimes]. Prikladnaja juridicheskaja psihologija — Applied legal psychology, 2010, no. 4, pp. 103–113.

15. *Shemjakina V.V.* Kriminal'naja subkul'tura v sovremennoj Rossii: avtoreferat dis. ... kand. jur. nauk. Cheljabinsk [Criminal subculture in modern Russia: abstract thesis master of laws], 2010. — 24 s. — 2012, 24 p.

MOTIVATION SPHERE OF PENITENTIARY SYSTEM EX-EMPLOYEES WHO COMMITTED CORRUPTION CRIME

E. E. Gavrina, I. S. Khavanova

Abstract: The results of study of motivation sphere of penitentiary system's ex-employees who committed corruption crime in comparison with the ones who were sentenced for criminal offences not connected with functions (murder and larceny, in the first place) and with employees who were not inclined to destructive behavior and who were working at the point of research and had no records in personnel department, in psychological service and in the department of own safety are presented in the article.

The following techniques were used in the research: "The Fundamental Interpersonal Relations Orientation" by W. Schutz (adaptation by A.A. Rukavishnikov); V.E. Milman's "Diagnostics of person's motivation structure"; "The Questionnaire of Terminal Values"; inquiry form for socio-demographic data, organizational relations, quality of official functions' implementation.

The authors present the results of comparative analysis of characteristics of motivation sphere, interpersonal relations and terminal values in the groups under study. Special attention is paid to motivation sphere of penitentiary system's ex-employees who committed corruption crime. Contradiction consists in the fact that communication is considered to be a leading motive of corruptionists' professional activity while the results of their interpersonal relations study show that they prefer to manifest heightened care in interpersonal relations' establishment. The motive of social utility is less important for corrupted employees in comparison with other groups while general activity is their dominate motive. Creative activity is the most important motive of professional duties' performance for those who were sentenced for criminal offences; "creativity" and "achievements" are the most important values.

The results of cluster analysis of V.E. Milman's "Diagnostics of person's motivation structure" questionnaire data make it possible to study different subgroups of sentenced for corruption crime subject to peculiarities of motivation sphere in comparative analysis with specificity of interpersonal relations.

The authors present typology of corrupted employees subject to interpersonal peculiarities and motive of social utility

Keywords: corruption, corruption behavior, convicts, penitentiary system's officials, peculiarities of interpersonal relations, motivation structure of a person.

REFERENCES

1. *Gavrina E.E., Khavanova I.S.* Psikhologicheskie osobennosti byvshikh sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, osuzhdennykh za korrupsionnye i obshheugolovnye prestupleniya [Psychological peculiarities of penitentiary system's ex-employees who committed corruption crime] // *V mire nauchnykh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. 2015. № 3.7 (63). С. 3212–3224.

2. *Gavrina E.E.* Spetsifika proyavleniya korrumpirovannogo povedeniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Specificity in manifestation of corrupt behavior by law enforcement agencies officials] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2010. № 3. С. 64–69.

3. *Gavrina E.E.* Psikhodinamika formirovaniya kriminal'noj destruktivnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Psychodynamics of formation of criminal destructivity in law enforcement agencies officials] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2008. № 1. С. 115–123.

4. Otchet NIIIT FSIN Rossii o sostoyanii zakonnosti i prestupleniyakh sredi sotrudnikov UIS za 4 kvartal 2012, 2013 gg. (forma № 3-PR) [Report of research institute of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation about legality and crimes among penitentiary system officials for 4-th quarter 2012, 2013, form № 3-PR].

5. Rossijskaya gazeta [Ofits. sayt] [Russian newspaper. Official site]. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/23/vzatka.html> (date: 29.10.2014).

6. Rossijskoe agentstvo pravovoj i sudebnoj informatsii [Ofits. sayt] [Russian agency of legal and forensic information. Official site]. URL: http://rapsinews.ru/judicial_news/20140211/270688623.html (date: 29.10.2014).

PSYCHOLOGY OF SOCIAL PHENOMENA AND LIFE QUALITY

THE LEVEL OF SYSTEM'S CLOSENESS AS A FACTOR OF LIFE QUALITY EXPERIENCING

G. M. Golovina, T. N. Savchenko, D. V. Sochivko

Abstract: The objective of the article is the comparison of structures of subjective life quality of persons whose main life activity for a long time was determined by the level of society closeness. Based on the results of previous researches we hypothesized that the level of society closeness determines kind and strength of cor-

relation between satisfaction with life and subjective life quality. Subjective life quality (SLQ) we understand as subjective level of person life values' achievement. SLQ reflects the level of life potential realization that is ability for productive life activity. The authors proposed operational definition for subjective life quality concept, defining it as the degree of correspondence between assessments of real and desired (ideal) person's quality of life.

Correctional facilities, system of education of students in the Academy of the Russian Federal Penitentiary Service, ocean navigations and shift work at utmost North are considered as closed systems with different levels of closeness; maximum-security institutions are ascribed to completely closed systems. The hypothesis about the influence of system's level of closeness on the structure of personal values, subjective life quality and satisfaction with life has been confirmed.

Positive correlations between subjective life quality and satisfaction with their own lives have been revealed in open systems, in other words it means that significant for respondents values are realized in their lives. Discontinuity in correlations between subjective life quality and satisfaction with life indicates the fault in respondent's value structure; negative correlations reflect impossibility to realize significant for respondents values.

Data statistical analysis reveals that convicts have the lowest index of subjective life quality and at the same time, they have the highest level of life satisfaction, that is correlation not only breaks off but even becomes reverse. Satisfaction with life correlates positively with ideal values, in other words it means that prisoners live up to ideal values but not real life. It was found that different values, different subjective life quality and therefore — person's life potential are significant for people from different systems. Satisfaction can be an index of system's closeness only in combination with subjective life quality.

Keywords: subjective life quality, satisfaction with life, life values, real quality of life, ideal quality of life, life potential, systems with different level of closeness.

REFERENCES

1. *Golovina G.M.* Udovletvorennost' zhizn'ju i stili povedenija [Satisfaction with life and style of behavior] // Materialy Vserossijskogo s#ezda Rossijskogo psihologicheskogo obshhestva [Proceedings of All-Russia congress of Russian Psychological Society]. SPb.: Rossijskoe psihologicheskoe obshhestvo [Russian Psychological Society], 2003. T. 2. S. 364–367.

2. *Golovina G.M., Savchenko T.N.* Dinamicheskij podhod k opredeleniju tipov udovletvorennosti zhizn'ju lichnosti [Dynamic approach to definition types of person's life satisfaction] // Metody issledovanija psihologicheskikh struktur i ih dinamiki / Pod red. T.N. Savchenko, G.M. Golovinoj [Methods for research of psychological structures and their dynamics / eds. T.N. Savchenko, G.M. Golovina] Vyp. 5. M: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2010.

3. *Golovina T.N., Savchenko T.N.* Adaptacija metodik v issledovanii sub#ektivnogo kachestva zhizni ljudej, rabotajushhijih vahtovym metodom [Adaptation of methods for subjective life quality of shift workers researches]. // Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology]. 2014. №1, S. 32–51.

4. *Zarakovskij G.M.* Kachestvo zhizni naselenija Rossii: psihologicheskie sostavljajushhie [Quality of life of Russian population: psychological components]. M.: Smysl, 2009.

5. *Savchenko T.N.* Modelirovanie dinamiki sistemnyh obrazovanij psihiki // Ideja sistemnosti v sovremennoj psihologii [Modeling of dynamic of psyche system formation]/ Pod red. V.A. Barabanshnikova [ed. V.A. Barabanshnikov]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2005. S. 99–119.

6. *Savchenko T.N., Golovina G.M.* Subjektivnoe kachestvo zhizni: podhody, metody ocenki, prikladnye issledovanija [Subjective life quality: approaches, methods, assessments, applied researches]. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2006.

7. *Savchenko T.N., Golovina G.M., Veselkov A.F.* Issledovanie professional'no vaznyh kachestv i sub#ektivnogo kachestva zhizni morjakov dal'nego plavanija [Study of professional important qualities and subjective life quality of sea sailors] // Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology]. 2014.

8. *Sochivko D.V., Savchenko T.N., Golovina G.M.* Sravnitel'nye issledovanija kachestva zhizni [Comparative study of life quality]// Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology]. 2010. № 4. S. 8–22.

9. *Subetto A.I.* Upravlenie kachestvom zhizni i vyzhivaemost' cheloveka [Management of life quality and man's survival] // Standarty i kachestvo [Standarts and quality]. 1994, №1, S. 32–37.

10. *Uemov A.I.* Sistemnyj podhod i obshhaja teorija system [System approach and general theory of systems]. M.: Mysl', 1978.

RESEARCH OF CULTURAL PECULIARITIES IN MEDIATED MEMORY ORGANIZATION BY PICTOGRAM METHOD

O. N. Arestova

Abstract: The problem of cultural peculiarities in highest forms of mediated memory organization has been investigated empirically. This article is devoted to the investigation of the differences in memory organization in Russian and Azerbaijan population in Baku city. It is discovered that there are no any differences if mediated memory efficacy between people belonging to Azerbaijan and Russian cultures. Meanwhile memory organization the use of visual aids, in particular, reflects cultural differences relating to specific cultural and everyday experience.

Keywords: memory, memory mediation, visual means, pictograms, memory efficacy, cultural differences.

REFERENCES

1. *Arestova O.N.* Diagnostika motivatsionnogo konflikta lichnosti s pomoshh'yu metoda piktogramm [Diagnostics of person's motivation conflict by means of pictogram method] // Voprosy psihologii [Problems of psychology]. 2007. № 2. pp. 161–171.

2. *Arestova O.N.* Iskazheniya v myslitel'noj deyatelnosti kak rezul'tat motivatsionnogo konflikta [Misrepresentations in thinking activity because of motivation con-

flict] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2009. № 1. pp. 86–98.

3. *Bruner Dzh.* Psikhologiya poznaniya [Psychology of cognition]. M.: Progress, 1977.

4. *Vygotskij L.S.* Orudie i znak v razvitii rebenka [Tool and sign in child's development] // *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of person's development]. M.: Smysl; EHksmo 2005. pp. 1039–1129.

5. *Vygotskij L.S., Luriya A.R.* Ehtyudy po istorii povedeniya [Sketches in history of behavior]. M., Pedagogika-Press, 1993. 23 p

6. *Grishina E.A., Blinnikova I.V.* Ehmtsional'noe perezhivanie kross-kul'turnoj adaptatsii [Emotional experiencing of cross-cultural adaptation] // *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology]. 2010. № 1. pp. 72–84.

7. *Koul M.* Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Culture-historical psychology]. M.: Kogito-tsentr, 1997.

8. *Koul M., Skribner S.* Kul'tura i myshlenie [Culture and thinking]. M.: Progress, 1977.

9. *Longinova S.V.* Issledovaniya myshleniya s pomoshh'yu metoda piktogrammy [Study of thinking by means of pictogram method] // *Psikhologicheskie issledovaniya*. 1971. Vyp. 3 [Psychological researches. 1971. Issue 3]. pp. 162–167.

10. *Luriya A.R.* Lektsii po psikhologii pamyati [Lectures on psychology of memory]. M.: Izd-vo MGU, 1967.

11. *Luriya A.R.* Yazyk i soznanie [Language and consciousness] 2-e izd. — M.: Izd-vo MGU, 1998. 336 p.

12. *Rubinshtejn S.Ya.* Ekhspierimental'nye metodiki patopsikhologii i opyt primeneniya ikh v klinike : prakt. Rukovodstvo [Experimental method in pathopsychology and experience of its application in clinic]. M.: Meditsina, 1970. 216 c.

13. *Khersonskij B.G.* Metod piktogramm v psikhodiagnostike [Pictogram method in psychodiagnostics]. SPb: Sensor, 2000. 120 p.

14. *Cole M.* Cross cultural research in the socio-historical tradition // *Human Development*. 1988. № 1.

DEVELOPMENT OF TOLERANCE OF SOCIAL PEDAGOGUES IN THE SYSTEM «UNIVERSITY – ADDITIONAL VOCATIONAL EDUCATION»

S. N. Tolstikova, N. I. Nikitina

Abstract: The authors consider the problem that faced the system of continuous vocational education in modern Russia — the problem of creation conditions for development of tolerance as a professional important quality for specialists in the sphere of social pedagogy in universities and institutions of professional development. Manifestations of tolerance as a professional important quality of social workers (professionals working in kindergartens, schools, social asylums, orphanages, centers for social support for family and children, centers of psycho-pedagogical support and

rehabilitation of juveniles) with different work experience (from 1 year to 18 years) have been studying by the authors for fifteen years by means of valid diagnostic techniques. Correlations between the level of tolerance, psychological characteristics of social pedagogues, their gender and age have been revealed.

The characteristics of elaborated by the authors typology of individual styles of tolerance of a social pedagogues (synergistic, effective-adaptive, selective) are described in the article. Factors and conditions for development of tolerance in specialists of socio-pedagogical profile in the system of continuous education are considered; special attention is paid to the interpretation of situational-contextual approach to professional communication training of socio-pedagogical personnel.

Keywords: social pedagogue, professional important qualities of a specialist, tolerance, training, professional development

REFERENCES

1. *Bondyreva S.K., Kolesov D.V.* Tolerantnost' (vvedenie v problemu) [Tolerance (introduction to the problem)] / S.K. Bondyreva, D.V. Kolesov. — M.: SAG, 2003. — 240 p.
2. *Bratchenko S.L.* Razvitie u studentov napravlenosti na dialogicheskoe obshchenie v usloviyakh gruppovoy formy obucheniya [Development of the students focus on dialogic communication in a group of study]: Avtoref. diss. kand. psikh. nauk. — L., 1987. 16 p.
3. *Mardakhaev L.V.* Professional'naya kul'tura sotsial'nogo pedagoga [Professional culture of the social teacher] // Sotsial'naya pedagogika [Social pedagogy] / Pod. red. V.A.Nikitina [Under. ed. V. A. Nikitin]. — M.: MGPI, 2000. pp. 234–238.
4. *Nikitina N.I.* Metodologiya i tekhnologiya raboty sotsial'nogo pedagoga [Methodology and technology of social work educator] / N.I. Nikitina, M.F. Glukhova. — M.: Vldos, 2007. — 405 p.
5. *Ovcharov R.V.* Spravochnik sotsial'nogo pedagoga [Handbook for social teacher]. M.: Sphere, 2005. 385 p.
6. *Nikitina N.I., Tolstikova S.N.* Situatsionno-kontekstnyj podkhod k razvitiyu professional'no-kommunikativnoj tolerantnosti spetsialistov sotsial'no-pedagogicheskogo profilya [Situation and contextual approach to the development of professional and communicative tolerance of experts of socio-pedagogical profile] // Innovatsii v obrazovanii [Innovations in education]. — 2012. № 10. pp. 14–24.
7. *Nikitina N.I., Tolstikova S.N.* Razvitie professional'no-kommunikativnoj tolerantnosti spetsialistov sotsial'no-pedagogicheskogo profilya v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya [Development of professional-communicative tolerance of experts of socio-pedagogical profile in continuing education] // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta [Scientific notes of Russian State Social University]. — 2011. № 7 (95). pp. 140–145.
8. *Rean A.A., Kolominsky J.L.* Sotsial'naya pedagogicheskaya psikhologiya [Social educational psychology]. SPb.: Piter, 2000. 286 p.
9. *Tolstikova S.N., Nikitina N.I.* Kommunikativnaya tolerantnost' v sisteme professional'no znachimykh kachestv sotsial'nogo pedagoga [Communicative tol-

erance in the system of professionally significant qualities of the social teacher] // Uchenye zapiski Moskovskogo gumanitarnogo pedagogicheskogo instituta. Vypusk 1. — M: Mosk., gumanitarnaya. ped. in-t, [Scientific notes of the Moscow Humanitarian Pedagogical Institute. Issue 1. M.: Moskov. humanitarian. ped. Inst]. — 2002. pp. 33–39.

10. *Cameron C., Moss P.* Sotsial'naya pedagogika i rabota s det'mi i molodezh'yu: Vospitanie i obrazovanie [Social Pedagogy and Working with Children and Young People: Where Care and Education Meet]. London: Jessica Kingsley, 2011. 246 p.

11. *Bisman C.* Sotsial'nye tsennosti raboty: moral'noe yadro professii [Social work values: the moral core of the profession] // Britanskij zhurnal po sotsial'noj rabote [British Journal of Social Work]. 2004. № 34 (1). Pp. 109–123.

12. *Horton J., Nicholson P.* Terpimost': Filosofiya i praktika [Toleration: Philosophy and Practice] / London: Ashgejt izdatel'skaya kompaniya [London: Ashgate Publishing Company]. — 1992. 168 p.

13. *Yamazaki Y.* Izuchenie stilej i tipologii kul'turnykh razlichij: teoreticheskie i ehmpiricheskie sravneniya [Learning styles and typologies of cultural differences: A theoretical and empirical comparison] / Departament organizatsionnogo povedeniya, shkola upravleniya, Klivlend [Department of Organizational Behavior, Weatherhead of School of Management, Case Western Reserve University, Cleveland]. — 2002. 68 p.

ON THE FORMATION OF THE HUMANISTIC FOUNDATIONS OF THE PENITENTIARY PEDAGOGY

S. A. Vasilieva

Abstract: The article is devoted to the study of influence of the Protestant movement the «Religious Society of Friends» on the early stage of the formation of a new type of penitentiary institutions in the UK and USA in the first half of the XIX century. The period of European Enlightenment led to radical changes in the criminal justice system. Early XIX century is considered the origin of «the era of punitive restraint»: gradual legislative restriction of sanctions in the form of death penalty led to qualitative changes in the system of criminal penalties in general.

The «Religious Society of Friends» (Quakers) first proposed to consider punishment as a method for convicted person reforming. Socially active leaders of Quakers founded the «Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile» in 1818, the movement that continued to fight for death penalty restriction and changes of penal system. Quakers' ideologues manifested desire to organize prison in such way that it could have a beneficial effect on mental and moral nature of a prisoner. The Quakers was the first to talk about punishment as a mean of convict reforming through religion and education. The material of the article is based on sources that were not previously translated into Russian.

Keywords: penitentiary reforms, «Religious Society of Friends», the Quakers, the

prison charity, «Society for the Improvement of Prison Discipline and for the Reformation of Juvenile», Philadelphia and Auburn prison systems.

REFERENCES

1. *Buxton Th.F.* An Inquiry, whether Crime and Misery are Produced or Prevented by our Present System of Prison Discipline, 3rd ed., London, J & A Arch. 1818.
2. *Clarkson Th.* A Portraiture of Quakerism. New-York: pub. by S. Stansbury. 1806.
3. The Government of Gaols, Houses of Correction and Penitentiary // Society for the Improvement of Prison Discipline, and for the Reformation of Juvenile Offenders. London: pr. by T. Bensley. 1821. 2nd ed.
4. Tract no. III «On the Effects of Capital Punishment, as applied to Forgery and Theft (including the sentiments of some eminent authors, with some account or recent occurrences and proceedings)». London: pr. by John M'Creery, 1818.
5. *Galkin M.N.* Materialy k izucheniju tjuremnogo voprosa [Materials for the study of the prison issue]. S-Pb, 1868.
6. *Tarasov O.A., Vasil'eva S.A.* Osobennosti «vtoroj volny penitenciarnyh reform v Evrope i SShA i ee vlijanija na izmenenie uslovij sodержaniya osuzhdennyh zhenshhin [Peculiarities the «second wave» of prison reform in Europe and the United States and its influence on the change in the conditions of women imprisonment]// Prikladnaja juridicheskaja psihologija [Applied legal psychology], 2008, no 1. S. 46–52.
7. *Teplyashin P.V.* Istoki i razvitie anglijskogo tjur'movedenija [The origins and development of English penology]. Krasnojarsk.: 2005. Access: <http://refdb.ru/look/1749013-p5.html>

PSYCHOPRACTICES

SOLUTION TO THE PROBLEM OF PENITENTIARY SYSTEM PERSONNEL'S ADAPTATION TO APPLICATION OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL TOOLS IN LAW ENFORCEMENT

S. S. Epifanov

Abstract: The article deals with the problem of eliminating of psychological barrier in penitentiary system's personnel, arising due to necessity of application of means of scientific and technical progress in professional law enforcement activity. The problem of adaptation of personnel to the use of technical means can be solved by improvement of personnel's special technical training. It is noted in the article that activity of a person who deals with electronic instrumentations while realizing law-enforcement functions is subjected to psychological stress that can cause neuroses and psychosomatic state. The author specifies the necessary psychological qualities for person to use technology in law enforcement; high level of psycho physiological tolerance, ability to withstand prolonged emotional stress induced by the use of various devices and equipment, intellectual activity, ability to analyze ever-changing information, to make decisions under time pressure are among them. The causes

that prevent the effective use of scientific and technical tools by the staff are named in the article. Uncertainty about its efficiency and positive results of tools' application, doubt of legality of its use in specific official situations, difficulties in working with new unfamiliar technical facilities, inability to exploit a particular instrument or device, lack of experience in application of technical means in specific situations that arise in the process of law enforcement are among these causes. Elimination of personnel's psychological barriers preventing the use of scientific and technological means can be achieved by setting psychological attitude to use technology in law enforcement. Methods of equipments' operation should be combined with skills in organization and tactics in use of various equipment for specific situations while training. Special attention should be paid to students' practical training in standard technical methods of use of scientific and technical means for solving game problems. It is necessary for staff to assimilate knowledge and skills by working with new technology and by modeling official activity. It is advisable to promote the elements of positive experience in the use of scientific and technical means in the penal system.

Keywords: law enforcement, correctional system, the staff of the penal system, the use of technical means, psychological quality of personnel, psychology of decision-making on the use of technical means, the elimination of the psychological barrier, improving the technical training of law enforcement officers.

REFERENCES

1. *Epifanov S.S.* Puti sovershenstvovaniya ugovovno-ispolnitelnogo zakonodatelstva po voprosu primeneniya tehnikeskikh sredstv v preduprezhdenii pravonarusheniy v usloviyah realizatsii Konceptii razvitiya ugovovno-ispolnitelnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda [Ways of enhancement of penal legislation concerning application of technical means in the prevention of offenses in the conditions of realization of the Concept of development of the criminally-executive system in Russian Federation till 2020] *Ugovovno-ispolnitelnoe pravo — Penal law, 2012, no 1, pp. 47–49.*
2. *Epifanov S.S., Moiseev N.D.* O zakonnosti primeneniya tehnikeskikh sredstv pri osuschestvlenii operativno-rozysknoy deyatelnosti v tyurmah v usloviyah razvitiya ugovovno-ispolnitelnoy sistemy [About the legality of the use of technical means within the operational search activities in prisons in the conditions of development of the penal system] // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie — Man: crime and punishment. 2013, no. 2 (81), pp. 9–12.*
3. *Lebedev V.I.* Ekstremalnaya psikhologiya. Psichicheskaya deyatelnost v tehnikeskikh i ekologicheskikh zamknutykh sistemah [Extreme psychology. Mental activity in the technical and environmentally closed systems]. Moscow, 2001. p. 3.
4. *Sochivko D.V., Polyani N.A., Golyshcheva Yu.A.* Muzhskoy i zhenskiy put duhovnosti v mestah lisheniya svobody [Male and female path of spirituality in prison]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2012, no.1, pp. 60–74.*
5. *Daty A.V.* Charakteristika muzhchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody (po materialam specialnoy perepisi 2009 g.) [Characteristics of men sentenced to imprisonment (based on a special census in 2009)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2013, no 4, pp. 126–133.*

6. *Marinovskaya I.D., Tihomirov S.N.* Yuridicheskaya psihologiya [Legal psychology]. Moscow, 2005, 384 p.

7. *Kiselev A.M.* O psihologicheskoy gotovnosti sotrudnikov i podrazdeleniy ugolovno-ispolnitelnoy sistemy k deystviyam v ekstremalnykh situatsiyah [On psychological readiness of employees and units of the penitentiary system to act in extreme situations]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya — Applied legal psychology*, 2014, no 1. pp. 42–45.

8. *Epifanov S.S.* Preduprezhdenie recidivnoy prestupnosti v ispravitelnykh uchrezhdeniya posredstvom provedeniya meropriyatiy s ispolzovaniem tehnicheskikh sredstv [Prevention of recidivism in correctional institutions by the operations with the use of technical means] *Chelovek: prestuplenie i nakazanie — Man: crime and punishment*, 2011, no. 4 (75). pp. 73–77.

9. *Ushatikov A.I., Kazak B.B.* Psihologiya deyatelnosti lichnosti i kollektiva sotrudnikov penitentsiarnykh uchrezhdeniy [Psychology of individual and collective activities of prison staff]. Ryazan, 1999, 198 p.

10. *Epifanov S.S.* Sovershenstvovanie organizatsii specialnoy tehnikeskoy podgotovki sotrudnikov UIS na osnove vnedreniya innovatsionnykh obrazovatelnykh tekhnologii [Improvement of special technical skills training of penal staff under the introduction of innovative educational technology]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie — Man: crime and punishment*, 2011, no. 1 (72). pp. 119–121.

MARKERS OF EMOTIONAL BURNOUT IN THE SEMANTIC SPACE OF PERSONALITY

A. V. Boldyrev, T. A. Boldyreva, L. V. Thorzhevskaya

Abstract: Emotional burnout is considered as a mechanism of development of personality's professional destruction, showing similar dynamics with general adaptation syndrome, but possessing specific localization of effects in semantic space of professional's personality. The authors singled out the specific labour conditions, provoking the growth of the possibility of emotional burnout development. The empiric investigation was realized by means of the comparative method. The comparison was held among the groups of secondary school teachers, social protection centers' specialists and the staff of the penitentiary system institutions. With the help of the investigation data on «The method of emotional burnout level diagnostics» by B.B. Boiko and the method of «Professional burnout» by N.E. Vodopyanova two groups of specialists of each profession with the symptoms of emotional burnout and without were singled out empirically. The chosen groups were investigated for attributive style (attributive style estimation methodology STONE-B), life-meaning orientations, the quality characteristics of aggression and the peculiarities of semantic space. The purpose of the investigation was to single out symptoms, that are obligatory for all the staff-members, demonstrating the symptoms of emotional burnout and do not depend on peculiarities of professional activity. The most general symptoms of

emotional burnout were revealed on semantic level. They mainly became apparent in peculiarities of notion's connotation meaning, describing the subject of work and in semantic remoteness of the notion «my job» from the notions «success», «joy», «happiness», «hope». As a result, some quantity characteristics of emotional burnout syndrome can be designated, while describing the semantic space by means of semantic differential methods. The investigation can ascertain the localization of the main symptoms of emotional burnout on the level of personality's meaningful space. The data can be applied in emotional burnout screening diagnostics.

Keywords: emotional burnout, professional burnout, semantic space, semantic differential, penitentiary system, phenomenon of distrust, life-meaning orientations, semantic remoteness, connotation meaning, the subject of labor.

REFERENCES

1. *Vodopyanova N.E., Starchenkova E.S.* Sindrom Vygoraniya [Burnout syndrome]. Tutorial. SPb, Piter, 2008. 336 p.
2. *Kitaev-Smyk L.A.* Vygoranie personala, vygoraniye lichnosti, vygoraniye dushi [Staff burnout, personality burnout, soul burnout] // Psychopedagogics in law-enforcement organs. 2008. № 2. P. 43–50.
3. *Lymarenko V.M. et al.* Issledovaniya hronicheskogo professionalnogo stressa u vrachei skoroi meditsynskoi pomoshi Nevskogo raiona Sankt-Peterburga [The investigation of chronicle professional stress of emergency doctors of Nevsky region of Saint-Petersburg] / V.M. lymarenko, V.Y. Apchel, O.V. Leontyev, A.V. Dergunova // Russian Military-Medical Academy Herald. 2012. № 3. P. 39–45.
4. *Muhametzhanova N.M.* Problema svobody i poryadka v moderniziruyushih obshchestvakh [The problem of freedom and order in modernizing societies] // Orenburg State University Herald. 2013. № 7. P. 53–59.
5. *Oboznov A.A., Dotsenko O.N.* Emotsionalnaya napravlenost' uchitelei kak lichnostny resurs ihustoichivosti k vygoraniu [Emotional directness of teachers as a personality resource of their tolerance to burnout] // Bashkortostan Pedagogics Journal. 2011. № 5. Pp. 227–237.
6. *Posohova S.T.* Lichnostny adaptatsyonny sindrom v ekstremalnykh usloviyakh professionalnoi deyatel'nosti [Personality adaptation syndrome in extreme conditions of professional activity] // The Herald of Saint Petersburg University. Series 12: Psychology, Sociology. Pedagogics. 2011. № 4. P.7–13.
7. *Redina T.V.* Emotsionalnoye vygoranie pedagogov korrektsionnykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Emotional burnout of correctional education institutions] // Knowledge. Comprehension. Ability. 2010. № 1. P. 222–227.
8. *Soldatova E.L., Shevchenko A.A.* Vzaimosvyaz' psicheskogo vygoraniya i pokazatelei statusov ego-identichnosti [Interconnection of psychical burnout and ego-identity status indicators] // The South-Eastern State University Herald. Series: psychology. 2013. V. 3. № 3. P.13–16.
9. *Scherbinina O.A.* Asotsyal'naya lichnost' kak ob'ekt issledovaniya sovremennoi psikhologii [Asocial personality as contemporary psychology research object] // Orenburg State University Herald. 2014. № 4. P. 281–285.

ASSISTANCE TO ADMINISTRATORS

SOME GAPS IN INTERACTION BETWEEN SECURITY DEPARTMENTS AND OTHER SECURITY ADMINISTRATIONS IN PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIAN FEDERATION AND THE WAYS OF ITS OPTIMIZATION

D. V. Gorbach

Abstract: In recent years, there have been serious changes in the criminal contingent of the penal system and the issues of interaction of departments and services of correctional facilities in providing order and security come to the fore. In accordance with the Concept of development of penitentiary system of the Russian Federation until 2020, penal colonies, as form of correctional institutions, are expected to be reorganized in prisons. It is supposed that these prisons will provide the highest degree of isolation of convicts from society and are intended for the detention of persons, wherein a higher degree of public danger, a high level of socio-moral neglect. This category criminally dangerous individuals poses a real threat for the security of society and at the same time, if not quite hopeless, it is extremely difficult in terms of correction.

Keywords: interaction; departments and services; providing conditions; the security departments of offenders; correctional institutions.

REFERENCES

1. *Gorbach D.V.* Nekotorye voprosy uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya lits, kotorym smertnaya kazn' zamenena v poryadke pomilovaniya [Some questions of parole of persons to whom the death penalty is replaced by the right of pardon] // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment]. 2011. No. 4. P. 54–55.
2. *Voroshuk V.B.* Istoriko-pravovoj analiz funktsionirovaniya kolonij-poselenij (s momenta obrazovaniya po 2001 g.) [Historical-legal analysis of the functioning of prisons (since its formation in 2001)] // *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal law]. 2014. No. 2. Pp. 129-134.
3. *Strelkov D.O.* Osobennosti podgotovki molodykh spetsialistov v oblasti organizatsii rezhima i nadzora v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh [Peculiarities of training of young specialists in the field of organization and supervision in correctional institutions] // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment]. 2015. No. 1(88). P. 155–160.
4. *Khabarov V.A.* Organizatsiya i pravovye osnovy deyatel'nosti podrazdelenij organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy po obespecheniyu bezopasnosti osuzhdennykh i personala v usloviyakh modernizatsii inzhenerno tekhnicheskikh sredstv : dis.... kand. jurid. nauk [Organization and legal bases of activity of divisions of the organs and institutions of the penal correction system to ensure the safety of prisoners and staff in the modernization of the engineering and technical means : dis. ... candidate. the faculty of law. Sciences]. Pskov, 2011. 224 p.
5. Organizatsiya upravleniya v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme: ucheb.: V 3t. / Pod obshh. red. V.U. Yalunina; Nauch . red. V.M. Anisimkov, B.B. Kazak, N.P. Barabanov. — Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Minyusta Rossii [Management of the

prison system: proc.: In 3T / ed. by V.W. Yalunina; Scientific . edited by V.M. Anisimov, B.B. Kozak, N.P. Barabanov. — Ryazan Academy of law and administration of justice of Russia], 2003 . — Vol. 3: Spetsial'naya chast' [Special part]. — 427 p.

CONCEPTUAL GROUNDS FOR DEVELOPMENT OF CRISIS NEGOTIATION COMPETENCE OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

V. V. Vakhnina

Abstract: The problem of development of crisis negotiation competence of employees of Internal Affairs bodies is considered in the article. The lack or insufficient psychological and pedagogical training of employees of Internal Affairs bodies is one of the causes (and conditions) for negotiation crises' origin. Crisis negotiation competence of employees of Internal Affairs bodies is considered as dynamically changing significant professional quality of a person consisting of personal qualities and skills that predetermine deliberate attitude and constructive construction of negotiations. To develop crisis negotiation competence one should know components and structure of crisis negotiation competence, be able to carry on verbal and nonverbal information exchange, to diagnose psychological qualities of interlocutor and identify effective strategies, tactics and psycho techniques, to interact with negotiations' subjects and organize joint communicative activity for goals' achievement. A person should be ready to use relevant knowledge and skills, be possessed of emotional and volitional regulation in the process of negotiations and willingness to conduct crisis negotiations successfully.

Crisis negotiation competence is formed by developing of basic negotiation competence and its further specialization. Developed crisis negotiation competence makes it possible to conduct negotiations successfully preventing origination of crisis situations in negotiations.

Keywords: professional psychological training; crisis negotiation competence; readiness to conduct crisis negotiations, crisis situation.

REFERENCES

1. *Pozdnyakov V.M.* Professional'no-psikhologicheskaya kompetentnost' i psikhologicheskaya kul'tura yuristov [Professional psychological competence and psychological culture of lawyers] // *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. — 2010. — No. 3. — pp. 36–39.
2. *Korchemny P.A.* Psikhologicheskaya podgotovka letnogo sostava k boevym dejstviyam [Psychological preparation of flight personnel for combat operations]. — M., 2012. — 153 p.
3. *Sotsial'naya kommunikatsiya v sovremennom mire* [Social communication in the modern world] / od obshh. red. A.A. Derkach, E.B. Perelyginov ; monografiya [under the editorship of A. A. Derkach, E. B. Perelygina : monograph]. — M., 2004. — 446 p.

ASSISTANCE TO YOUNG SCIENTISTS

FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS FROM DIFFERENT COURSE YEARS

V. V. Sharok

Abstract: The article provides the analysis of different approaches to understanding the essence of students' socio-psychological adaptation process and the results of empirical study of different course year students' adaptation: general characteristics of the students' socio-psychological adaptation process are discussed; gender-specific differences and differences in the groups with low and high levels of socio-psychological adaptation are analyzed.

Keywords: socio-psychological adaptation, coping strategies, defense mechanisms, satisfaction with the educational process.

REFERENCES

1. *Aglicheva I.V.* Kompleksnoe issledovanie osobennosti lichnostnoi adaptatsii studentov vuza [Complex study of peculiarities of personal adaptation of high school students]: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk. Stavropol', 2006. 233 p.

2. *Babakhan Ju.S.* Samootsenka studenta kak pokazatel' ego sposobnosti k uchebnoi adaptatsii [Student's self-esteem as an index of his ability to educational adaptation] // Psikhologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti adaptatsii studenta [Psychological and socio-psychological peculiarities of student's adaptation]. Erevan, 1973. pp. 21–25.

3. *Barlas T.V.* Osobennosti psikhicheskoi adaptatsii k megapolisu i koping-strategii u studentov [Peculiarities of psychological adaptation to megalopolis and coping strategies in students] // Psikhologiiia stressa i sovladaiushchego povedeniia : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. Konf [Psychology of stress and coping strategies: proceedings of III International scientific and practical conference]. [Kostroma, 26–28 sent. 2013 g.]. Kostroma, 2013. pp. 12–13.

4. *Vasil'eva S.V.* Adaptatsiia studentov k vuzam s razlichnymi usloviiami obucheniia [Students' adaptation to high schools with different educational conditions] // Psikhologo-pedagogicheskie problemy razvitiia lichnosti v sovremennykh usloviiakh: psikhologiiia i pedagogika v obshchestvennoi praktike [Psychological and pedagogical problems of present-days person's development: psychology and pedagogic in social practice]: sb. nauch. tr. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2000.

5. *Vrazhnova M.N.* Sistema professional'noi adaptatsii studentov tekhnicheskikh vuzov v usloviiakh vzaimodeistviia «vuz-predpriiatie» [System of professional adaptation of technological universities students' in "university-industry" interaction]. M.: Tekhpoligrftsentr, 2004. 179 p.

6. *Grishanov L.K., Tsurkan V.D.* Sotsiologicheskie problemy adaptatsii studentov mladshikh kursov [Sociological problems of freshmen's adaptation] // Psikhologo-pedagogicheskie aspekty adaptatsii studentov k uchebnomu protsessu v vuze [Psychological and pedagogical aspects of students' adaptation to educational process in the university]. Kishinev, 1990. pp 29–41.

7. *Dubovitskaia T.D., Krylova A.V.* Metodika issledovaniia adaptirovannosti studentov v vuze [Method for students' adaptability in university study] // Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie [Psychological science and education]. 2010. № 2.

8. *Kuznetsova S.A., Klimov M.N.* Izuchenie koping-strategii i osmyslennosti zhizni u studentov vuza s raznymi migratsionnymi ustanovkami [Study of coping strategies and life meanings in students with different migratory attitudes] // Psikhologija stressa i sovladaushchego povedeniia: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Psychology of stress and coping strategies: proceedings of III International scientific and practical conference]. (Kostroma, 26–28 sent. 2013 g.). Kostroma, 2013. S. 35–37.

9. *Romanova E.S., Grebennikov L.P.* Mekhanizmy psikhologicheskoi zashchity: genезis, funktsionirovanie, diagnostika [Mechanisms of psychological defense: genesis, functioning, diagnostics]. Mytishchi: Talant, 1996. 144 s.

10. *Siomichev A.V.* Psikhologicheskie osobennosti adaptatsii studentov v sfere poznaniia i obshcheniia v vuze [Psychological peculiarities of students' adaptation in the spheres of cognition and communication in universities]: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. L., 1985. 17 s.

11. *Sorokina Ju.L.* Preodolenie krizisa uchebnoi adaptatsii studentami pedagogicheskogo vuza. [Overcoming of educational adaptation crisis by students of pedagogical university]: dis. ... kand. psikhol. nauk. Iaroslavl', 2005. 257 s.

12. *Tarabrina N.V., Lazebnaia E.O.* Uspeshnost' professional'noi deiatel'nosti i professional'naia prigodnost' operatora [Successfulness of professional activity and professional suitability of operators] // Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]. 1994. № 3.

13. *Tereshchenko A.G.* Izmenenie osobennostei psikhicheskikh protsessov u studentov v sviazi s adaptatsiei k uchebnoi deiatel'nosti [Changes in peculiarities of mental processes in students due to adaptation to educational activity] // Adaptatsiia uchashchikhsia i molodezhi k trudovoi i uchebnoi deiatel'nosti [Adaptation of students and youth to labour and education activities]. Irkutsk, 1986. S. 89–103.

14. *Chuchelina E.V.* Psikhologicheskie faktory sotsial'no-psikhologicheskoi adaptatsii studencheskoi molodezhi v usloviakh vuza [psychological factors of socio-psychological adaptation of students to university]: dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk. Samara, 2007. 168 s.

THE INFLUENCE OF SPECIFIC CHARACTER OF PENITENTIARY SYSTEM'S STAFF ACTIVITY ON THEIR MENTAL HEALTH

N. G. Samojlov, A. V. Aljoshicheva

Abstract: The study of influence of specific character of penitentiary system's staff activity on their mental health was the purpose of the study. Two groups of males aged 30 to 45 years participated in the research. The first group (N = 31) consisted of employees of operational units, and the second one (N = 29) of the em-

ployees of the financial services. Diagnosing the symptoms of burnout was carried out by means of V. V. Boyko's technique. The characteristics of their professional activities have been studied as well.

The analysis of the data reveals that conditions of official activity are the leading traumatic factor. At the same time in operatives, compared with financiers, much more stressful influences with negative effect on mental health have been revealed.

Emotional state of penitentiary system personnel is burdened by such symptoms as anxiety and depression, the experiencing of traumatic for psyche circumstances and emotional detachment. Psychosomatic and psycho-vegetative disorders are the dominant symptoms and their intensification (and this is clearly expressed in the staff of operational units) leads to the deterioration and weakening of mental health.

The paper drew attention to the increase in the degree of manifestation of this symptom as a reduction of professional duties. This is due to the «pressure» on the psyche of correctional system's personnel of a large number of regulatory requirements; combination of the latter creates so-called «legal press». Long-term psyche stress generates increasing of psychological defense, which manifests itself in the form of «legal nihilism» — the ignoring of duty's requirements or reduction in thoroughness of their performance.

It has been shown that the phase of “exhaustion” is formed completely in operational personnel. This means that individuals of these units, due to the influence of stress conditions of service, are under exhaustion. Reduction of resistance and increase in the level of manifestation of psycho-vegetative and psychosomatic disorders are the results. In addition, emotional exhaustion provokes prepathological states and worsens staff's mental health.

In order to strengthen and preserve mental health, the state of which conditions the quality and efficiency of professional activity, it is recommended to develop and conduct systematically socio-psychological training aimed at improving of the mental health of correctional system's staff.

Keywords: personnel of the correctional system, mental health, emotional burnout, legal news, specific performance.

REFERENCES

1. *Aloshycheva A.V.* Vliyanie psikhologo-pravovykh faktorov na psikhicheskoe zdorov'e inkassatorov v usloviyakh ikh professional'noj deyatel'nosti. Avtoref. dis. kand. psychol. nauk [Influence of psychological and legal factors on the mental health of collectors in terms of their professional activities. Cand. psychol. sci. diss. abstract]. Kharkov, 2011. 20 p.
2. *Akhmedilin R.L.* Osnovy penitentsiarnoj psikhologii [Basis of the penitentiary psychology]. Novokuznetsk, 2013. 68 p.
3. *Boiko V.V.* Metodika diagnostiki urovnya ehmotsional'nogo vygoraniya. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy [Method for diagnostics of level of emotional burnout. Practical psychological testing. Methods and Tests]. Samara, 2001, p. 161–169.
4. *Darovskaya N.D.* Individual'nye osobennosti psikhicheskoy adaptatsii lichnosti

v opasnykh professiyakh. Avtoref. dis. kand. psychol. nauk [Individual features of mental adaptation of personality in hazardous occupations. Cand. psychol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2000, 20 p.

5. *Dmitriev A.V., Safronov V.P.* Osnovy penitentsiarnoj psikhologii [Basis of the penitentiary psychology]. Moscow, 2003, 176 p.

6. *Karoyani A.G., Syromyatnikov I.V.* Prikladnaya voennaya psikhologiya [Applied Military Psychology]. St. Peterburg, 2006, 480 p.

7. *Kir'yanova E.N.* Proyavlenie riska v deyatel'nosti spetsialistov opasnykh professij. Avtoref. dis. kand. psychol. nauk [Manifestation of risk in the activity of specialists in hazardous occupations. Cand. psychol. sci. diss. abstract]. Moscow, 2003. 20 p.

8. *Samoilov M.G.* Vliyanie professional'noj deyatel'nosti na psikhiku sotrudnikov pravookhranitel'noj deyatel'nosti [The influence of professional activity on the psyche of employees of law enforcement]. Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta vnutrennikh del — Bulletin of the Kharkiv National University of Internal Affairs, 2011, no. 613, pp. 286–296.

9. *Sidorenko E.V.* Metody matematicheskoy obrabotki v psikhologii [Mathematical Methods in Psychology]. St. Peterburg, 2003, 350 p.

10. *Cherkasova M.A., Pozdnyakov V.M.* Osobennosti professional'nogo vygoraniya u sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy na razlichnykh ehtapakh prokhozheniya sluzhby [Features of professional burnout among employees of the correctional system at different stages of service]. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied legal psychology, 2013, no. 1, pp. 12–18.

11. *Cherkasova M.A.* Psikhologicheskij monitoring professional'nogo vygoraniya sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii. Avtoref. dis. kand. psychol. nauk [Psychological monitoring of professional burnout employees of the correctional system in Russia. Cand. psychol. sci. diss. abstract]. Ryazan, 2014, 28 p.

12. *Lopes L.L.* Risk and distributional inequality. Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 2007, no. 10, p. 265–485.

13. *Wyatt Garry.* Risk taking and risk avoiding behavior: The impact of some dispositional and situational variables. J. Psychology, 2013, vol. 129, no. 4, p. 437–447.

DURA LEX SED LEX

THE CONTENT OF PSYCHOLINGUISTIC RESEARCH IN CRIMINAL CASES OF EXTREMIST ORIENTATION EXPERTIZING

A. V. Pominov

Abstract: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 28.06.2011 № 11 «On judicial practice in criminal cases involving crimes of an extremist nature» speaks about the need to identify a target orientation of information materials. To do this, Plenum recommends appointing linguistic expertise in criminal cases. In addition, in case of necessity, the involvement of psychologists, historians, political scientists and other specialists is recommended.

The key approaches in determination of information materials' targeting by judicial psycholinguistic examination are outlined. This type of examination allows accumulating knowledge in the field of linguistics and psychology and becoming a productive solution for the court.

The purpose of this article is to establish the boundaries for judicial use of a psycholinguistic examination in criminal cases related to extremism. Key features distinguishing linguistic and psycholinguistic kinds of legal expertise are reviewed; structural components of judicial psycholinguistic research are identified.

The ultimate and intermediate targets characterize goal orientation of speech activity, where the interim target refers to a speech act. In implementing of psycholinguistic principles in forensic expertizing, the speech action is determined as a subject of the study. This speech act reflects person's motives, intentions, mental processes, states, and attitudes as well. The following signs characterize speech activity: 1) orientation on an object; 2) purposefulness; 3) motivation; 4) phase organization the process of activity.

Speech motivation is communicative intention, which not only determines the participant of communication, but also describes the purpose of the utterance. Psycholinguistic reconstruction of speech into the inner world of the individual, allows to define information about the status and content of internal and external processes of the speaking subject. As the result, the target orientation, semantic content and forms of intercourse become the product for judicial psycholinguistic examination.

Keywords: trial psycholinguistic expertise, speech activity, exhortation, extremism, target orientation, phases of speech activity.

REFERENCES

1. *Andreeva G.M.* Sotsial'naiia psikhologiiia [Social psychology]. Moscow, Aspect Press Publ., 2001, 290 p.
2. *Vygotskii L.S.* Myshlenie i rech' [Thought and Speech]. Moscow, Pedagogika — Pedagogy Publ., 1982. 504 p.
3. *Gal'perin P.Ia.* Vvedenie v psikhologiiu [Introduction to Psychology]. Moscow, Knizhnyi dom «Universitet» — Book House «University» Publ., 1999. 332 p.
4. *Glukhov V.P., Kovshikov V.A.* Psikholingvistika. Teoriia rechevoi deiatel'nosti [Psycholinguistics. The theory of speech activity]. Moscow, AST Publ., 2007. 318 p.
5. *Emelin V. A.* Terrorizm kak patologicheskaiia forma obreteniia identichnosti v usloviakh informatsionnogo obshchestva [Terrorism as a pathological form of finding identity in the information society]. *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiiia — Applied legal psychology*, 2010, no 4. pp. 36-43
6. *Zimniaia I.A.* Lingvopsikhologiiia rechevoi deiatel'nosti [Lingvopsychology of speech activity]. Moscow, Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institute — Moscow Psychological and Social Institute Publ., Voronezh, NPO «MODEK» Publ., 2001. 432 p.
7. *Ivanenko G.S.* Lingvisticheskaiia ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii [Linguistic expertise in the processes for protection of honor, dignity and business reputation]. Chelyabinsk, *Poligraf-Master* Publ., 2006. 228 p.

8. *Karaulov Iu.N.* Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and linguistic identity]. Moscow, LKI Publ., 2006. 264 p.

9. *Komarova S.L.* Optimizatsiia otnoshenii sub'ektov politicheskoi deiatel'nosti. Diss. dokt. psikhol. nauk [Optimizing relations of subjects of political activity Dr. psychol. sci. diss.]. Moscow, 2002, 18 p.

10. *Krapivenskii S.E.* Sotsial'naiia filosofiiia [Social philosophy]. Volgograd, Komitet po pechati — Department of printing Publ., 1996. 352 p.

11. *Leont'ev A.A.* O psikholingvisticheskoi ekspertize. Metodologiiia sovremennoi psikholingvistiki: Sbornik statei [About psycholinguistic examination. Methodology of modern psycholinguistics]. Moscow; Barnaul, Altaiskii gosudarstvennyi universitet — Altai State University Publ., 2003, pp. 58–70.

12. *Leont'ev A.A.* Obshchenie kak ob»ekt psikhologicheskogo issledovaniia. Metodologicheskie problemy sotsial'noi psikhologii [Communication as an object of psychological research. Methodological problems of social psychology]. Moscow, Nauka — Science Publ., 1975, pp. 106–123.

13. *Leont'ev A.A.* Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl; SPb, Lan' Publ., 2003, 287 p.

14. *Leont'ev A.A.* Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniia [Psycholinguistic units and generation of verbal expression]. Moscow, Krasand Publ., 2010, 332 p.

15. *Leont'ev A.A., Riabova T.V.* Fazovaia struktura rechevogo akta i priroda planov. Plany i modeli budushchego v rechi [The phase structure of the speech act and the nature of plans. Plans and models of future in speech]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1970, pp. 27–32.

16. *Leont'ev A.N.* Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniia [Selected psychological works]. Moscow, Pedagogika — Pedagogy Publ., 1983. 320 p.

17. *Leont'ev A.N.* Obshchee poniatie o deiatel'nosti. Osnovy teorii rechevoi deiatel'nosti [The general notion of activity. Fundamentals of the theory of speech activity]. Moscow, Nauka — Science, Publ., 1974, pp. 5–20.

18. *Maklakov A.G.* Obshchaia psikhologiiia [General Psychology]. SPb, Piter Publ., 2001, 592 p.

19. *Paminov A.V.* Kompleksnaya psikholingvisticheskaya ehkspertiza knigi V.M. Timenchik «Sem'ya u nas i u drugikh» [Complex psycholinguistic examination books V.M. Timenchik «Our family and others» // Sovremennye nauchnye issledovaniia [Modern scientific research]. Issue 2 — Concept. Available at: <http://e-koncept.ru/2014/54923.htm> (Accessed: 15 January 2015).

20. Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 11 ot 28.06.2011 goda «O sudebnoi praktike po ugovnym delam o prestupleniiah ekstremistskoi napravlenosti» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation №11 from 28.06.2011, «On judicial practice in criminal cases involving crimes of an extremist nature»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (Accessed: 6 December 2014).

21. *Viner N.* Kibernetika, ili upravlenie i sviaz' v zhivotnom i mashine [Cybernetics or management and ties im animal and machinery] // Rozenbliut A., Viner N., Bige-

lou Dzh. Povedenie, tselenapravlennost' i teologiya [Behavior, purposefulness and theology]. Moscow, Nauka — Science, Glavnaia redaktsiia izdaniia dlia zarubezhnykh stran — [Home Edition publications for foreign countries Publ.], 1983, 344 p.

22. Sosnin V.A. Problema motivatsii terrorizma v mirovoi issledovatel'skoi praktike [The problem of motivation of terrorism in the global research practice]. Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya — [Applied legal psychology], 2009, no 3, pp. 18–30.

23. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: tekst s izm. i dop. na 15 iuliia 2013 g. [The Criminal Code of the Russian Federation: text izmmeneniymi and additions on 15 July 2013]. Moscow, Eksmo Publ., 2013, 224 p.

24. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia — Soviet Encyclopedia Publ., 1983, 840 p.

25. Tsena slova. Iz praktiki lingvisticheskikh ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoi reputatsii [Price of words. From the practice of linguistic expertise of media texts in court proceedings on protection of honor, dignity and business reputation]. Moscow, Galereia Publ., 2002, 336 p.

26. Entsiklopediia epistemologii i filosofii nauki [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow, «Kanon+», «Reabilitatsiia» Publ., 2009, 1248 p.

SOME PROBLEM ISSUES OF EXECUTION IN THE FORM OF LIFELONG IMPRISONMENT AND PAROLE

D. V. Gorbach, S. V. Stroilov

Abstract: The analysis of problems that may appear in application of the institutions under consideration in practice is given in the article. Proposals for improvement of criminal legislation in the Russian Federation concerning the regulation of life imprisonment and parole are considered as well. Nowadays there is no experience of its application in legal practice. In turn, in legal practice of foreign countries huge experience of execution of life imprisonment and parole have been accumulated.

Application in practice by the courts of this rule can cause problems, as the judges will be guided only by their subjective opinion in resolution of petitions for parole presented by the convict or his lawyer. In my opinion, criminal legislation of the Russian Federation governing the execution of criminal punishment in the form of lifelong imprisonment and parole should be developed and studied more thoroughly.

Keywords: parole; criminal law; life imprisonment; a grave or especially grave crime; problems and suggestions.

REFERENCES

1. Khabarov V.A. Organizatsiya i pravovye osnovy deyatelnosti podrazdelenij organov i uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy po obespecheniyu bezopasnosti osuzhdennykh i personala v usloviyakh modernizatsii inzhenerno tekhnicheskikh sredstv :dis. ... kand. jurid. nauk. [Organization and legal bases of activity of divisions of the organs and institutions of the penal correction system to ensure the safety of prisoners and staff in the modernization of the engineering and technical means : dis. ... candidate. the faculty of law. Sciences]. Pskov, 2011. 224 p.

2. *Prokudin V.V.* Videonablyudenie kak vazhnyj ehlement protivodejstviya posyagatel'stvam na chest' i dostoinstvo sotrudnikov UIS [Video surveillance as an important element of counter-attacks on the honor and dignity of the prison staff] / *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy* [News of criminal-executive system]. 2015. № 4. P. 25-28.

3. *Tkaczewski Y.M.* Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya [Conditionally-early release from punishment serving] // *Vestn. Mosk. gos. un-ta* [Bulletin of Moscow State University]... P. 28; *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [Criminal-Executive law of Russia]. M., 2000. p. 450.

4. *Inogamova L.V.* Kontrol' za povedeniem uslovno-dosrochno osvobozhdennykh ot nakazaniya [Control behavior on parole from punishment] // *Sovershenstvovanie deyatel'nosti uchastkovogo inspektora militsii v sovremennykh usloviyakh* [Improvement of the activities of the local militia inspector in modern conditions]. Tyumen, 1991. p. 119.

GUARD IN SECURITY SYSTEM OF CORRECTIONAL FACILITIES

V. V. Shefer

Abstract: The article is devoted to general theoretical, legal and applied aspects of security organization in prisons. The main areas of security service's activity in prisons are including providing of isolation, prevention of escapes and other offences of convicts; prevention of violators' penetration to the unit; opposition to carrying over things, substances, objects and food that are prohibited for convicts or suspected are outlined.

Examples of practicable incidents that can occur under the security lapses in correctional facilities, and with the lack of interaction between departments such as the operational department, safety and security are given. In the given examples of mass violations in prisons, the influence of forces outside the facilities can be traced. Analytical data indicating the increase of escape activity increased, constant high-level of attempts to smuggle things that are prohibited for convicts are presented. The factors that ensure convicts' isolation in the period of penal system reforming are outlined.

Keywords: security; State security; personal safety; risk; the convicted person; correctional institution; security prisons; escape activity.

REFERENCES

1. *Novosti: [Elektronnyj resurs]* [News: electronic resource] / *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper]. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/09/reg-urfo/sizo-anons.html> (data obrashhenija: 02.06.2015).

2. *Novosti: [Elektronnyj resurs]* [News: electronic resource] / *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper]. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/07/reg-pfo/pogib-anons.html> (data obrashhenija: 02.06.2015).

3. *Novosti: [Elektronnyj resurs]* [News: electronic resource] / *Rossijskaja gaze-*

---

ta [Russian newspaper]. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/12/bunt.html> (data obrashhenija: 02.06.2015).

4. O rezul'tatah raboty po obespecheniju ohrany ob'ektov ugovovno-ispolnitel'noj sistemy v 2014 godu i merah po povysheniju ee jeffektivnosti v 2015 godu: pis'mo FSIN Rossii ot 23.02.2015 № ish.-08-7683 [About the results of security ensuring in penitentiary system in 2014 and measures of increasing its efficiency in 2015; the letter of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation dated 23.02.2015 № 08-7683].

5. Ugolovno-ispolnitel'nye sredstva obespecheniya chastno-predupreditel'noy funktsii lisheniya svobody. Bochkarev V.V. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Penal-executive measures of ensuring partial preventive function of imprisonment. *Bochkarev V.V. Applied legal psychology*]. 2014. № 4. pp. 175–181.

НАШИ АВТОРЫ

АЛЁШИЧЕВА

Анна Васильевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и технических систем обучения факультета дополнительного профессионального образования Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова, annamona@yandex.ru

АРЕСТОВА

Ольга Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, arestova@mail.ru

БОГДАНОВ

Евгений Николаевич — доктор психологических наук, профессор, проректор Высшей школы психологии, bogdanov48@mail.ru

БОЛДЫРЕВ

Анатолий Валентинович — начальник Учебного центра УФСИН России по Оренбургской области, miriskaz@yandex.ru

БОЛДЫРЕВА

Татьяна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, кафедра общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета, ttatianna@yandex.ru

ВАСИЛЬЕВА

Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии ФСИН России, vasi-svetlana@yandex.ru

ВАХНИНА

Виктория Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России (г. Москва), vikavahnina@mail.ru

ГАВРИНА

Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры общей психологии Академии ФСИН России, gawrina_elen@mail.ru

ГОЛОВИНА

Галина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института психологии РАН, gala-galarina@mail.ru

ГОРБАЧ

Денис Владиславович — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры организации режима и надзора в УИС Академии ФСИН России, denis_reg59@mail.ru

ЕНГАЛЫЧЕВ

Вали Фатехович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, valiyen@gmail.com

ЕПИФАНОВ

Станислав Станиславович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии ФСИН России, ess-rzn@mail.ru

ЗОБКОВ

Александр Валерьевич — доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и педагогической психологии Гуманитарного института ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», av.zobkov@gmail.com

КАЗБЕРОВ

Павел Николаевич — кандидат психологических наук, начальник центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников УИС ФКУ НИИ ФСИН России, orodnii@yandex.ru

КИСЕЛЕВА

Рената Николаевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России, renatakis@yandex.ru

КРАСНЕНКОВА

Светлана Александровна — кандидат психологических наук, начальник психологической службы отдела воспитательной работы с осужденными, УФСИН России по Воронежской области, SKKrasnenkova@mail.ru

МАЛОВА

Елена Николаевна — старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Гуманитарного института ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», shaposhnikov62@mail.ru

МОИСЕЕВ

Артем Валерьевич — эксперт-психолог Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, styomicus@mail.ru

МОИСЕЕВА

Ирина Геннадьевна — преподаватель кафедры общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, iri25100@yandex.ru

НИКИТИНА

Наталья Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социальной и семейной педагогики, Российский государственный социальный университет, nn0803@mail.ru

ПОЗДНЯКОВ

Вячеслав Михайлович — доктор психологических наук, профессор, ведущий специалист НИИ ФСИН России, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, pozdnyakov53@mail.ru

ПОМИНОВ

Андрей Викторович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, негосударственный судебный эксперт в области психологии и психофизиологии человека, Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета, rominoff@mail.ru

ПОСОХОВА

Анастасия Владиславовна — кандидат психологических наук, доцент, НОУ ВПО «Институт международной торговли и права», aposohova@mail.ru

САВЧЕНКО

Татьяна Николаевна — кандидат психологических наук, ректор Высшей школы психологии, tatka_sav56@mail.ru

САМОЙЛОВ

Николай Григорьевич — доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и технических систем обучения факультета дополнительного профессионального образования Рязанского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова, annamona@yandex.ru

СОЧИВКО

Дмитрий Владиславович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, sochivo@mail.ru

СТРОИЛОВ

Сергей Валерьевич — заместитель кафедры огневой подготовки Академии ФСИН России, verOnica@mail.ru

ТОБОЛЕВИЧ

Ольга Анатольевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом РГУ им. С.А. Есенина, o_tobolevich@mail.ru

ТОЛСТИКОВА

Светлана Николаевна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования, Московский городской педагогический университет, s.tolstikova@rambler.ru

ТХОРЖЕВСКАЯ

Людмила Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития личности Института специальной педагогики и психологии (г. Санкт-Петербург), llud-dmilla@yandex.ru

ХАВАНОВА

Ирина Сергеевна — начальник психологической лаборатории ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Нижегородской области, PsychologIrina1981@rambler.ru

ЧЕРНЫШЕВА

Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии служебной деятельности и педагогики Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

ШАРОК

Вероника Викторовна — кандидат психологических наук, ассистент кафедры социологии и психологии Национального минерально-сырьевого университета «Горный», verOnica@mail.ru

ШЕФЕР

Вячеслав Владимирович — начальник курса факультета правоохранительной деятельности ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, адъюнкт заочной формы обучения Академии ФСИН России, wshefer@yandex.ru

ЩЕЛКУШКИНА

Екатерина Александровна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общей психологии Академии ФСИН России, K20092008@yandex.ru

OUR AUTHORS

ALJOSHICHEVA

Anna Vasil'evna — PhD, associate professor, pedagogy, psychology and technical systems chair, Education Department, I. Pavlov Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia, E-mail: annamona@yandex.ru

ARESTOVA

Olga Nikolaevna — PhD, associate professor, general psychology chair, psychological department of Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia, E-mail: arestova@mail.ru

BOGDANOV

Evgeniy Nikolaevich — Sc. D. (psychology), professor, pro-rector of Higher School of Psychology, Moscow, Russia, E-mail: bogdanov48@mail.ru

BOLDYREV

Anatoly Valentinovich — internal service colonel, head of FBGOU DPO Education centre UFSIN Russia in Orenburg region, Orenburg, Russia, E-mail: miriskaz@yandex.ru

BOLDYREVA

Tatyana Aleksandrovna — PhD, associate professor, general psychology and psychology of personality chair, Orenburg State University, Orenburg, Russia, E-mail: ttatianna@yandex.ru

VASILIEVA

Svetlana Anatol'evna — PhD, associate professor, deputy head of philosophy and history chair, Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, E-mail: vasi-svetlana@yandex.ru

VAKHNINA

Victoria Vladimirovna — Ph.D., associate professor, psychology, pedagogy and organization of work with the staff chair, Academy of the Interior Ministry of Russia, Moscow, E-mail: vikavahnina@mail.ru

GAVRINA

Elena Evgen'evna — PhD, associate professor, head of general psychology chair, Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, E-mail: gavrina_elena@mail.ru

GOLOVINA

Galina Michailovna — PhD, associate professor, senior research officer, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, E-mail: gala-galarina@mail.ru

GORBACH

Denis Vladislavovich — PhD in law, deputy head of the Supervision and Prison Regime Organization Sub-department of the Academy of FPS (Federal Penal Service) of Russia, major of internal service, E-mail: denis_reg59@mail.ru

ENGALYCHEV

Vali Fatehovich — Sc.D. (psychology), professor, head of general and legal psychology chair, K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, E-mail: valiye@gmail.com

EPIFANOV

Stanislav Stanislavovich — PhD in law, associate professor, professor, chair of Crime Detection Activities Organization, the Academy of FSIN of Russia, E-mail: ess-rzn@mail.ru

ZOBKOV

Alexandr Valeryevich — Sc. D. (psychology), associate professor, general and pedagogical psychology chair, Vladimir State University named after A.G. Stoletov and N.G. Stoletov, Vladimir, Russia, E-mail: av.zobkov@gmail.com

KAZBEROV

Pavel Nikolaevich — PhD, chief of center for the study of problems of penitentiary and methodological provision of work with prisoners FGI Research FPS of Russia lieutenant colonel of internal service, Russia, E-mail: opodnii@yandex.ru

KISELEVA

Renata Nikolaevna — PhD, associate professor, social psychology and social work chair, Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Russia, E-mail: .renatakis@yandex.ru

KRASNENKOVA

Svetlana Aleksandrovna — PhD, head of Psychological Service at the Department of Educational Work with Convicts at RFPS in Voronezh Region, Voronezh, Russia, E-mail: SKrasnenkova@mail.ru

MALOVA

Elena Nikolaevna — senior lecturer, general and pedagogical psychology chair, Vladimir State University named after A.G. Stoletov and N.G. Stoletov, Vladimir, Russia, E-mail: shaposhnikov62@mail.ru

MOISEEV

Artem Val'erevich — assessor-psychologist, Forensic Science and Criminalistics Research Centre in Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, E-mail: ctyomicus@mail.ru

MOISEEVA

Irina Gennad'evna — lecturer, general and legal psychology chair, Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia, E-mail: iri25100@yandex.ru

NIKITINA

Natal'ya Ivanovna — Sc.D. (pedagogy) professor, social and family pedagogic chair, Russian State Social University, Moscow, Russia, E-mail: nn0803@mail.ru

POZDNYAKOV

Vyacheslav Michailovich — Sc.D. (psychology), professor, leading specialist of the Research Institute of the Federal Penal Correction Service, professor of criminal law, criminal procedure and criminalistics chair, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, E-mail: pozdnyakov53@mail.ru

POMINOV

Andrei Viktorovich — PhD, associate professor, pedagogy and psychology chair, Sibai Institute (branch) of Bashkir State University, legal expert in the sphere of man's psychology and psychophysiology, E-mail: pominoff@mail.ru

POSOKHOVA

Anastasia Vladislavovna — Ph.D., associate professor, Institute for International Trade and Law, E-mail: aposohova@mail.ru

SAVCHENKO

Tat'yana Nikolaevna — PhD, rector of Higher School of Psychology, Moscow, Russia, E-mail: tatka_sav56@mail.ru

SAMOJLOV

Nikolaj Grigor'evich — Sc.D. (biology), professor, head of pedagogy, psychology and technical systems chair, Education Department, I. Pavlov Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia.

SOCHIVKO

Dmitriy Vladislavovich — Sc.D. (psychology), professor, general psychology chair, Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Russia, E-mail: sochivo@mail.ru

STROILOV

Sergey Valer'evich — deputy head of fire training chair, Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Russia, E-mail: verOnica@mail.ru

TOBOLEVICH

Ol'ga Anatol'evna — PhD, associate professor, personnel management chair, Ryazan State University named after S.A. Esenin, Ryaza, Russia, E-mail: o_tobolevich@mail.ru

TOLSTIKOVA

Svetlana Nikolaevna — Sc.D. (psychology), professor, psychology of education chair, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, E-mail: s.tolstikova@rambler.ru

THORZHEVSKAYA

Ludmila Vladimirovna — PhD, associate professor, personality of developmental psychology chair, Institute of special pedagogic and psychology, Saint Petersburg, Russia, E-mail: lluddmilla@yandex.ru

KHAVANOVA

Irina Sergeevna — head of psychological laboratory, FKU SIZO-2 GUFSSIN of Russia in Nizhny Novgorod region, Russia, E-mail: PsychologIrina1981@rambler.ru

CHERNYSHEVA

Elena Viktorovna — PhD, associate professor, psychology of official activity and pedagogic chair, Federal State Public Educational Establishment of Higher Professional Training «Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»; Russia, E-mail: evchern2010@gmail.com

SHAROK

Veronika Viktorovna — PhD, assistant lecturer, sociology and psychology chair, National Mineral Resources University (University of Mines), Moscow, Russia, E-mail: verOnica@mail.ru

SHEFER

Vyacheslav Vladimirovich — head of the course, department of law-enforcement activity, Kuzbass Institute of Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, post graduate in the same academy, Russia, E-mail: wshefer@yandex.ru

SHHELKUSHKINA

Ekaterina Aleksandrovna — PhD, lecturer, general psychology chair, Academy of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Russia, E-mail: K20092008@yandex.ru

Уважаемые авторы!

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие условия.

1. Редакционная коллегия журнала рассматривает только материалы, присланные по почте или представленные на бумажном носителе вместе с дискетой, либо направленные на электронный адрес редакции (**alp_journal@mail.ru**) в следующих объемах: статья—8–12 страниц, обзор, рецензия, информация—не более 5 страниц, иные материалы—по согласованию с редакцией.

2. Текст должен быть набран в редакторе MS WORD, формат страницы А-4, 1,5 интервала; шрифт Times New Roman (размер 14); поля: слева 3 см, сверху, справа и снизу—2 см.

3. Статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках). Ф.И.О. автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтом. На латинский шрифт Ф.И.О. автора переводится через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте <http://www.translit.ru> (Примечание. После загрузки программы Translit.ru. выберите в поле «варианты...» систему Библиотеки Конгресса (LC), потом вставьте в специальное поле весь текст скопированной информации на русском языке и нажмите кнопку «в транслит»).

✓ Аннотация (авторское резюме) на русском и английском языках (не менее 200–250 слов).

✓ Не менее 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).

✓ Список литературы на русском языке, оформленном в соответствии с текущим ГОСТом, и на английском языке, оформленном в соответствии с нижеуказанными правилами.

4. Литература приводится в конце статьи. В начале списка нормативно-правовые акты, далее в алфавитном порядке.

5. При использовании нормативного акта следует указать в тексте его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия—цифрами, месяц—словом, год принятия—четырьмя цифрами, т.е., например, 12 декабря 2003 г.), привести в кавычках полное наименование.

6. В списке литературы необходимо указывать название публикации, источник (для периодических изданий)—место (издательство), год, номер (для периодических изданий), страницы. Постраничные и концевые сноски не допускаются.

7. При ссылках в тексте в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы [1].

8. К статье необходимо приложить сведения об авторах: фамилия и инициалы автора, должность и место работы (с правильным наименованием учреждения), ученая степень и ученое звание (при наличии), контактные данные: телефон(ы) и факс (с кодом); адрес электронной почты (обязательно действующий), почтовый адрес, сфера научных интересов (несколько предложений), также фотографию в электронном виде.

9. На последней странице в обязательном порядке автор подписывает материал и ставит дату его отправки.

10. Материалы аспирантов, соискателей и студентов принимаются при наличии рекомендации соответственно кафедр вузов, отделов научно-исследовательских учреждений. Публикуются бесплатно.

11. Об отказе в публикации и его основаниях авторы извещаются по электронной почте.

Требования к аннотации (авторскому резюме)

В аннотации не должно быть общих, ничего не значащих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания и сути статьи. Он должен быть лаконичен и четок, свободен от второстепенной информации, отличаться убедительностью формулировок. Резюме должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части работы.

Авторское резюме на английском языке в обязательном порядке должно быть:

- информативным (не содержать общих слов), чтобы дать возможность установить основное содержание документа.
- содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированным (следовать логике описания результатов в статье);
- для англоязычного резюме — написано качественным английским языком;
- компактными (укладываться в объем от 200 до 250 слов).

Оформление библиографических ссылок и примечаний в романском алфавите

Пристатейный список литературы в романском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES**, составляется **в порядке полностью идентичном русскоязычному варианту с аналогичной нумерацией**. References помещается после списка литературы на кириллице.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

1. Авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника [транслитерация] [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

2. Запрещается использовать знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания.

Пример:

Author A.A., Author B.B., Author C.C. Title of article. *Title of Journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

Правила транслитерации

Для транслитерации с кириллического алфавита в романский необходимо использовать автоматические системы транслитерации и переводчика. Рекомендуется пользоваться системой на сайте <http://www.translit.ru/>

Прикладная юридическая психология

Рецензируемый научный журнал

Подписка по России:

Каталог «Роспечать» — инд. 71617

Адрес для корреспонденции: 390036, Рязань, ул. Сенная, д.1
Редакция журнала «Прикладная юридическая психология»

Авторские материалы рецензируются.

В случае необходимости доработки статей

редакция связывается с авторами по электронной почте.

Полная или частичная перепечатка авторских материалов
только с письменного разрешения редакции журнала.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Рукописи не возвращаются.

Верстка — В. М. Орехов

Фотограф журнала — Пётр Морозов

Подписано в печать 20.09.2015. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15,0

Тираж 1500 экз. Заказ №